

Кто натравил Гитлера на СССР

ПОДСТРЕКАТЕЛИ «БАРБАРОССЫ»

**Александр
УСОВСКИЙ**

Александр Усовский

СЕКРЕТНЫЕ ПРОТОКОЛЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

**Кто натравил
Гитлера
на СССР**

ПОДСТРЕКАТЕЛИ «БАРБАРОССЫ»

СЕКРЕТНЫЕ
ПРОТОКОЛЫ

II

МИРОВОЙ

Александр Усовский

Кто натравил Гитлера на СССР

Подстрекатели «Барбароссы»

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»

УДК 355/359

ББК 68

У 76

Оформление серии *П. Волкова*

Усовский А. В.

У 76 Кто натравил Гитлера на СССР. Подстрекатели «Барбароссы» / Александр Усовский. — М. : Яуза-пресс, 2012. — 320 с. — (Секретные протоколы Второй Мировой).

ISBN 978-5-9955-0488-7

Новая книга от автора бестселлеров «Как Черчилль развязал Вторую Мировую» и «Военные преступники Черчилль и Рузвельт»! Запретная правда о главных виновниках и тайных причинах самой кровавой трагедии в истории. Убийственные улики против истинных «поджигателей войны». Расследуя величайшее преступление против человечества, автор неопровержимо доказывает: зачинщиком всемирной бойни был отнюдь не Гитлер!

Кто натравил его на СССР, поставив перед необходимостью напасть на Сталина? Врал ли фюрер, объявив вторжение в Советский Союз вынужденной мерой и утверждая, что ведет оборонительную войну? Как его заманили на Восток, вместо десанта на Британские острова заставив подписать самоубийственный план «Барбаросса»? И на ком львиная доля вины за гибель десятков миллионов русских и немцев — на Гитлере со Сталиным или на тех, кто подстрекал и провоцировал столкновение двух социалистических государств на радость глобальной финансовой олигархии и всеми силами раздувал мировой пожар, чтобы таскать каштаны из огня чужими руками?..

Вы не знаете подлинной истории Второй Мировой, если не читали книг Александра Усовского, раскрывающих глаза на ее подноготную, скрытые мотивы, секретные протоколы и самые опасные тайны!

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0488-7

© Усовский А.В., 2012
© ООО «Яуза-пресс», 2012

МОИМ ТОВАРИЩАМ ПО ОРУЖИЮ,
СОЛДАТАМ, СЕРЖАНТАМ И ОФИЦЕРАМ
УЗЛОВ СВЯЗИ ЦКП ВВС
(ПОЗЫВНЫЕ УНЦИЯ И ПРОСТОР) —
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПРОЛОГ

Кто господствует на море, тот контролирует торговлю.

Кто контролирует торговлю, тот владеет богатствами всего мира и, следовательно, самим миром.

*Сэр Уолтер Рэйли,
придворный королевы Елизаветы I,
мореплаватель и пират*

Растворились в морской дали, исчезли за дымкой горизонта величественные силуэты стальных гигантов Флота Открытого моря. Ушли в небытие линкоры и линейные крейсера флота кайзера Вильгельма II — так и не совершив деяний, для которых создавались. Первый и последний раз в европейской истории в начале XX века Германия попыталась стать морской державой — и ее попытка, стоившая колоссальных средств, увы, полностью провалилась.

Никогда до этого и никогда после этого в своей истории Германия не имела столь могучего военноморского флота, как в Первую мировую войну, — и еще никогда за все время ведения человечеством морских войн столь грозный флот не сделал так мало. Лишь однажды, в последний день мая 1916 года, Флот Открытого моря предпринял единственную попытку бросить вызов «владычице морей» — и, так и не ре-

шившись на генеральное сражение, 1 июня спешно покинул Северное море. Эта попытка, в Англии названная «Ютландским боем», немцами же именуемая «битвой при Скагерраке», была единственным деянием германского флота в Первую мировую, о котором немецкие моряки могут вспомнить, не опуская глаз.

Немцы проиграли войну — но если на полях Фландрии и Шампани они яростно сражались с врагом до последнего ее дня и ушли из Франции непобежденными, то у берегов Гельгоlanda эскадры Флота Открытого моря, практически без боя, уступили врагу право владения Океаном задолго до печальных горнов 11 ноября 1918 года.

Германский флот проиграл войну, не проиграв ни одной битвы на море, — таков парадоксальный итог этого морского противостояния. И, не исполнив своего предназначения, канул в небытие, став разменной фигурой великих держав в послевоенном мире.

Союзники посчитали необходимым лишить Германию флота — впрочем, как и армии. Интернировав сначала в гавани Скапа-Флоу десять линкоров, пять линейных крейсеров, пятьдесят эсминцев и новейшие крейсера — потом, при подписании мирного договора в Версале, они уже не смогли от них отказаться. Германия лишилась своего линейного флота не в дыму сражений, не под грохот орудий главного калибра — она потеряла свои эскадры простым росчерком пера.

Немецкий флот погиб, так и не принеся Германии ничего — ни колоний, ни морской торговли, ни трофеев. Он исчез, растворился в дымке истории — как будто его никогда и не было! И лишь надписи на бескозырках матросов, за ненадобностью заброшенных на чердаки крестьянских домов Мекленбурга и Померании, говорили детям бывших матросов и старшин кайзеровского флота о том, что когда-то у причальных стенок Вильгельмсхафена, Киля и Яде стояли

военные корабли. От них остались лишь названия — «Фон дер Танн» и «Гроссер Курфюрст», «Рейнланд» и «Нассау», «Гинденбург» и «Фридрих дер Гроссе» — названия линкоров и линейных крейсеров, однажды чуть было не пошатнувших британское владение морями.

С 1919 года Германия навсегда (во всяком случае, тогда так казалось победителям) лишилась военно-морского флота. Ей, правда, оставили какие-то антикварные броненосцы времен Русско-японской войны, десяток миноносцев и парочку старых крейсеров — но от бывшего величия Флота Открытого моря не осталось практически ничего.

Германию изгнали из морей и океанов — военную Германию. Англичане более не могли допустить риска возникновения могучего флота в одних сутках экономического хода от Лондона — посему немцам в принципе возбранялось строить конкурентоспособные военные корабли. Взамен списываемых броненосцев и уж совсем ветхих крейсеров они еще могли ввести в строй новые единицы; но о расширении флота, а уж тем паче о строительстве новейших видов морских вооружений, подводных лодок или авианосцев — и речи быть не могло. Флот Германии навеки должен был стать флотом береговой обороны.

Впрочем, Веймарской республике поначалу иной флот был и так не по карману. Разоренная страна с трудом содержала даже безнадежную рухлядь типа «Брауншвейга» или «Газелле» — ей ли было думать об океанских рейдерах! Матросов бы на старых посудинах прокормить...

Но мир меняется. И, что важно, меняется быстро и неожиданно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Военный флот Веймарской республики

Великобритания в статьях Версальского мира, посвященных немецкому военно-морскому флоту, поизгалялась над недавним противником всласть. Мало того, что боевое ядро Флота Открытого моря передавалось союзникам (немцам ничего не оставалось делать, как подписать и это условие — корабли уже и так были интернированы в английской базе Скапа-Флоу) — в состав военного флота новорожденной Веймарской республики англичане включили самые ветхие из оставшихся на плаву кораблей! Ничего, кроме насмешек, эти корабли вызвать не могли не то что у британских моряков — у бразильских или аргентинских матросов они рождали лишь скупую мужскую слезу жалости.

Посудите сами.

Германии разрешалось сохранить в составе флота шесть «линкоров» (было восемь, но два совсем уж углых парохода списали в мишени). В число этих кораблей вошло: три броненосца типа «Дейчланд» (постройки 1905—1908 годов) и три броненосца типа «Брауншвейг» («годы рождения» последних — 1902—1905 годы). Ни о каких турбинных силовых установках у этих свидетелей начала века не могло идти и

речи — двигали их старые добрые паровые машины тройного расширения, в невероятных количествах пожирающие уголь, с КПД в пределах 8–9%: англичане решили, что турбины на военных кораблях для немцев — невыносимая роскошь.

Поскольку общий лимит водоизмещения «линейного флота» превышал допустимые 60 000 тонн, часть кораблей (самые старые и ветхие) постепенно в 1920–1923 годах перевели в разряд кораблей-мишеней (только для чего они, собственно, и годились). Участь послужить Отечеству в качестве цели для артиллеристов береговой обороны постигла четыре древних броненосца. И лишь два «парохода» из этой эскадры дожили в качестве учебных линейных кораблей до первых выстрелов новой войны. Это были броненосцы типа «Дейчланд» — «Шлезииен» и «Шлезвиг-Гольштейн». Их полное водоизмещение составляло 14 900 тонн, длина — 128 метров, осадка — 7,9 метра, мощность паровой машины тройного расширения составляла 17 000 лошадиных сил (даже у эсминцев 30-х годов подобная мощность машины признавалась безнадежно низкой!). В молодости эти «линкоры» развивали скорость 18 узлов, к 1939 году едва могли «выжать» 12. Впрочем, принципиального

Броненосец «Шлезииен» типа «Дейчланд»

значения — восемнадцать или двенадцать узлов — это на самом деле не имело. Английские «одноклассники» немецких броненосцев рассекали волны со скоростью от 23 (линкор «Нельсон») до 32 (линейный крейсер «Худ») узлов; данные цифры говорят лучше всяких слов.

О вооружении немецких «линкоров» лучше всего было бы с грустью промолчать. Впрочем, так, чисто для справки — главный калибр этих кораблей составляли четыре 280-мм пушки, вспомогательный — десять 150-мм орудий, кроме того, имелось четыре 88-мм и две 20-мм зенитных орудия. Самые же «скромные» по вооружению британские линейные корабли (типа «Ривендж») могли вести огонь из восьми 381-мм орудий главного калибра, восьми 152-мм, восьми 102-мм орудий противоминной артиллерии. Что называется, почувствуйте разницу. Даже «самые слабые» линейные крейсера англичан — корабли военной постройки (с ее неизбежными «давай-давай») «Рипалс» и «Ринаун» — и то имели на вооружении шесть 381-мм орудий, так же как и линкоры, многократно превосходя немецкие «пароходы» в весе залпа, дальности огня и скорострельности.

* * *

Что касается крейсерских сил, то англичане, памятуя печальные уроки Коронеля и опасаясь за свои океанские линии снабжения (хотя опыт Первой мировой доказал, что «крейсерская война» без опоры на береговую инфраструктуру безнадежна — но чем черт не шутит? От этих тевтонов всего можно ожидать...), разрешили немцам иметь в строю своего ВМФ лишь такие «крейсера», скорость и боевые возможности которых позволяли бы им (в случае новой войны) лишь одно — с честью погибнуть за фатерланд. И ничего более.

Два легких крейсера типа «Бремен» в 1920 году назвать «крейсерами» (даже легкими!) мог только ну очень смелый человек. Водоизмещение этих «как бы крейсеров» составляло всего 3300 тонн (напомню, что водоизмещение эсминцев к концу Первой мировой войны активно приближалось к двум тысячам тонн, а водоизмещение английских лидеров эсминцев «Свифт» и «Брук», постройки 1918 года, значительно превысило две тысячи). Максимальная скорость «бременов» по паспорту составляла 23 узла (при максимальных оборотах паровой машины), вооружение — десять 105-мм пушек; если учесть год их «рождения» — 1903 — 1905-й — и тот факт, что двигали эти «крейсера» все те же старые добрые паровые машины тройного расширения, то о боевом значении этих кораблей можно смело забыть. Тем более смешно всерьез говорить о «боевом значении» пяти крейсеров типа «Газелле», водоизмещением 2700 тонн, с максимальной скоростью хода в 21 узел и с вооружением из десяти 105-мм орудий — скорость британских эсминцев к концу Первой мировой активно приближалась к 35 узлам, а главный калибр плавно поднялся со 104 мм до 114, при вдвое большей, чем у немецких 105-мм пушек, дальности стрельбы. Крейсера типа «Газелле» были введены в состав кайзеровского флота в 1900 — 1901 годах и уже к началу Первой мировой войны считались безнадежно устаревшими, и оставить их в составе германского флота было не более чем злой шуткой британских адмиралов. Для примера — не самые мощные английские лидеры эсминцев (отнюдь не крейсера!) типа «Шекспир» имели водоизмещение 2010 тонн, скорость хода 38 узлов, вооружались пятью 102-мм орудиями и шестью 533-мм торпедными аппаратами.

Из всех этих древних немецких «крейсеров» до 1939 года дожил лишь «Гамбург» (погиб в 1944 году). Остальные «боевые единицы» немцы, лишь только

Крейсер «Гамбург»

оправились от жестокого нокаута Версаля, начали постепенно менять на новые корабли. Но об этом — позже.

Еще в составе ВМФ Веймарской республики союзники позволили иметь 12 больших миноносцев типа V-1 и 18 — типа S-138, всего 30 кораблей. Не бог весть какие «дестройеры», но все же 13 из них дожили до сентября 1939 года, воевали, и восемь оставшихся на плаву к маю 1945 года миноносцев этих типов даже стали предметом репарационных споров между Англией и СССР. Вот что значит немецкое качество продукции!

В заключение надо добавить, что союзники немцам оставили немало тральщиков — тридцать семь штук кораблей типа М и восемь малых тральщиков типа FM. Но это — чисто из утилитарных соображений; должны же были немцы тралить мины, в свое время щедро вываленные всеми воюющими флотами в воды Балтийского и Северного морей!

Ах, да. В качестве ядовитой насмешки победителей (и ни по каким иным причинам) в составе немецкого

флота союзниками была оставлена канонерская лодка «Пантера» — та самая, что явилась причиной так называемого «агадирского инцидента», первого звоночка к началу мировой войны.

* * *

Надо отметить, что британский военно-морской флот на момент окончания Мировой войны (тогда еще — просто «Мировой», без порядкового номера; человечество еще наивно надеялось оставить подобное вселенское побоище в единственном экземпляре) был самым крупным подобным военным инструментом в мире. И то сказать: суммарный тоннаж его кораблей составлял три с четвертью миллиона тонн! Сорок два линкора и линейных крейсера, двадцать восемь броненосцев, четыре авианосца, сто двадцать крейсеров, пятьсот двадцать семь эсминцев (еще раз, уважаемый читатель — эскадренных миноносцев в составе британского флота было БОЛЕЕ ПЯТИСОТ!) и сто сорок семь подводных лодок — это вам не шутки. Да еще более тысячи кораблей всех классов находились на стапелях.

Естественно, содержать такой гигантский флот, да еще в мирное время, да к тому же, не имея для него достойного врага, — было очевидным излишеством. Посему уже первый послевоенный план Адмиралтейства (июнь 1919 года) предусматривал решительное сокращение флота. «За штат» и под разделку на металл выводились, во-первых, все броненосцы. Ну, тут ничего удивительного нет — их время закончилось с последними залпами Русско-японской войны, использовали их англичане главным образом в качестве ну очень больших плавучих артиллерийских батарей (например, в Дарданеллах). Кроме того, списывалось еще шестьдесят крейсеров (тоже — наиболее устаревших) и сто семьдесят два эсминца.

Линейный крейсер «Худ»

Но фактический крах британской экономики вынудил тогдашнего Первого морского лорда Д. Битти подписать смертный приговор еще десяти линкорам-дредноутам первых серий, двадцати девяти крейсерам и тридцати эсминцам и миноносцам.

Что характерно — на замену всей этой орде боевых кораблей в строй английского флота вступил только один линейный крейсер — «Худ», созданный с учетом опыта войны. Вообще-то планировалось, что их будет четыре, но казна была пуста, и три его систершипа были разобраны прямо на стапелях.

* * *

И в этот момент английский флот (вкуче со всей Британской империей) получил удар в спину. Или, вернее, ниже пояса. Или то и другое? В общем, британские морские лорды, английский кабинет министров и лично Его Величество король Великобритании получили внезапную сокрушительную плюху от недавнего «друга и союзника», от братского, можно сказать народа. От Североамериканских Соединенных Штатов.

Оные Штаты немыслимо нажились на горе и бедствиях европейцев, созданных и взлелеянных этими самыми европейцами. И теперь, после окончания ве-

дикого военного противостояния, американцы решили получить какие-то политические дивиденды с рек крови, текших совсем недавно по европейским равнинам (и пролитых в том числе с помощью американского оружия).

Что потребовали наши ревнители свободы и демократии от истощенной войной, погрязшей в долгах (им же) Великобритании?

Да так, пустячок. Сущую мелочь — господство над миром.

Американцы посчитали, что раз Англия и Франция задолжали им невыносимые деньги — то вполне разумно и справедливо со стороны США, используя факт задолженности, вежливо попросить должников уступить заокеанской республике влияние над лакомыми кусочками Земли. К каковым американцы отнесли Китай, всю Юго-Восточную Азию, Скандинавские страны, Ближний Восток — короче, все, что плохо лежало. Оформив всю эту музыку как договор о сокращении морских вооружений, в коем **впервые за всю историю Англии**, как морской державе, **будет указан предел численности ее флота.**

Англичане покочевряжились, не без этого, — но вынуждены были уступить. Экономическое положение империи взывало к здравому смыслу. А посему Великобритания согласилась на то, что отныне США имеют право лезть всюду, где считают нужным, в том числе и в зоны исконного английского влияния. А дабы англичанам не пришла в голову фантазия оспорить когда-нибудь в будущем эту американскую бесцеремонность — янки заставили островитян подписать морской договор об отныне фактическом равенстве морских вооружений обоих англосаксонских государств.

«Договор пяти держав», подписанный 7 февраля 1922 года, во-первых, хоронил англо-японский морской союз. Американцам давно не нравилась нежная дружба англичан и подданных микадо — они полагали (и не без оснований), что она направлена против США.

Во-вторых, Вашингтонский договор узаконивал равенство морских вооружений США и Великобритании — отныне тоннаж их линейных сил не мог превышать 525 тысяч тонн, причем водоизмещение одного линкора (линейного крейсера) не должно было превышать 35 тысяч тонн.

Сказать, что этот договор был для Англии крайне болезненным ударом — значит, ничего не сказать. Без войны, без морских сражений британский флот разом лишался двадцати сравнительно новых и безусловно боеспособных линкоров; мало того, англичане были вынуждены отказаться от строительства четырех линейных кораблей типа «Сент-Эндрю». После выполнения условий Вашингтонского соглашения в строю английского флота оставалось всего лишь десять линкоров — пять типа «Куин Элизабет» и пять типа «Ривендж» — да два линейных крейсера с 381-мм артиллерией главного калибра! Лишь за два года до этого в военно-морских базах Великобритании было не протолкнуться от чудовищного скопища военных кораблей — теперь же рейды пугали жуткой пустотой.

К началу 1922 года англичане не имели в строю ни одного линкора с 406-мм артиллерией главного калибра — у американцев же было три подобных корабля, у японцев — два. Воспользовавшись этим прискорбным фактом, Д. Бальфур настоял на разрешении Великобритании построить парочку линкоров с подобным главным калибром — «Родней» и «Нельсон».

Линейный корабль «Куин Элизабет»

И линкоров у англичан в 1929 году стало двенадцать (плюс два линейных крейсера военной постройки — «Рипалс» и «Ринаун», и могучий «Худ»).

* * *

В общем, Англия в начале двадцатых годов изрядно убавила свой военно-морской потенциал — вернее, ей его убавили «друзья и союзники». Немудрено, что британцы столь строго подошли к ограничению немецких морских вооружений — не хватало им еще, вдобавок к противостоянию с заокеанскими «братьями по крови», еще и от немцев ждать пакостей с моря.

Посему новые боевые единицы, кои должны были вступить в строй немецкого военно-морского флота взамен окончательно обветшавших броненосцев и крейсеров, должны были иметь крайне скромные характеристики.

Броненосец «Вяйнемянен»

По условиям Версальского мира водоизмещение новых «линкоров» Германии не должно было превышать 10 000 тонн, крейсеров — 6000 тонн, эсминцы же ограничивались и вовсе смехотворной цифрой в 800 тонн. Полноценные боевые единицы в такие параметры «втиснуть» было невозможно — и англичане это прекрасно понимали.

В их действиях, тем не менее, была железная логика.

Линкор водоизмещением в десять тысяч тонн и с артиллерией главного калибра в 280 мм — откровенный мизерабль среди своих европейских «одноклассников». Но для Балтийского моря с его скромными расстояниями и игрушечными глубинами в подобное водоизмещение вполне реально вместить полноценный броненосец береговой обороны — да еще какой! Финские «Вяйнемянен» и «Ильмаринен» несли четыре 254-мм орудия главного калибра, восемь 105-мм универсальных пушек, малокалиберные зенитки — при водоизмещении менее пяти тысяч тонн!

То же самое с крейсерами. Шесть тысяч тонн — это отнюдь не океанский рейдер, но для Балтики такое водоизмещение вполне годится. Корабль с такой базовой характеристикой, конечно, не сможет иметь дальность хода для того, чтобы выйти на английские коммуникации — а вот для обстрела с моря Кронштадта вполне подойдет!

Англичане были мудры.

Но и немцы были тоже еще те кренделя.

* * *

Самое первое, что после немыслимого поражения своего флота (практически без сражений) сделали немецкие адмиралы, — это засели за письменные столы. Не писать мемуары — целью их эпистолярных упражнений стала ненасытная жажда реванша.

Понятно, что еще раз построить флот из двадцати пяти линкоров и линейных крейсеров Германии будет однозначно не по карману. А посему ведущие немецкие военно-морские теоретики принялись разрабатывать способы насолить проклятому Альбиону без того, чтобы вновь строить линейный флот.

Вице-адмирал О. Гросс разработал изящную концепцию крейсерской океанской войны. Стремление кайзеровского флота к генеральному сражению с британским Гранд Флитом было признано им однозначно ошибочным — вместо этого более слабая сторона (Германия) в будущей войне начнет войну на самом уязвимом театре — на английских торговых путях.

О. Гросс и В. Вегенер пришли к выводу, что флот более слабой морской державы должен поставить под свой контроль коммуникации противника, но при этом всеми силами стараясь избежать безнадежного для него сражения с главными силами врага. То есть война немецкого флота с английским в будущем

предполагалась исключительно и сугубо как крейсерская война. Лишь в этом случае у немцев, по мнению их военно-морских теоретиков, был какой-то шанс на победу.

Замечу также, что войну с Англией на ее коммуникациях немецкие адмиралы планировали задолго до прихода к власти нацистов — это была, что называется, *idée fixe* германских флотоводцев. Так что обвинять Гитлера в том, что он начал планировать военно-морское единоборство с Великобританией, — значит однозначно погрешить против истины. Гитлер всего-навсего *не мешал* своим адмиралам готовиться к такому единоборству — и не более того.

Теория (причем довольно стройная) немецкой морской войны уже в начале двадцатых годов была создана. Настала пора под эту теорию строить корабли.

* * *

Не было денег. Их у Веймарской республики не было вообще, и на флот в частности. Посему флотские деятели проявили максимум изобретательности, превзойдя в этом деле самих себя.

Официально возрождение германского флота началось в 1921 году с закладки легкого крейсера «Эмден» II — де-факто, последнего, пятнадцатого корабля серии еще кайзеровских легких крейсеров типа «Кенигсберг» II. Для начала двадцатых годов корабль был так себе, ничего выдающегося. Стандартное водоизмещение 5600 тонн, восемь 105-мм пушек, три 88-мм и четыре 37-мм зенитки, два двухтрубных торпедных аппарата. Двухвальный турбозубчатый агрегат мощностью 46 000 лошадиных сил позволял «выжимать» максимально 29 узлов. На хрупкий корпус немецкие конструкторы взгромоздили катапульту при двух гидросамолетах — но в целом крейсер особых восторгов не вызвал. Тем более — заложен он был в един-

Легкий крейсер «Кенигсберг»

ственном экземпляре и из-за чрезвычайной скупости рейхстага строился аж четыре года.

Значительно важнее, чем закладка простенького легкого крейсера, для развития немецкого военного кораблестроения были скрытые от чужих глаз действия германских моряков и конструкторов, формально на военный флот не работающих.

Рейхстаг не решился ассигновать достаточно средств на корабли — что ж, не беда. «Флотское подполье» создало специальные «черные фонды», куда в обход парламента поступали внебюджетные средства на строительство флота. Под вывеской различных гражданских проектно-исследовательских контор начали работать офицеры флота, не состоящие в штате военного ведомства. В 1922 году через подставную фирму «Дешимаг» германский флот приобрел контрольный пакет акций голландской проектировочной компании. Тут же в ее штат были включены немецкие судостроители, немедленно начавшие проектирование боевых кораблей для немецкого флота. Формально «голландская» фирма проектировала подводные лодки для разных финляндий и уругваев — на самом

деле это была важная работа по возрождению немецкого подводного флота. Для Испании была спроектирована подводная лодка Е-1 («Эчивария») — модификация последней кайзеровской лодки В-III, для СССР в 1933 году на ее базе спроектировали подводную лодку Е-2 (позже ставшую Н-1 и положившую начало серии советских подводных лодок типа С). Главное же в деятельности этого конструкторского бюро было отнюдь не снабжение субмаринами флотов малых стран — хотя лодку для Финляндии тут не только построили, но даже испытали. Главное было — находиться в постоянной готовности (немедленно после оглашения «дня Х») начать строительство боеспособных подводных лодок для Германии.

Во время океанских плаваний учебного крейсера «Гамбург» и судна обслуживания «Метеор» впервые в мире были проведены сеансы связи на сверхдальние расстояния — от Берлина до островов Пасхи. Это позволило в дальнейшем немцам создать систему связи, которая принесет колоссальную пользу германским надводным рейдерам во Второй мировой войне.

* * *

1925 год — новый этап в строительстве немецкого флота. В течение этого и следующих двух лет на германских верфях были заложены первые три современных легких крейсера — «Кенигсберг», «Карлсруэ» и «Кельн». Немецкие конструкторы все еще придерживались ограничений, наложенных на них Версальским миром, — но уже не так строго. Стандартное водоизмещение новых крейсеров несколько превысило разрешенные 6000 — но немного, всего на 11%. Мастерство немецких проектировщиков и безупречная работа корабелов позволили создать при столь малом тоннаже весьма достойные корабли. Вооружение этих крейсеров составили девять 150-мм

орудий в трехорудийных башнях, три двухорудийные 88-мм зенитные установки, десять 37-мм и двадцать четыре 20-мм зенитных автоматов. Плюс к этому — четыре трехтрубных торпедных аппарата. Для легких крейсеров столь мощное вооружение было введено впервые, а трехорудийные башни до немцев на корабля такого класса никто никогда еще не ставил.

Силовая установка этих крейсеров была также революционна. Поскольку турбозубчатый агрегат — двигатель весьма прожорливый, а высокие скорости, которые он дает, требуются крейсеру очень редко — немцы впервые в мировой практике ввели понятие «двигатель экономического хода». Турбина мощностью 68 000 лошадиных сил дополнялась дизелем в 11 800 «лошадок», который позволял крейсеру двигаться со скоростью 19 узлов — и серьезно экономить топливо. К сожалению, немцы не додумались (они это сделают позже) работу дизеля и турбины разделить на разные гребные валы, поэтому, когда турбина включалась (крейсеру нужно было развить контрактные 32 узла) — дизель отключался и плыл «пассажиром».

В это же время, вдобавок к заложенным крейсерам, немцы начинают строительство двух серий прибрежных миноносцев — типа «Меве» (образца 1923 года) и «Ильтис» (обр. 1924-го). Всего было заложено 12 единиц, при весьма скромном водоизмещении (полное — 1300 тонн) вооруженных тремя 105-мм орудиями, двумя трехтрубными торпедными аппаратами и четырьмя 20-мм зенитными автоматами. Скорость их достигала 33 узлов, дальность хода — 3100 миль.

В целом эпоха командования рейхсмарине адмиралами Бенке и Ценкером (1919—1928 гг.) характеризовалась постепенным возвращением Германии на моря — но в очень, очень, очень скромном качестве. Четыре легких крейсера и двенадцать миноносцев

прибрежного действия — это одна чрезвычайно слабая тактическая группа, даже «эскадрой» ее назвать язык не поворачивается. Но «по одежке протягивай ножки» — в то время и это, более чем малочисленное, пополнение флота было праздником для немецких моряков.

* * *

В 1928 году на пост главного немецкого моряка заступил адмирал Эрих Редер. Это был, без преувеличения, резкий поворот в истории германского флота.

Среди людей, далеких от флота и его истории, непреложной истиной является заблуждение, будто бы «карманные линкоры», *Panzerschiffe*, были продуктом яростного нацистского желания вступить в войну с Англией.

Так вот. Это не так.

Первый «карманный линкор», «Дейчланд», был заложен в 1929 году, его систершипы — «Адмирал Шеер» и «Адмирал граф Шпее» — соответственно, в 1931 и в 1932 годах. Нацисты в это время еще были оппозиционной партией и на планы строительства военного флота, естественно, никак влиять не могли.

О «карманных линкорах» знают, хотя бы понаслышке, многие. Изящный эвфемизм сей скрывал под собой вовсе не корабли для линейного боя — упаси боже! Данные боевые единицы были первыми настоящими *океанскими рейдерами* — то есть именно теми кораблями, которыми, по мнению вице-адмирала Гросса, Германия и должна была вооружить свои военно-морские силы для успешной крейсерской войны с Англией. С Англией! Ни для чего иного эти немисливо дорогие корабли («Дейчланд» обошелся казне в 80 миллионов марок!) не годились.

Но корабли, безусловно, были интересными. Конечно, никакими линкорами они не являлись, этот

«Карманный линкор» «Адмирал Шеер»

термин появился из-за того, что их строили на замену броненосцам типа «Брауншвейг». Англичане весьма надеялись, что немцы спустят на воду броненосцы береговой обороны для действий на Балтике. Немцы же вводом в строй данных боевых единиц наставили островитянам изрядный нос.

Стандартное водоизмещение «дейчландов» составляло 11 700 тонн — чуть больше разрешенных десяти тысяч. Бортовая броня имела толщину 80 мм, суммарная толщина броневых палуб составляла 62 мм. Максимальная скорость не превышала 28 узлов. В общем, по всем характеристикам — неплохой «вашигтонский» тяжелый крейсер, и не более того.

Но существовало два момента, напрочь перечеркивающих такое утверждение.

Первое — это шесть 280-мм орудий главного калибра в двух трехорудийных башнях. Для обычного тяжелого крейсера главным калибром считались восьмидюймовки (203-мм), снаряд которых был вдвое легче 280-мм. Таким образом, благодаря немислимой мощи артиллерии «карманные линкоры» в теории легко справлялись с любым (любим!) тяжелым крейсером врага, а от кораблей линейного класса (линкоров и линейных крейсеров) они (опять же, чисто теоретически) вполне могли удрать на полном ходу

(в 1930 году скорости всех британских линкоров и линейных крейсеров не превышали 26 узлов — всех, кроме «Худа»).

И второе — дальность плавания экономическим 19-узловым ходом у этого корабля достигла колоссальной цифры — 12 500 миль, или почти 20 000 километров! За счет широкого применения электросварки, легких сплавов, рационального размещения вспомогательных механизмов проектировщикам удалось втиснуть в небольшой корпус корабля восемь экономичных дизелей фирмы MAN суммарной мощностью 56 800 лошадиных сил — вместо обычной прожорливой турбины.

Конечно, на деле все было не так уж радужно, как в проектах, — дизеля на полном ходу вызывали страшную вибрацию корпуса, 150-мм артиллерия вспомогательного калибра в условиях реального боя оказалась бесполезной. Да и цена «карманных линкоров» зашкаливала за все разумные пределы.

Но в целом эти корабли в будущей войне вполне справились с той задачей, которую возложило на них командование кригсмарине, — они стали постоянным ночным кошмаром для командования английского флота.

* * *

Кроме «карманных линкоров» в «донацистский» период развития немецкого флота для его пополнения были заложены еще два легких крейсера — в 1928 году «Лейпциг», в 1933-м — «Нюрнберг». Их водоизмещение выросло на несколько сот тонн («Лейпциг» — 6700, «Нюрнберг» — 6980), мощность двухвального турбозубчатого агрегата составила 66 000 лошадиных сил, одновального дизеля экономического хода — 12 400 «лошадей», причем на этот раз и турбины, и дизель работали на разные валы, что позволяло обоим

Легкий крейсер «Лейпциг»

двигателям работать одновременно. Артиллерийское вооружение особых изменений по сравнению с типом «Кельн» не претерпело, лишь была добавлена четвертая двухорудийная 88-мм башня.

Итак, подведем итог.

Что представлял собой флот Веймарской республики?

Инструмент для войны на торговых коммуникациях врага. Ни для чего другого ни «карманные линкоры», ни легкие крейсера напрочь не годились. Причем эта война должна была стать войной одиноких рейдеров, затерянных в океане, — немцы пока даже не планировали (вернее, это не разрешали им делать статьи Версальского мира) строить океанские эсминцы для сопровождения крейсеров!

Этих кораблей у немцев было ничтожно мало — три океанских рейдера плюс шесть «охотников», действующих в прибрежных морях. Но при всей их малочисленности эти корабли служили исключительно целям нападения — защита германских берегов в их функции даже в проекте не входила. Немцы четко ориентировали свой флот на крейсерскую войну у чужих берегов — и в этом была их сила.

В принципе, крейсерская война дает определенные шансы стране со слабым флотом, но высокой экономической автаркией. И немцы поняли это еще в

начале двадцатых годов абсолютно четко. Вся их программа строительства флота была направлена именно на развитие этого направления войны на море.

Понятно, почему. Открытая экономика (Англии или США) обычно более эффективна, нежели замкнутая. И рейдеры, действующие на коммуникациях врага, призваны этот дисбаланс разрушить (ну, или серьезно ослабить). Так что в теоретических изысканиях немецких адмиралов было весьма мощное рациональное начало.

Которое подхватили пришедшие к власти в Германии нацисты.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Морские планы национал-социалистической Германии

Принято считать, что, едва придя к власти, национал-социалистическая немецкая рабочая партия (NSDAP) тут же принялась лихорадочно вооружать вверенную ей страну — причем исключительно из желания незамедлительно развязать пожар новой мировой войны. В этом нас убеждал и (почивший ныне в бозе) советский агитпроп, об этом сегодня вещают и (либеральнейшие из либеральных) западные историки и публицисты.

Вот так вот, на ровном месте, в 1933 году вдруг возникло страшно агрессивное государство в центре Европы — через шесть лет после своего появления зажегшее мир с четырех концов. Просто потому, что Гитлер был кровавым маньяком, нацисты — шайкой патологических убийц, а весь немецкий народ — доверчивым стадом овец, поверившим этим кровавым злодеям.

Ерунда какая-то получается.

Ну ладно, пусть мечтой всей жизни Адольфа Гитлера было затеять Вторую мировую войну и в результате ее покончить свою жизнь самоубийством в подвале рейхсканцелярии. Допустим. Допустим также, что миллион членов национал-социалистической партии

были безудержными фанатиками, людьми идеи, вверившими свою жизнь оному Адольфу Гитлеру и решившими сражаться с ним до конца — каков бы ни был этот конец. Ладно, пусть так.

Но немцев, между прочим, было на тот момент восемьдесят миллионов. И если тупые фанатики ввергли Германию в кровавую войну — никто не мешал этим самым восьмидесяти миллионам элементарно саботировать деяния оных фанатиков весьма несложным путем. А именно — воткнуть штык в землю. Простенько и со вкусом. Или сдаться в плен врагу — что тоже есть весьма действенный вариант пассивного сопротивления кровавому режиму.

Положим, затеял Адольф Гитлер поход на Польшу — а его 10-я и 14-я армии р-р-раз — и сдались полякам! И весь южный фланг в одночасье оголился — тут же поляки берут штурмом Бреслау и вторгаются в Саксонию, осадив Дрезден. Гитлеровский режим рухнет, в Германии воцаряется тишь да благодать, расцветает демократия, и немцы живут счастливо и мирно.

Вместо этого немцы — весь народ, без изъятия — неистово сражаются со всем миром на десятках фронтов шесть лет подряд.

То есть налицо — явная нестыковка.

Впрочем, таких нестыковок в официальной истории фашистской Германии (написанной или отредактированной ее бывшими врагами) и Второй мировой войны (созданной ими же) — пруд пруди. Мы на всех их останавливаться не станем — нас интересует немецкий военный флот. Который, вместе с авиацией, вскоре станет главным инструментом гипотетической операции «Морской лев». И нам любопытно знать — КАКОЙ ФЛОТ строил Адольф Гитлер? Насколько этот флот будет действительно способен противостоять врагу на морях? И, главное, какому врагу?

Вот, собственно, об этом и есть наша песня.

Интересный момент — германское министерство обороны (еще Веймарской республики!) утвердило кораблестроительную программу, беззастенчиво нарушающую ограничения Версальского мира, еще в 1932 году. Данная программа включала в себя назревшие планы создания мореходных эсминцев (что Германии было запрещено), торпедных катеров (что запрещено было категорически), морской авиации (что запрещалось абсолютно) и подводных лодок (что было просто вопиюще незаконным деянием). Так что обвинения с Адольфа Гитлера по этим пунктам можно снять — наступательные виды морских вооружений планировала создавать уже Веймарская республика.

Впрочем, обвинения в «сухопутном» милитаризме национал-социалистов тоже можно отменить — за отсутствием состава преступления. Во всяком случае, в первые месяцы после прихода нацистской партии к власти.

И тоже понятно, почему.

В 1933 году все европейские страны имели серьезные массовые армии с тяжелой и зенитной артиллерией, танками и авиацией. Все бывшие враги Германии по Мировой войне вооружены были, по сравнению с ней, до зубов. Превосходство их над рейхсвером было безусловным и абсолютным. У Франции на 1933 год в строю было две с лишним тысячи танков — у немцев ни одного. У Польши в это же время на вооружении было более четырехсот стволов тяжелой артиллерии (калибром от 149 до 210 мм) — Германия не имела ни одной такой пушки.

Посему первые публичные заявления фюрера германской нации были изумительно миролюбивыми. И даже более того — Гитлер предложил всеобщее разоружение, глобальное сокращение всех сухопутных

армий Европы. Кстати, именно подобное европейское будущее после победы над агрессивным прусским милитаризмом и предполагали Ллойд-Джордж и Клемансо в своих речах на Парижской мирной конференции.

В ответ на немецкие предложения по всеевропейскому разоружению Франция озлобилась и вознегодовала — Англия же флегматично промолчала (ей сокращение сухопутных сил было до лампочки, у Англии был ФЛОТ). Такая негативная реакция французских правящих кругов и была нужна Гитлеру как повод для начала вооружения Германии.

14 октября 1933 года Германия отозвала своего представителя с переговоров по разоружению в Женеве и демонстративно вышла из Лиги Наций.

18 декабря 1933 года немецкие власти направили одной Лиге меморандум, в котором говорилось, что в создавшейся ситуации Германия не видит дальнейшей возможности в проведении политики разоружения, а поэтому считает необходимым увеличить численность своей армии и повысить военные расходы на 90%.

Но это — сухопутные войска. Относительно флота планы немцев были еще очень скромными — все немецкие моряки хорошо помнили, чем закончил Флот Открытого моря, посмевавший бросить вызов английскому Гранд-Флиту.

Да и в целом отношение нацистов к Британской империи было весьма щепетильным.

Стоило лишь в июне 1933 года на всемирной конференции в Лондоне министру сельского хозяйства Германии Гутенбергу громогласно потребовать от Англии возвращения кайзеровских колоний — немедля сей министр был уволен с должности без выходного пособия. Понапрасну злить «британского льва» Гитлер не хотел — это было очевидно.

В начале 1935 года немцы предложили Великобритании заключить морское соглашение — априори соглашаясь с тем фактом, что британское доминирование на морях остается безусловным. Переговоры начались 4 июня 1935 года — для участия в них прибыл лично министр иностранных дел Германии Риббентроп — настолько эти переговоры были важны для рейха.

18 июня договор был подписан. Он позволял Германии иметь надводный флот в 35% от английского — в том числе «узаконивал» постройку заложенных за год до этого двух линейных крейсеров («Шарнхорст» и «Гнейзенау»), двадцати мореходных эсминцев и первых собственно немецких подводных лодок.

И опять все планируемые к постройке корабли имели в качестве базовой функции способность действовать в качестве рейдеров против торгового судоходства врага — даже эсминцы! Для чего флотское командование потребовало достичь для этих кораблей дальности хода в 3000 миль. В реальности немецкие кораблестроители достигли даже большего (как они думали) — 16 эсминцев типа «Лебрехт Маас» («проект 1934») при стандартном водоизмещении 2200 тонн и вооружении из пяти 127-мм, четырех 37-мм орудий и двух четырехтрубных торпедных аппаратов имели дальность плавания 19-узловым ходом в 4500 миль — то есть ничем не уступали лучшим британским «одноклассникам». Но, как показала дальнейшая практика, — лишь теоретически.

Для того чтобы достичь заказанной дальности хода, немецкие кораблестроители поставили на эти эсминцы котлы Вагенера с давлением пара в 70 атмосфер. Считалось, что чем выше оно — тем выше весь КПД двигательной установки и соответственно наличного запаса топлива хватит на большее рассто-

Эскагранный миноносец типа «Лебрехт Маас»

яние. Увы, это была теория — и немецкие моряки на своей шкуре в апреле 1940 года испытали действие тезиса «практика — лучший критерий теории». От Вильгельмсхафена до Нарвика — чуть более тысячи миль. Десять эсминцев типа «Лебрехт Маас», взяв на борт десантников, 9 апреля 1940 года ворвались в этот северонорвежский порт. Нарвик-то они, конечно, захватили, но в их цистернах почти не осталось топлива. В результате этого трагического несоответствия теории и практики все десять эсминцев были потоплены англичанами...

В 1937 году началась постройка шести эсминцев типа «Дитер фон Редер», представляющих собой несколько усовершенствованный тип предыдущих эсминцев. Было увеличено до 2400 тонн водоизмещение и удлинена носовая часть.

В общем, все 22 корабля этих двух схожих типов вступили в строй немецкого флота в 1936 — 1939 годах, до момента начала Второй мировой войны.

В 1935 году, сразу же после подписания англо-германского морского соглашения, немцы заложили тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер», в следующем году — его сестершипы «Блюхер» и «Принц Ойген».

Тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер»

Четвертый корабль этой серии, «Лютцов», заложенный в 1937 году, в феврале 1940 года был продан Советскому Союзу и на буксире 15 апреля 1940 года прибыл в Ленинград. Заложенный в 1938 году «Зейдлиц» так и не покинул стапелей — в 1942 году его едва наметившийся корпус разобрали на металл.

Таким образом, «классических» тяжелых крейсеров нацистская Германия построила за все предвоенные годы три штуки. ТРИ!

И это — итог всех усилий кровожадного агрессора в гонке военно-морских вооружений в данном сегменте боевых кораблей. Как-то не шибко густо, вы не находите? А что же в ответ на этот безумный рост германских морских вооружений ответила миролюбивая Англия?

А миролюбивая Англия, продолжая обуздывать поползновения коварных тевтонов, понемножку увеличивала свой флот — причем безостановочно: в начале 1926 года сошли на воду тяжелые крейсера «Кент», «Бервик», «Корнуол», «Кумберленд» и «Саффолк», а в 1927 году — для австралийского флота — еще два, «Австралия» и «Канберра». Это были весьма мощ-

Тяжелый крейсер «Йорк»

но вооруженные и быстроходные корабли со стандартным водоизмещением 9750 — 9870 тонн, несшие по восемь 203-мм орудий и развивавшие скорость 31,5 узла, правда, продолжавшие нести довольно бесполезную — ввиду ее недостаточности («картонную», по выражению английской прессы) — бортовую броню.

В дальнейшем английские кораблестроители вообще отказались от 76 — 127-мм бортовой брони (которая только создавала иллюзию защищенности, безжалостно пожирая столь нужный для других целей тоннаж), оставив только 37 — 102-мм броневую палубу (ибо считалось, что современные корабли вряд ли будут лупить друг по другу на pistolетных дистанциях боя, в упор — для защиты от чего и нужна бортовая броня), которая защищала бы корабли от навесно падающих снарядов, выпущенных с дальних дистанций. Ведь именно при стрельбе по навесной траектории гораздо важнее бортовой становилась броня палубная. За счет такого снижения защиты скорость крейсеров следующей серии — «Сассекс», «Девоншир», «Лондон» и «Шропшир» — удалось увеличить до 32,5 узла. Примерно такие же тактико-технические данные бы-

Легкий крейсер «Эйджекс»

ли и у следующих крейсеров этой серии — у «Норфолка» и «Дорсетшира».

В 1928 – 1929 годах на воду сходят два английских тяжелых крейсера, вооруженных 203-мм орудиями, но имеющих меньшее, чем у своих предшественников, водоизмещение — 8300 тонн. В отличие от тяжелых крейсеров первых серий, «Йорк» и «Эксетер» несли броневой пояс толщиной 51 – 76 мм и развивали примерно такую же скорость — 32 узла. Эти два корабля завершили линию развития английских крейсеров с 203-мм орудиями.

Но если кто-то подумал, что англичане взяли тайм-аут в строительстве своего крейсерского флота — он почитает британцев за каких-то немислимых пацифистов. Потому что стапеля английских кораблестроительных верфей в тридцатые годы отнюдь не пустовали! Просто британцы, наделав изрядное количество тяжелых крейсеров, принялись за строительство крейсеров легких...

В 1929 году они спроектировали удачный тип легкого крейсера — в следующие три года в строю британского флота появились «Линдер», «Нептун», «Орион», «Акилез», «Эйджекс». В погоне за экономией веса кораблестроители приняли на этих кораблях

линейное расположение машинно-котельной установки и сосредоточили четыре котла в двух соседних котельных отделениях. Принятие такого решения значительно снижало живучесть корабля, ибо одна единственная торпеда, попавшая в переборку между котельными отделениями, сразу вывела бы из строя все котлы. Поэтому в следующей серии легких крейсеров британские кораблестроители перешли на эшелонное расположение силовой установки, при котором котельные отделения разнесены. Так появились двухтрубные «Фазтон», «Амфион» и «Аполло», а в 1934 — 1936 годах на верфях Англии строятся четыре корабля — «Аретьюза», «Галатея», «Пенелопа» и «Аврора», которые при водоизмещении всего в 5200 тонн несли шесть 152-мм орудий.

Затем водоизмещение легких крейсеров решено было увеличить. Корабли первой серии нового, более «внушительного», проекта (водоизмещение — 9100 тонн, 75 тыс. лошадиных сил, 32 узла, двенадцать 152-мм орудий, броневой пояс 76 — 102 мм, палуба 51 мм) сошли на воду уже к середине 1936 года. То были «Саутгемптон», «Ньюкасл», «Бирмингем», «Глазго» и «Шеффилд». Через год были спущены со стапелей корабли второй серии, которые отличались от своих предшественников несколько большим водоизмещением (9400 тонн), шириной и мощностью установки (82 500 лошадиных сил), — «Ливерпуль», «Манчестер» и «Глостер». Завершили этот тип легких крейсеров корабли третьей серии «Белфаст» и «Эдинбург».

Уже в ходе начавшейся Второй мировой войны на воду сошли восемь крейсеров, заложенных в 1936 — 1937 годах — «Фиджи», «Кения», «Маврикий», «Нигерия», «Тринидад», «Гамбия», «Ямайка», «Бермуда». При водоизмещении 8000 тонн они несли двенадцать 152-мм орудий. Кроме них в строй вступили три примерно таких же, но более крупных по водоизмеще-

Легкий крейсер «Белфаст»

нию (8800 тонн) крейсера с девятью 152-мм орудиями, но с увеличенной дальностью хода — «Цейлон», «Уганда» и «Ньюфаундленд».

«Миролюбивая» Великобритания в ответ на каждый немецкий крейсер строит по четыре своих. Так, на всякий случай, для пущего подтверждения своего миролюбия...

Итак, что мы имеем в сухом остатке?

В сухом остатке мы имеем следующее.

В период с 1926 по 1939 год Великобритания вводит в состав своего флота пятнадцать тяжелых и тридцать три легких крейсера, всего сорок восемь боевых единиц крейсерского класса. Если постройка Германией двенадцати подобных кораблей (шести тяжелых — трех океанских рейдеров и трех классических крейсеров «вашингтонского» типа — и шести легких крейсеров) есть несомненный признак подготовки к агрессивной войне на морях и океанах — то к чему тогда готовится Великобритания?

Посему тезис о том, что Германия планирует во второй раз учудить мировую войну, нуждается в про-

верке. И проверить его очень просто. Немыслимо просто. С подобной проверкой справится любой ученик средней школы со средним баллом в дневнике чуть выше тройки.

* * *

Итак, август 1939 года.

Германия имеет в строю (будем считать все, что может вести бой, хотя бы теоретически) **два линейных крейсера** — это ВЕСЬ ее линейный флот, способный вступить в генеральное сражение с вражескими эскадрами.

«Шарнхорст» и «Гнейзенау» имеют водоизмещение 31 800 тонн, бронирование главного пояса в 350 мм, палубы — 130 мм, вооружение из девяти 280-мм орудий главного калибра, двенадцать 150-мм и четырнадцать 105-мм пушек, шестнадцать 35-мм и десять 20-мм зенитных автоматов. Скорость хода — 31 узел, дальность — десять тысяч миль.

Всего немецкий линейный флот располагает восемнадцатью 280-мм орудиями главного калибра.

Британский флот имеет в строю:

Линейный корабль «Малайя»

Линейный корабль «Нельсон»

пять линкоров типа «Куин Элизабет» (восемь 381-мм орудий главного калибра, четырнадцать 152-мм орудий противоминной артиллерии, зенитки; водоизмещение 27 500 тонн, скорость хода 23 узла, дальность — 5000 миль);

пять линкоров типа «Ривендж» (те же «куины», но с котлами на угле, посему с менее мощными машинами и скоростью всего в 20 узлов). Бронирование

обоих типов британских линкоров сходное — пояс 330 мм, казематы 152 мм, палуба — от 50 до 100 мм;

два линкора типа «Нельсон». Стандартное водоизмещение 33 300 тонн, скорость 23 узла, дальность хода 7000 миль, девять 406-мм орудий главного калибра, двенадцать 152-мм, шесть 120-мм орудий, тридцать два 40-мм зенитных автомата. Бронирование — пояс до 356 мм, палубы — 159 мм;

два линейных крейсера типа «Рипалс». Водоизмещение 28 000 тонн, скорость 28 узлов, дальность хода 5000 миль, вооружение — шесть 381-мм орудий главного калибра, семнадцать 102-мм пушек. Бронирование — 152-мм пояс, 75-мм палуба;

линейный крейсер «Худ». Водоизмещение 41 000 тонн, скорость хода 32 узла, дальность — 7500 миль. Вооружение — восемь 381-мм орудий главного калибра, двенадцать 140-мм пушек, четыре 102-мм и двадцать четыре 40-мм зенитных орудия. Бронирование — пояс — 127 — 305 мм, палуба — 108 мм.

Итого — пятнадцать кораблей линии, каждый из которых имеет бортовой залп, как минимум в полтора раза превышающий вес залпа германских линейных крейсеров.

Всего английский линейный флот может выставить на линию огня эскадренного боя СТО 381-мм орудий и восемнадцать 406-мм орудий главного калибра.

По числу боевых единиц соотношение к немецким «одноклассникам» — 7,5 : 1. По количеству стволов главного калибра — 118 : 18. Учитывая разницу в калибрах в пользу англичан — соотношение становится вообще 150 : 18. Гут.

Правда, у немцев в достройке два линкора — «Бисмарк» и «Тирпиц», — но у англичан линкоров в достройке ПЯТЬ: «Кинг Георг V», «Принс оф Уэлс», «Дюк оф Йорк», «Энсон» и «Хоув». Это восемь германских 380-мм орудий главного калибра против

пятидесяти английских 356-мм. Так что даже с введением в строй стоящих на стапелях кораблей соотношение сил сторон в ближайшем будущем не изменится...

У немцев в наличии три океанских рейдера типа «Дейчланд» (переименованный в начале войны, от греха подальше, в «Лютцов» — если утонет последний, то страха большого нет, а вот гибель «Германии» звучала бы уж как-то очень болезненно...). Хорошие корабли, слов нет. Дальность хода — просто немыслимая, шесть 280-мм орудий главного калибра — весьма серьезно. В теории эти три рейдера могли победить любой английский (ну, или любой другой) тяжелый крейсер и удрать от корабля линейного класса.

В действительности в единственном настоящем морском бою корабля этого типа с боевыми кораблями противника (пиратские набеги на безоружные транспорты не считаем) «Адмирал граф фон Шпее» **не победил** британскую эскадру из одного пожилого тяжелого крейсера «Эксетер» и двух легких крейсеров — «Аякс» и «Ахиллес». Британцы были безнадежно слабее артиллерийски и катастрофически уступали врагу в весе залпа — шесть 203-мм и шестнадцать 152-мм орудий против шести 280-мм и восьми 150-мм пушек «немца», — но, как выяснилось в ходе этого *крейсерского боя*, превосходство в калибре и весе залпа на 40% еще не самое главное для победы. Англичане двигались быстрее и давали вдвое больше выстрелов на единицу времени — и при равном проценте попаданий попали в «Шпее» намного больше раз, чем он — в них. К тому же английские крейсера были значительно быстрее «немца», что позволяло им самостоятельно выбирать время и направление огня.

Следовательно, можно подытожить — для успешного боя против одного океанского рейдера англичанам достаточно иметь два тяжелых и два-три легких

крейсера. Ибо один тяжелый и два легких крейсера британцев свели тот бой вничью, а учитывая, что результатом этого сражения явилось самоубийство немецкого рейдера (кстати, и его капитана), то победа была за англичанами и при таком скромном соотношении.

* * *

Что же имели англичане для противодействия трем океанским рейдерам и трем тяжелым крейсерам (два из которых к тому же на сентябрь 1939 года еще в достройке) Германии?

А очень даже много чего!

Во-первых, отличным средством борьбы с океанскими рейдерами является авиация. У британцев в строю — целая стая авианосцев. Перечислим все:

три авианосца типа «Фьюирес» («Фьюирес», «Глоуриес», «Корейджес»), бывшие легко-линейные крейсера, странная фантазия лорда Фишера, своевременно перестроенные в авианосцы. Водоизмещение от 21 000 до 24 000 тонн, скорость 30 узлов, 34 самолета — палубные истребители-бипланы «фулмар» и торпедоносцы «суордфиш»;

авианосец «Игл» (в 1924 году переоборудованный из чилийского линкора) — 22 200 тонн водоизмещения, восемь 152-мм орудий, восемь 40-мм зенитных автоматов, 24 самолета (таких же типов);

авианосец «Арк Ройал». Построен в 1938 году (кстати, первый тяжелый авианосец специальной постройки), водоизмещение 22 350 тонн, шестнадцать 114-мм универсальных орудий, сорок восемь 40-мм зенитных автоматов, 72 самолета;

три легких авианосца («Аргус», «Пегасус», «Гермес») — но их, в принципе, можно и не считать, они устарели и использоваться могут лишь для конвойной службы. «Пегасус» — так тот вообще к сентябрю

Авианосец «Игл»

1939 года доживал последние дни перед списанием в качестве базы гидросамолетов; более-менее похожим на авианосец из этой тройцы был лишь «Гермес».

Итого пять тяжелых и три (ну, или если подходить строго — один) легких авианосца. Но у немцев таких кораблей вообще (!) нет; одинокий «Граф Цеппелин» то строится, то консервируется — у немецких адмиралов нет твердого мнения о нужности либо, наоборот, о бесполезности корабля данного типа для рейдерской войны. То есть соотношение сил сторон в авианосцах простое. У англичан — АБСОЛЮТНОЕ превосходство в данном типе кораблей.

Но для того, чтобы поймать на океанских просторах три рейдера, — шести авианосцев недостаточно (как уже сказано, два легких корабля этого типа для ловли рейдеров совсем не годятся). Но у англичан кроме авианосцев еще достаточно много тяжелых крейсеров, которые и должны, в общем-то, выполнять функцию «защитников торговли».

Среди них:

три тяжелых крейсера типа «Хоукинс» (десять тысяч тонн, семь 190-мм, четыре 102-мм орудия, скорость 30,5 узла и дальность хода 5400 миль); корабли-

ки, конечно, уже изрядно устаревшие, но, как известно, старый конь борозды не портит...

семь тяжелых крейсеров типа «Кент» (11 000 тонн, восемь 203-мм орудий главного калибра, четыре 102-мм универсальные пушки, четыре 40-мм зенитки, 31,5 узла скорость и 9350 миль дальность хода);

шесть тяжелых крейсеров типа «Лондон» (10 000 тонн, восемь 203-мм орудий главного калибра, четыре 102-мм «универсалки», четыре 40-мм зенитных автомата, 32 узла скорость, 9100 дальность хода)

два тяжелых крейсера типа «Йорк» (8500 тонн, шесть 203-мм орудий главного калибра, 32 узла скорость и 10 000 миль дальность хода).

Итого — восемнадцать тяжелых крейсеров (два — в составе австралийского флота). Втрое больше, чем у немцев (считая, что в рейд по торговым путям врага могут разом пойти и немецкие «карманные линкоры», и «обычные» тяжелые крейсера — «Блюхер», «Принц Ойген», «Хиппер», — которые еще надо построить).

А дальше картинка еще веселей.

У немцев в строю — **шесть легких крейсеров** (не считая учебный «Гамбург», 1908 года постройки), включая уже довольно пожилой «Эмден», 1925 года выпуска. У англичан таковых крейсеров **сорок три единицы**. Если даже не считать тех, что на подходе, достраиваются на английских верфях, — превосходство колоссальное, как минимум — семь к одному.

По эскадренным миноносцам ситуация же вообще просто катастрофическая (для немцев). В германском флоте эсминцев в строю — **двадцать две единицы** (миноносцы прибрежного действия можно не считать, они в океан не ходят). У англичан — **сто девяносто один эскадренный миноносец**. Соотношение — почти что девять к одному.

Так что можно подводить черту.

Немцы в 1935 — 1939 годах бешено вооружались, лихорадочно строили танки, самолеты и боевые ко-

Тяжелый крейсер «Лондон»

рабли. Они были страшны в своей неистовой страсти к оружию!

Да вот только результаты этой «чудовищной немецкой гонки вооружений» что-то уж больно неубедительны. Если не сказать больше...

А самое интересное во всей этой истории — даже не фактическая ничтожность (несмотря на все байки о всевозрастающей агрессивности Германии и о ее колоссальных вооружениях) германского военноморского флота по сравнению с английским (по состоянию на 1939 год). Самое интересное другое.

НЕМЦЫ НЕ СТРОЯТ ДЕСАНТНЫХ КОРАБЛЕЙ.

Вообще. Никаких. И даже таковых не проектируют.

И вот это и есть МОМЕНТ ИСТИНЫ.

* * *

Если Германия Адольфа Гитлера планирует ВОЙНУ с Великобританией — эта война будет **войной на море**. Не надо быть выдающимся военным теоретиком, чтобы сделать подобный вывод, — достаточно взглянуть на географическую карту мира для пятого класса средней школы. На ней отражается тот очевидный факт, что Англия — остров, отделенный от

европейского континента проливом Ла-Манш. Войну с данным островом можно вести лишь одним-единственным образом — нанести поражение британскому флоту (как минимум — локальное), а затем — высадить десант из трех-четырех десятков дивизий на побережье между Портсмутом и Лондоном. И какое-то время (нужное, чтобы разгромить английские сухопутные войска) снабжать его.

Следовательно, для того чтобы **победить** в этой войне (а еще никто в истории не затевал войну, чтобы ее **проиграть**), немцам нужен серьезный военно-морской флот. На который у них просто нет ресурсов — у Германии к 1939 году и в сухопутных-то войсках танков и пушек меньше, чем у потенциального противника, о постройке какого военного флота может идти речь? Не говоря уж о том, что военные корабли безумно прожорливы по части нефти — каковой у Германии едва-едва хватало, чтобы заправить баки значительно более нужных танков и грузовиков.

Следовательно, войну с Великобританией немцы при всем желании (если таковое даже и было) начинать в 1939 году НЕ МОГУТ — у них **нет** действенных инструментов для подобной войны.

Поэтому они и не строят десантных кораблей — эти корабли НЕКОМУ БУДЕТ ПРИКРЫВАТЬ в случае гипотетической высадки на Британские острова. А нет цели беззащитней, чем битком набитый войсками десантный транспорт, неспешно пересекающий бесконечную гладь моря...

Единственное, на что в ситуации 1939 года годится немецкий военно-морской флот, — это затеять весьма ограниченную войну на английских коммуникациях. Учитывая безусловное английское превосходство в кораблях и выучке экипажей — очень недолгую и не слишком успешную.

Посему вывод из предвоенной истории развития германского военно-морского флота, а также анализа

его куцега корабельного состава можно сделать простой и однозначный.

Гитлер с Англией воевать НЕ СОБИРАЛСЯ — в принципе. Как минимум — до 1945 — 1946 годов, да и то эта вероятность весьма под вопросом.

* * *

Многие военно-морские историки в доказательство германского стремления к покорению мира приводят пресловутый «план Z». Дескать, понятно, Гитлер не ожидал от англичан подобного финта 3 сентября 1939 года, а вот ежели бы вся эта музыка разразилась году эдак в 1944 году (а еще лучше — в 1946-м) — вот тогда-то адмирал Редер и показал бы лордам Британского адмиралтейства «кузькину мать», выведя на просторы Мирового океана несметные стада линкоров и авианосцев, построенных по «плану Z»!

Ну-ну.

Да, немцы в 1936 году закладывают линейные корабли (вернее их было бы назвать «линейными рейдерами») «Бисмарк» и «Тирпиц» (у Пикуля в его бессмертном «Реквиеме каравану PQ-17» эти линкоры выписаны столь зловеще-черными красками, их мощь живописалась Мастером столь чудовищной, что у меня по молодости лет холодная дрожь пробегала по спине — дескать, эвон, что фашисты удумали!) и авианосцы: «Граф Цеппелин» и позже (вслед за спуском последнего на воду) — «Петер Штрассер». Кроме них, планировалась постройка еще двух линейных кораблей, двух тяжелых крейсеров, трех «карманных линкоров» — каковые даже были заложены (!), во всяком случае, об их закладке немцы немедля уведомили англичан.

В целом полумифический «план Z» был рассчитан на десять лет. И в результате его осуществления Германия (гипотетически) могла иметь в строю помимо

уже строящихся четырех линейных кораблей, пяти тяжелых крейсеров и трех «карманных линкоров» шесть суперлинкоров типа «Н» водоизмещением по 56 000 тонн и вооруженных восемью 406-мм орудиями, двенадцать «малых линкоров» по 20 000 тонн при 305-мм артиллерии главного калибра. В качестве легких сил немецких флот планировал иметь 4 авианосца (два, как уже сказано, перед войной и в ее ходе даже заложили!), 44 легких крейсера, 68 эсминцев и 90 миноносцев, 248 подводных лодок. Колоссальный план морских вооружений!

Но каждого здравомыслящего человека при прочтении этих строк не должно покидать чувства некоего беспокойства; а именно — планы планами, а вот могли ли немцы в действительности отгрохать такой гигантский флот? Учитывая их крайнюю бедность в ресурсной составляющей экономики?

Так вот. «План Z» никак, ни при каких условиях и НИКОГДА выполнен быть не мог — просто потому, что Германия не обладала и *десятой долей тех ресурсов*, что необходимы были для постройки такого чудовищно огромного флота. Не говоря уже о том, что всю эту бронированную армаду, голубую мечту немецких адмиралов, просто нечем было бы кормить — всего лишь одна заправка всего лишь одного линкора «Тирпиц» (десять тысяч тонн нефти) пожирала месячный запас топлива танкового корпуса, который в сухопутной войне был Гитлеру куда нужнее, чем бесполезные линкоры.

Даже без скрупулезного его исследования очевидно, что «план Z» — увы, не более чем *сказка, радующая воображение флотоводцев фюрера*. Именно сказка, миф, байка — из всей массы «запланированных» по «плану Z» надводных боевых единиц в течение войны немцы не ввели в строй ни одного корабля! Достроили лишь «предплановые» *два линкора — «Тирпиц» и «Бисмарк»*.

Линейный корабль «Бисмарк»

И ВСЕ! Остальные смелые планы и прожекты немецких военно-морских деятелей можно смело положить в самый дальний ящик самого дальнего шкафа — почти ничего из «запланированного» не то что спущено на воду — заложено не было!

И этим мифическим «планом Z» немцы решили напугать англичан!

* * *

Которые, не иначе как «с испугу», в 1937 году заложили ПЯТЬ новых линейных кораблей типа «Кинг Джордж V» (36 730 тонн водоизмещением, скоростью 30 узлов и дальностью хода в 6100 миль, вооруженных десятью 356-мм орудиями главного калибра, шестнадцатью 133-мм универсальными орудиями и тридцатью два 40-мм зенитными автоматами), реально вошедших в строй английского флота в 1940 — 1942 годах.

А кроме них англичане спешно начали строительство еще и четырех ударных авианосцев типа «Илластриес», вошедших в строй соответственно — «Илластриес» 21.05.1940 г., «Формидебл» — в ноябре 1940-го, «Викториес» — в мае 1941-го, «Индоми-тебл» — в октябре 1941-го.

Авианосец «Викториес»

Да что там мелочиться! Гулять так гулять! И англичане, вдобавок к четырем с лишним десяткам уже имеющихся на вооружении британского флота легких крейсеров, закладывают еще 5 подобных кораблей типа «Фиджи» (8670 тонн, скорость 32 узла, дальность хода — 6500 миль, двенадцать 152-мм орудий главного калибра, восемь 102-мм, восемь 40-мм зенитных орудий) и шестнадцать (!) легких крейсеров типа «Дидо» (примерно в 5000 тонн, вооруженные 133-мм универсальными орудиями, способными вести огонь как по морским, так и по воздушным целям). Крейсера последнего типа строились двумя сериями. Первая состояла из одиннадцати кораблей: «Дидо», «Евралис», «Наяда», «Феб», «Сириус», «Бонавенчур», «Гермионе», «Харибда», «Сцилла», «Аргонот» и «Клеопатра». Во вторую входило пять кораблей с меньшим числом орудий главного калибра и более сильным зенитным вооружением — «Беллона», «Блэк Принс», «Диадема», «Роялист» и «Спартан». Вдобавок в 1937 — 1938 годах были заложены шесть быстроходных крей-

серов—минных заградителей: «Эбдиел», «Латона», «Мэнксмен», «Уелшмен», «Аполло» и «Ариадна».

В противовес красивому мифу «плана Z» англичане закладывают и строят вполне реальные боевые корабли — каковых у них на стапелях все прибавляется да прибавляется. Не говоря уже о том, что и у Франции в наличии — очень неслабый военно-морской флот: 7 линейных кораблей, 1 авианосец, 19 крейсеров, 32 лидера и эскадренных миноносца, 38 миноносцев, 26 минных тральщиков и 77 подводных лодок.

И у разных военно-морских историков еще хватает совести «делать» Германию зачинщиком морской гонки вооружений!

Если таковой «зачинщик» с трудом наскреб металла, чтобы достроить в ходе войны два линкора к имеющимся двум сомнительным линейным крейсерам, а кроме того, ни одного тяжелого корабля не то что не ввел в строй — даже не довел до спуска на воду, — то какой он, к чертям собачьим, «зачинщик»?!

И если «подвергшаяся агрессии» сторона в эти же предвоенные и первые военные годы вводит в строй своего флота пять линкоров, четыре авианосца, двад-

Легкий крейсер «Дуго»

цать семь легких крейсеров (по сути — целый флот!) да плюс к ним — астрономическое количество эсминцев, корветов, тральщиков, десантных кораблей, судов артиллерийской поддержки, вдобавок к немаленькому количеству уже состоящих на вооружении кораблей — то какая же она в таком случае «подвергшаяся агрессии» сторона?!

Морские планы нацистской Германии были производной величиной от таковых планов сухопутных. Если немцы планируют в 1939 году начать Вторую мировую войну на суше (как нас в этом убеждали, убеждают и, боюсь, будут еще долго убеждать разные «историки») — они должны планировать и морскую войну. Причем начать которую они должны будут одновременно (ну, или чуть позже) с войной сухопутной.

Если МОРСКАЯ война Германии с Польшей, Англией и Францией по условиям матча НЕВОЗМОЖНА — кораблей у немцев в пять-шесть-девять раз меньше, чем у ОДНОГО противника (ибо есть корабли и у Польши, и у Франции, причем у последней только линкоров — семь штук), — следовательно, она и не планировалась.

А если не планировалась морская война — так, может быть, и сухопутную войну немцы НАЧИНАТЬ НЕ СОБИРАЛИСЬ?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

3 сентября 1939-го. Начало конца
кригсмарине

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» — так мог бы сказать (если бы знал русские идиоматические выражения) адмирал Эрех Редер 3 сентября 1939 года. И тут же, скорее всего, должен был бы махнуть с горя стакан шнапса, не закусывая. Или два.

Потому что в этот день четко обозначился неизбежный будущий КРАХ немецкого надводного военного флота. И адмирал Редер знал это, как никто другой.

3 сентября 1939 года Германия вступила в войну с Великобританией. Это произошло вопреки предположению фюрера, что «Британия не имеет необходимости сражаться из-за польского вопроса». Польский вопрос использован лишь как повод для начала войны. Раньше или позже Британии пришлось бы сражаться с Германией, но уже в гораздо менее выгодных для себя военных условиях, то есть против усилившегося германского флота.

Что касается флота, то совершенно очевидно, что он ни в каком отношении не готов сегодня к великой борьбе против Великобритании» — конец цитаты. Это — из меморандума адмирала Редера, предназна-

Адмирал Редер

ченного не столько для Гитлера, сколько для командования флота.

Адмирал Редер — не ясновидящий и не предсказатель. Он просто хороший специалист, знаток своего дела. И из положения во вверенной ему отрасли военного противостояния с врагом он делает именно тот вывод, который так не хотят знать нынешние «историки» Второй мировой войны. А именно — что война, начавшаяся в сентябре трид-

цать девятого и длившаяся шесть долгих лет, унесшая жизни пятидесяти миллионов человек, — Германией отнюдь не планировалась и уж тем более — не подготавливалась...

То, что Великобритания в ответ на вторжение в Польшу выдвинула Германии ультиматум, а в 17.00 3 сентября объявила последней войну, — были самыми скверными новостями для командующего немецким флотом. И для него не имело уже никакого значения, успешно ли вермахт сражается с Войском Польским, каковы его трофеи, сколько пленных взято и сколько игрушечных польских танкеток ТКС подбито в эти первые дни войны. Ибо все это было вторично.

Первичным был тот печальный факт, что начиная с 17.00 3 сентября 1939 года германский флот вынужден будет начать войну на море БЕЗ ЕДИНОГО ШАНСА НА ПОБЕДУ.

Адмирал Редер был участником Ютландского боя. Он был военно-морским профессионалом — следовательно, знал, что нанести поражение английскому флоту в генеральном сражении его подчиненные не смогут — ибо, ввиду катастрофического отсутствия необходимого количества тяжелых кораблей, **надводный флот не сможет сделать больше, чем просто показать, что он знает, как нужно умирать отважно**. Таким образом, генеральное сражение флотов является априори невозможным; следовательно, владение морем остается, вне всяких сомнений, за англичанами.

* * *

Поэтому в действие вступил план, разработанный еще вице-адмиралом Гроссом в начале двадцатых годов, — германский флот должен будет ринуться на коммуникации врага. На перехват множества торговых судов, идущих в Англию или из ее портов пока еще без всяких конвойных сил, командующий флотом посылает в океан рейдеры (благо, 21 августа 1939 года «Адмирал граф фон Шпее», а 24 августа — «Дейчланд» покинули Вильгельмсхафен и двинулись в открытое море). Кроме того, на перехват британских «купцов» можно отправить все исправные подводные лодки (их всего было двадцать шесть единиц, пригодных для действия в Атлантике) из тех пятидесяти семи субмарин, что имелись в наличии.

Война объявлена — флот должен выполнить свой долг. И учитывая его вопиющую слабость — каждый корабль, надводный или подводный, должен будет сражаться за троих.

Так и случилось. Немецкие моряки совершили столько немыслимых, выдающихся, без всякого преувеличения, великих подвигов, что военно-морская история по праву может отдать им пальму первенства

среди всех флотов мира. Британский и американский флоты, конечно, одержали в конечном итоге победу над флотом немецким — но соотношение сил было настолько не в пользу Германии, что действия ее моряков могут быть вписаны золотыми буквами в анналы морских войн (причем за всю историю человечества).

Автор превозносит злодеяния нацистов на море?

Ничуть не бывало!

Автор просто отдает должное мужеству и героизму немецких моряков. И не более того.

* * *

Но война на английских коммуникациях для Германии началась с неприятного инцидента.

3 сентября 1939 года командиры немецких военных кораблей (рейдеров и подводных лодок), находящиеся в открытом море, получив по радио сообщение о начале войны, вскрыли пакеты с оперативными планами на этот случай.

В районе Гебридских островов находилась подводная лодка U-30 под командованием обер-лейтенанта Фрица Лемпа. Как только он, получив известие о начале войны, вскрыл свой пакет с приказом командующего, в перископе показался пассажирский лайнер «Атения».

Ну, а дальше — дело техники. «Пассажир» шел без охранения (да и какое охранение? Война двадцать минут как началась!), был похож на вспомогательный крейсер (во всяком случае, именно так объяснил адмиралу Деницу причину атаки командир U-30). И поэтому в 19.45 получил торпеду в левый борт!

Обер-лейтенант Лемп нарушил положения статьи 22 Лондонского морского договора 1930 года, который Германия подписала в 1936-м и которая гласила: «подводная лодка... не имеет права топить торговое

судно, предварительно не поместив пассажиров, экипаж и корабельные документы в безопасное место». Кроме того, он пренебрег положением Гаагской конвенции (также подписанной Германией), которая требовала от подводных лодок подниматься на поверхность и подавать предупредительный сигнал перед тем, как атаковать торговое судно. Соблюдение подобного юридического «анахронизма» (очень скоро о нем забудут подводники ВСЕХ государств, участвующих в этой войне) было следствием прямого приказа Гитлера, который всеми силами все же старался удержать Англию от активных действий в начавшейся войне. То есть командир U-30 нарушил не только подписанные Германией международные соглашения — он осмелился ослушаться и своего фюрера!

Немцы, надо сказать, попытались сделать хорошую мину при плохой игре. Сначала германская пропаганда предприняла попытку поднять волну слухов: «Атению» потопили русские... «Атения» подорвалась на mine... «Атению» потопили ирландские мятежники... Потом доктор Геббельс выдвинул совсем уж фантастическую версию гибели пассажирского лайнера. Его, дескать, потопили... англичане! Чтобы спровоцировать вспышку недружественных настроений по отношению к Третьему рейху со стороны американцев (во время катастрофы погибло 28 подданных США).

При этом немцы довольно долго просто НЕ ЗНАЛИ, кто реально потопил «Атению»! Подводным лод-

*Командир U-30
обер-лейтенант Лемп*

кам было приказано соблюдать строгое радиомолчание, и правда об этой трагедии стала известна лишь 30 сентября, когда U-30 вернулась в Вильгельмсхафен.

* * *

Битва за Атлантику началась с потопления пассажирского лайнера — это было позорное пятно на немецком военно-морском флаге. Но затем, в течение последующих девяти месяцев, германские моряки явили миру столько героических деяний, что позор «Атении» можно было смело считать смытым с их репутации.

Подводные лодки и рейдеры немецкого флота атакуют английские транспорты по всей Атлантике. Правда, рейдерство «Дейчланда» (с 24 августа по 15 ноября) особых лавров не принесло — крейсер потопил всего два торговых судна, а затем, захватив нейтральный американский пароход «Сити оф Флинт», принес изрядные проблемы германскому МИДу и бесславно вернулся на родину.

Зато рейдерство «Адмирала графа фон Шпее» было крайне удачным — до 12 декабря 1939 года. За время своей войны на английских коммуникациях этот немецкий «карманный линкор» потопил и захватил 9 транспортов (среди которых весьма ценные, в грузу, пароходы «Клемент» (5051 тонн водоизмещением), «Хантсмен» (8196 тонн), «Тревеньян» (5000 тонн), «Дорик Стар» (10 093 тонны), «Тайроа» (7983 тонны), «Стреоншаль» (3895 тонн)) общим водоизмещением 50 147 тонн — и при этом НЕ ПОГИБ НИ ОДИН ЧЕЛОВЕК!

Впрочем, все хорошее (для немцев в данном случае) рано или поздно кончается. «Адмирала графа фон Шпее» эскадра британского коммодора Генри Харвуда поймала в 6 часов утра 12 декабря 1939 года. Хотя общий вес залпа трех английских крейсеров (тя-

*Командир корабля «Адмирал
граф фон Шпее» Лангсдорф*

желого «Эксетера» и легких «Аякса» и «Ахиллеса») составлял всего 1300 килограммов (против 1800 килограммов «немца»), эта встреча закончилась для рейдера печально. Получив попадания двумя 203-мм и восемнадцатью 152-мм снарядами, «Адмирал граф фон Шпее» решением его командира укрылся в порту Монтевидео, где из-за бесчестного поведения уругвайцев и окончил свой доблестный путь.

Почему бесчестного? А очень просто. По международным законам корабли воюющих держав не могут остаться в нейтральном порту более 24 часов. Но 14-я статья Лондонского договора (подписанного, по иронии судьбы, ВСЕМИ участниками этой войны)

гласит: «Если только эти корабли не повреждены или не ожидают улучшения плохой погоды». То есть немецкий рейдер по всем международным законам мог спокойно отремонтироваться в Монтевидео и лишь затем, **после окончания ремонта**, покинуть этот порт в предписанные упомянутым Соглашением 24 часа. Уругвайское же руководство дало командиру крейсера капитану Лангсдорфу для этих целей всего трое суток — что было очевидной и злой насмешкой над международным морским правом.

Посему вечером 17 декабря 1939 года героический рейдер был взорван и затоплен в устье Ла-Платы. **«Для капитана, знакомого с понятиями чести, вне всякого сомнения, совершенно очевидно, что его личная судьба не может быть отделена от судьбы корабля»** — это строки из последнего письма капитана I ранга Лангсдорфа, пустившего себе пулю в лоб спустя несколько часов после гибели его корабля. **«Я могу только доказать своей собственной смертью, что солдаты Третьего рейха готовы умереть во имя чести своего флага».**

Он это доказал.

На могилу тридцати шести немецких моряков, погибших в бою с британской эскадрой и похороненных в Монтевидео, лег венок с надписью: «Памяти отважных моряков от их товарищей из британского торгового флота». Этот венок положили офицеры английских торговых кораблей, взятых в плен Лангсдорфом и в этот день получивших свободу...

* * *

После гибели рейдера «Адмирал граф фон Шпее» немцы еще несколько раз предпринимали попытки вести крейсерскую войну с Англией силами надводных кораблей. В 1940 году это пытались сделать вспомогательные крейсера, переоборудованные из

торговых судов, — с весьма неплохим результатом (потоплено транспортов общим водоизмещением 114 000 тонн), затем — «Шарнхорст» и «Гнейзенау»; в течение войны малоуспешные набеги на коммуникации противника совершали «Хиппер» и «Адмирал Шеер».

Но основная нагрузка в битве с английским судоходством уже с первых месяцев войны начала ложиться на подводные лодки, и чем с каждым днем все труднее немцам становилось выводить в океан надводные корабли — тем больше надежд они возлагали на свои субмарины.

Впрочем, эти маленькие хрупкие кораблики уже осенью 1939 года совершили несколько поистине эпических подвигов, о которых нельзя не рассказать.

Первым из четырех немецких подводников, ставших вскоре легендой — Гюнтера Прина, Отто Кречмера, Иоахима Шепке и Отто Шухардта, — отличился последний, командовавший подводной лодкой U-29.

17 сентября юго-западнее Ирландии его подводная лодка поймала в перекрестие своего перископа английский авианосец «Корейджес». Его командир, капитан I ранга Макейг-Джонс, на заходе солнца отправил два эскортировавших авианосец эсминца проверить сообщение одного из перепуганных торговых судов о появлении в проливе Святого Георгия неизвестной подводной лодки — и остался без прикрытия. Этим и воспользовался капитан-лейтенант Шухардт — его подводная лодка бесстрашно атаковала огромный корабль, начавший было прием на свою палубу самолетов. Две торпеды из трех выпущенных поразили «Корейджес» — и через двадцать минут авианосец перевернулся и затонул, унося с собой 517 членов экипажа и своего командира.

Но победа Шухардта была, в общем-то, несмотря на ее значимость, все же просто успешно проведенной атакой в открытом море — для чего, собственно,

подводные лодки и строятся. Его товарищ, Гюнтер Прин, совершил же доселе невысказанное.

Его подводная лодка U-47 атаковала и потопила английский линкор «Ройал Оук» прямо в английской военно-морской базе Скапа-Флоу!

Нельзя сказать, что подобная атака была чем-то сверхъестественным — до этого немецкие подводные лодки дважды (еще в Первую мировую) пытались прорваться в «спальню» британского линейного флота. Первой была U-18 капитан-лейтенанта фон Хеннига (осенью 1914 года). Эта лодка успешно проникла в базу, но, не застав там английского флота, на отходе была протаранена британским эсминцем и утонула. Экипаж спасся и попал в плен.

Англичане сделали выводы из этого происшествия — и, когда в самом конце войны U-116 капитан-лейтенанта Эсманна попыталась повторить подвиг своих товарищей, она была потоплена вместе со всем экипажем.

С началом новой войны с Великобританией немецкий флот (командование его подводных сил во главе с коммодором Деницем) вновь решило испытать судьбу и прорваться в Скапа-Флоу, с тем чтобы атаковать британские линкоры в их собственном «доме». На должность будущего героя (если атака удастся) был назначен один из двух дюжин командиров океанских субмарин серии VIIВ — лейтенант Гюнтер Прин.

Вечером 13 октября его лодка, преодолев множество преград, прорвалась в Главную базу британского Флота метрополии и около часа ночи атаковала стоящий на якоре линкор «Ройал Оук». Торпеда попала в носовую часть британского корабля, но особых повреждений ему не нанесла. Более того — офицеры корабля решили, что это какой-то внутренний взрыв в носовых погребах зенитной артиллерии или, может быть, бомба, сброшенная с высотного немецкого разведчика (за неделю до этого немецкие самолеты не-

сколько раз появлялись над базой). В общем, англичане никак не связали взрыв на линкоре с торпедным попаданием.

А зря.

Британский линкор никак не хотел тонуть — поэтому Прин, уже начавший выход из английской базы (не менее трудный, чем вход), решил вернуться, перезарядить торпедные аппараты и доделать начатое. И в 1.22 снова атаковал «Ройал Оук»!

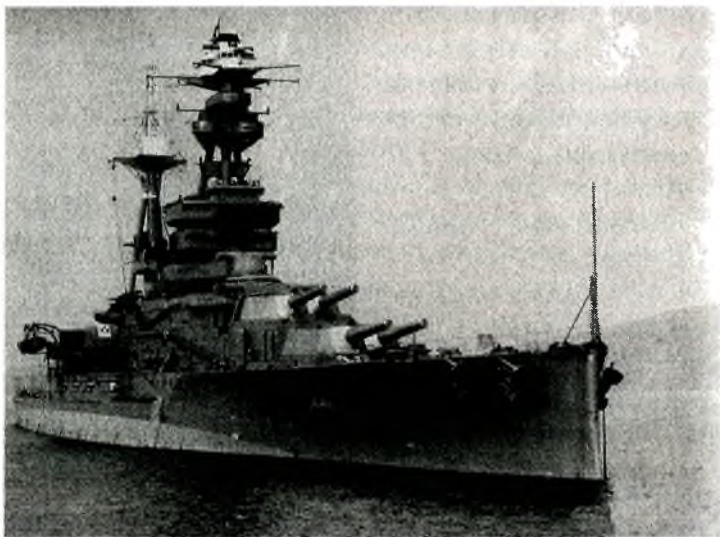

Командир U-47 Гюнтер Прин

На сей раз торпеда попала в мидель, и линкор получил весьма серьезные повреждения. Но зато вторая атака переполошила всю гавань, заметалась брандвахта, на дежурных эсминцах загрохотали колокола громкого боя. Англичане поняли, наконец, что в «спальне» их линейного флота хозяйничает немецкая подводная лодка!

Британский линкор, получив вторую торпеду, вскоре затонул, унеся с собой на дно 24 офицера и 809 матросов. Подводная же лодка U-47, несмотря на неистовое преследование английских эсминцев, смогла выскользнуть из ловушки Скапа-Флоу и утром 17 октября вошла в Вильгельмсхафен. На борт лодки поднялся гросс-адмирал Редер и вручил всему экипажу Железные кресты.

Прин, за три дня до этого почти никому не известный командир рядовой подводной лодки, в этот день стал героем всего рейха. Самолетом экипаж субмарины был доставлен в Берлин, и на ступенях Рейхскан-

Линейный корабль «Ройал Оук»

целярии Адольф Гитлер вручил командиру U-47 Рыцарский крест.

С точки зрения военной пропаганды, подвиг Прина и его экипажа был бесценен. С точки зрения военно-морского противостояния — он, к сожалению, почти ничего не решал. Британия лишилась одного из устаревших линкоров типа «Ривендж» — у нее в строю по-прежнему оставалось четырнадцать кораблей линии (плюс пять достраивалось). Рейд U-47 был, вне всяких сомнений, выдающимся военным подвигом, примером доблести и отваги — но поколебать британское господство на море он никак не мог.

* * *

Подводные лодки, несмотря на их малочисленность, с сентября 1939-го по апрель 1940-го настойчиво сражались с британским судоходством — причем, если принять в расчет то, что в этот период на английских

Немецкая подводная лодка

торговых путях не действовало более двух дюжин немецких субмарин, — достаточно успешно. В 1939 году торговый флот Великобритании и ее союзников потерял 222 транспорта общим тоннажем 775 397 тонн — большую часть из-за атак из-под воды.

Всего до начала июня 1940 года немецкие подводные лодки потопили 199 торговых кораблей общим водоизмещением 701 985 брутто-регистрационных тонн, от мин, выставленных ими на фарватерах, погибло еще 115 судов (394 533 брт).

Результаты были неплохи, и в целом можно сказать, что подводная война против британского судоходства шла относительно успешно — но надо отметить, что ее эффективность к началу весны сорокового года достигла своего возможного максимума и дальше расти уже не могла. Почему?

Потому что немецким лодкам нужно было тратить до 70% своей автономности на преодоление расстоя-

ния от Вильгельмсхафена до торговых путей врага. И, чтобы кардинально улучшить ситуацию, радикально увеличить срок нахождения лодок на боевых позициях, немцы должны были как-то решить эту проблему.

Поскольку существенно, в два-три раза, увеличить дальность хода (а следовательно, и автономность) подводных лодок без радикальной смены модельного ряда в то время было невозможно, а построить еще сотню-другую субмарин можно будет не ранее следующих полутора-двух лет — естественным решением было бы перенести базы флота поближе к торговым путям врага. В идеале — в порты Бретани и Бискайского залива; а если уж мечтать по-крупному — то базировать субмарины на гавани Ирландии или Исландии. Тогда уж британское судоходство точно будет задушено в колыбели. Увы, последний вариант — из области беспочвенных фантазий...

Впрочем, даже перенос баз подводного флота ближе к торговым путям противника отнюдь не решал главной проблемы — проблемы несоответствия наличных сил поставленным задачам. И вот почему.

* * *

О том, что 1 сентября 1939 года Германия имела в строю лишь двадцать две подводные лодки, способные вести операции к западу от Гринвича, известно практически всем (во всяком случае, тем, кто интересуется историей войны на море). Также всем известно, что действовать на океанских просторах против франко-британского (и союзных им держав) судоходства одновременно могли лишь семь-восемь немецких субмарин — треть от наличных сил (еще треть находится в пути — на позиции или возвращаясь с них, остальные ремонтируются, их экипажи отдыхают). Таким образом, ясно, что никакой войны с Великобританией и Францией Гитлер и его коллеги

не планировали — иначе в 1937 — 1939 годах Германия живенько настроила бы штук двести u-boot-ов седьмой серии, обучила бы для них экипажи и в первые же месяцы Второй мировой устроила бы Англии хорошенькую ресурсную катастрофу, отправив на дно процентов десять ее торгового флота.

«Эксперты» мне ответят, что немцы планировали учинить зверский и безжалостный блицкриг и поэтому решительно плюнули на идею блокады Великобритании путем организации неограниченной подводной войны — дескать, за пару недель Гитлер планировал разгромить Польшу, а затем недели за три — Францию, попутно удавив всех ее реальных и потенциальных союзников на европейском континенте. В этом случае, дескать, никакой нужды в подлодках нету — Англия без континентальных союзников живенько скиснет и запросит пардону — а есть нужда в танках, которые немцы и строили массово, алкая намотать на их гусеницы внутренности польской, французской, бельгийской и голландской армий и британского экспедиционного корпуса. Звери они, эти немцы, были, потому что...

* * *

И ведь самое смешное — в эту несусветную чепуху верит БОЛЬШИНСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ! И никто — НИКТО! — не пытается осмыслить всем известные факты...

А они таковы — в августе 1939 года британский торговый флот был безусловным лидером по тоннажу своих судов среди всех остальных морских держав мира, дедейт судов, ходивших под «юнион джеком», превышал двадцать миллионов тонн, а количество вымпелов приближалось к пяти тысячам (считая и океанские, и каботажные пароходы); французы могли похвастаться двумя миллионами семьястами пя-

тьюдесятью тысячами тонн тоннажа своего торгового флота. Плюс к этому — после нападения Германии на Норвегию и Голландию под британскую руку уходили колоссальные торговые флоты этих государств: норвежский (более тысячи вымпелов общим дедвейтом в четыре миллиона тонн) и голландский (более пятисот судов общим водоизмещением 2 760 000 тонн). Анти-немецкая коалиция, таким образом, могла опереться на более чем шесть тысяч судов торгового флота общим дедвейтом под тридцать миллионов тонн. Что сие означало?

Это означало, что данный колоссальный флот легко и свободно обеспечивал создание и функционирование единого антигерманского военно-экономического пространства по всему миру, давая возможность врагам рейха использовать для войны с ним ресурсы практически всей Ойкумены, которые в сотни раз превосходили возможности как собственно НС-Германии, так и всех ее союзников и симпатизантов, вместе взятых...

* * *

Не понимать этого Гитлер и его адмиралы не могли — они ведь не законченные олигофрены, — но НИЧЕГО для противодействия подобному катастрофическому для Германии (в случае втягивания ее в тотальное противостояние с англо-французским блоком) развитию событий накануне сентября тридцать девятого НЕ ДЕЛАЛИ. Не строили подводных лодок, не готовили для них базы, не планировали маневр силами по внутренним водным путям, не минировали заблаговременно вражеские территориальные воды (что они, кстати, накануне 22 июня 1941 года делали на Балтике), не создавали в портах вероятного противника диверсионные группы. И когда 3 сентября 1939 года Великобритания и Франция объявили войну

Германии — единственным ответом Гитлера на это были жалкие семь подводных лодок и парочка «карманных линкоров», направленных на судоходные пути врага. Не шибко серьезная угроза для трехтысячной армады, находившейся в это время в море, вы не находите?

Но и это еще не самое интересное!

* * *

Немецкий торговый флот занимал в мировой таблице о рангах отнюдь не последнее место — германскими было 7% мирового тоннажа (4 492 708 тонн ходило под немецким флагом). Логично и разумно было бы со стороны немецкого командования накануне начала войны отозвать свои торговые суда из иностранных портов — во-первых, эти корабли могут быть интернированы, во-вторых, дома они нужнее.

Как вы думаете, уважаемые читатели, был ли отдан соответствующий приказ?

НЕТ! Сто девяносто восемь торговых судов Германии общим водоизмещением 829 568 тонн (то есть около 20%) весть о начале войны застала в иностранных портах. Из них лишь считаным единицам удалось после 3 сентября 1939 года удрать в Фатерланд — все остальные же были сначала интернированы, а затем (с течением времени) и реквизированы, чтобы сражаться против Германии. Как вам такая вопиющая непредусмотрительность обычно крайне предусмотрительных немцев?

Например, в голландских колониях нашло убежище 31 германское судно; в Европу они уйти не могли, море контролировали британцы, но голландцы, объявив о своем нейтралитете, согласились на пребывание немецких «торговцев» в портах Ост- и Вест-Индии без спуска германского флага. И тут в мае 1940 года немцы начинают вторжение в Голландию!

Естественно, все немецкие торговые корабли (22 парохода общим водоизмещением 135 533 тонны были захвачены в Ост-Индии, 7 кораблей общим водоизмещением 25 994 тонны — в Вест-Индии, два были затоплены своими экипажами) тут же были реквизированы голландским правительством в изгнании (то бишь в Лондоне).

* * *

С итальянским торговым флотом, кстати, произошла та же петрушка — к тому же в гораздо большем масштабе: почти треть итальянского торгового флота (256 судов) в день объявления англичанами войны немцам оказалась за пределами Средиземного моря. Все эти корабли с течением времени были англичанами и американцами реквизированы — чтобы послужить врагам своей Родины...

А вот все английские, французские и подавляющее большинство польских торговых судов накануне войны покинуло немецкие и итальянские порты. Да, за годы войны немцам удалось захватить несколько торговых судов и военных кораблей Норвегии, Голландии, Франции и некоторых других государств — но это были жалкие крохи, и количество захваченных судов и на треть не компенсировало число оставшихся 3 сентября 1939 года в иностранных портах немецких кораблей, затем захваченных врагом.

Да, немецкий подводный флот за время войны утопил 2759 торговых судов и 148 кораблей союзников, потеряв при этом 781 подводную лодку и практически все свои надводные корабли — но все усилия ребят Деница и Редера не могли решительно переломить ход войны на море; слишком велико было превосходство врага, слишком несопоставимы были силы сторон. Плюс к этому — англо-французский (а затем англо-американский) блок мог позволить себе стро-

ствовать высадке германских десантов на норвежском побережье.

К 12 марта 1940 года Гитлер подписывает директиву «Везерюбунг» — план оккупации Дании и Норвегии. По этой директиве вермахт, люфтваффе и кригсмарине должны будут совершить невозможное: овладеть территорией противника *десантом с моря* — при полном и абсолютном господстве вражеского флота на этом самом море.

Немецкие солдаты и матросы это невозможное совершат.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Апрель — май 1940-го. Иллюзия победы

«Странная война» продолжалась уже семь месяцев, и если на море какие-то боевые действия еще велись, то на суше — на Западном фронте — царило сонное спокойствие. Французы и англичане неторопливо занимались совершенствованием своих позиций да изредка постреливали в сторону «Линии Зигфрида» — казалось, настоящая война в их планы вообще не входила.

Многие историки ставят это спокойствие на линии Мажино в безусловную вину англо-французскому командованию. Дескать, будь французские генералы понапористее, будь лорд Горт посмелее — глядишь, Вторую мировую удалось бы завершить к Рождеству тридцать девятого года победным парадом союзников в Берлине.

С какого такого перепугу?

Эти историки в курсе, сколько своих лучших сыновей потеряла Франция в 1914 — 1918 годах? Многие советские «исследователи» всерьез пишут, что царская Россия понесла в Первой мировой войне колоссальные потери и из-за них, главным образом, и рухнула в феврале семнадцатого.

Так вот — самые серьезные потери в Первой мировой понесла ФРАНЦИЯ. В абсолютных цифрах, мо-

тив международные законы, подписанные в том числе и ею, в пустые никчемные бумажки.

Гюнтер Прин 16 октября 1939 года, возвращаясь из рейда в Скапа-Флоу, встретил норвежский пассажирский пароход «Метеор», направляющийся с 238 пассажирами (в основном — англичанами) в Ньюкасл-он-Тайн. Лишь только командир U-47 убедился, что перед ним действительно норвежский корабль, — он немедленно отпустил «пассажира».

Для немецких подводников нейтралитет Норвегии был непререкаем. Для английских моряков он, как выяснилось в феврале сорокового, — был пустой декларацией.

После пиратского захвата «Альтмарка» Норвегия могла бы приостановить дипломатические отношения с Англией из-за нарушения ею законов морской войны. Могла выслать из Осло британского посла. Могла заморозить счета английских банков в Норвегии. Много чего могла сделать — **но не сделала НИЧЕГО**. Норвежское правительство ограничилось формальным протестом, от которого в Лондоне просто походя отмахнулись.

Норвегия, таким образом, показала Германии, что английские интересы для нее значительно важнее интересов рейха.

То есть, по сути, пока неформально, но перешла в лагерь врагов Германии.

Посему операция «Везерюбунг» (в ее норвежской части) была не чем иным, как **вторжением на территорию противника** что всеми законами ведения войны никак не воспрещается.

Тем более — возможные английские десанты в Норвегию были отнюдь не страшной сказкой, которую Гитлер на ночь рассказывал своим адмиралам. Почему — станет ясно ниже.

Само существование Германии зависело от импорта железной руды из Швеции. В первый военный год

немцы рассчитывали на 11 миллионов тонн шведской руды из годового потребления 15 миллионов. В теплые месяцы эту руду доставляли в Германию из Северной Швеции по Ботническому заливу и Балтийскому морю, и никаких проблем — даже в военное время — не возникало, поскольку Балтика была прочно ограждена от проникновения туда английских подводных лодок и надводных боевых кораблей. Но с наступлением зимы пользоваться этим путем стало невозможно, так как море покрывалось толстым слоем льда. В холодные месяцы шведскую руду приходилось доставлять по железной дороге в ближайший норвежский порт Нарвик и оттуда вдоль норвежского побережья на судах в Германию. Почти весь этот маршрут немецкие рудовозы могли идти в норвежских территориальных водах, тем самым спасаясь от ударов английских боевых кораблей и бомбардировщиков. Таким образом, как указывал командованию военно-морского флота Гитлер, нейтралитет Норвегии имел свои преимущества. Он позволял Германии получать жизненно необходимую ей железную руду без помех со стороны Англии. Уинстон Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства, в первые же недели войны пытался убедить кабинет разрешить ему поставить минные заграждения в норвежских территориальных водах (в территориальных водах НЕЙТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА!), чтобы воспрепятствовать доставке шведской руды этим путем в Германию. Однако Чемберлен и Галифакс не хотели нарушать нейтралитет Норвегии, и предложение Черчилля на некоторое время было отклонено. Начало советско-финляндского вооруженного конфликта 30 ноября 1939 года радикально изменило обстановку в Скандинавии, в огромной мере усилив ее стратегическое значение как для западных союзников, так и для Германии. Франция и Англия приступили к формированию экспедиционных сил в Шотландии в целях их отправки на помощь

финнам. Однако — вот незадача! — эти силы могли добраться до Финляндии только через Норвегию и Швецию. Руководство рейха отлично поняло, откуда дровишки: если войскам союзников будет разрешен транзит (или они пройдут через северную часть двух скандинавских стран без такого разрешения), то под предлогом обеспечения линий коммуникации ушедшего сражаться в Финляндию экспедиционного корпуса в Норвегии останется достаточно войск — и Германия тем самым полностью лишится поставок шведской руды.

Это было абсолютно правильное предположение. Как теперь известно, Высший военный совет союзников на заседании 5 февраля 1940 года в Париже решил, что одновременно с отправкой экспедиционных сил в Финляндию войсками, высаженными в Нарвике, должны быть оккупированы районы шведских железорудных разработок. Черчилль отмечает, что на этом совещании было решено, «между прочим, взять под контроль железорудные залежи Гулливаре». Более того, западные союзники обошли бы рейх с северного фланга.

В феврале 1940 года адмирал Редер начал получать донесения от своего военно-морского атташе в Осло капитана Рихарда Шрайбера о нависшей над Норвегией угрозе высадки западных союзников. Медлить было уже нельзя.

* * *

В первых числах апреля 1940 года флот адмирала Редера двинулся на север, чтобы занять исходные позиции вдоль норвежского побережья. Немцы задействовали все, что могло держаться на воде — в условиях безусловного британского господства на море успех (или неуспех) немецкого десанта решал буквально каждый корабль.

9 апреля немецкий флот практически по всему норвежскому побережью высадил десанты — от роты до полка — с боевых кораблей и транспортов, заблаговременно спрятавшихся в бесчисленных норвежских фиордах. Немецкие десантники начали боевые действия на фронте протяженностью более тысячи километров — от Нарвика до Осло! И почти везде одержали победу.

В целом оккупация Норвегии прошла относительно успешно. Для вермахта.

Для кригсмарине же несколько скоротечных морских боев с норвежскими эсминцами и броненосцами береговой обороны, с подоспевшими к шапочному разбору английскими кораблями и норвежской береговой артиллерией закончились весьма печально.

Немцы потеряли тяжелый крейсер «Блюхер» (30% численности кораблей данного класса в немецком флоте), легкие крейсера «Карлсруэ» и «Кенигсберг» (30% численности кораблей данного класса в немецком флоте), 10 эсминцев (40%), 4 подводные лодки (5%) и 11 прочих судов. Большинство остальных немецких надводных кораблей получили повреждения разной степени тяжести — в том числе оба германских линейных крейсера.

Англичане тоже потеряли изрядно кораблей — авианосец «Глориес» (потопленный артиллерией (!) «Шарнхорста» и «Гнейзенау»), крейсер «Эффингем» (правда, здесь немцам «помог» штурман английского крейсера), крейсер ПВО «Курле», семь миноносцев и 4 подводные лодки. По эсминцу и подлодке потеряли французы и поляки. Но для флотов союзников эти потери были мизерны и несущественны — тогда как германский флот одним махом потерял почти треть своего боевого потенциала!

Что интересно — реакция англо-французов на немецкое вторжение в Норвегию была молниеносна, более того, *успешно молниеносна* — 14 апреля их пер-

Тяжелый крейсер «Блюхер»

вые десанты высаживаются неподалеку от Нарвика (к этому времени занятого малочисленными немецкими группами), в Намсосе (127 миль севернее Тронхейма) и в Андальснесе.

Удивительная, потрясающая оперативность — через ПЯТЬ дней после начала немецкого вторжения англо-французы уже реагируют на него *своим* десантом!

А ведь подготовить десантную операцию — дело довольно сложное. Надо собрать необходимое количество пригодных к десанту войск, потренировать их в посадке на корабли и высадке на побережье, выделить транспорты, обеспечить их прикрытием с моря и с воздуха на переходе и в момент высадки. В конце концов, просто иметь необходимые ресурсы живой силы и техники под рукой! По самым скромным подсчетам, на подготовку к высадке бригады морской пехоты необходимо от десяти до пятнадцати суток — *одной бригады*.

Авианосец «Глориес»

Высадку в Норвегии немцы готовили **четыре месяца**. И либо английский флот — это скопище выдающихся организаторов, великих аналитиков и решительных флотоводцев, либо свою высадку в Нарвике и Тронхейме «просвещенные мореплаватели» готовили *заранее*. Вне зависимости от таковых немецких действий.

Тем не менее, десант англо-французов потерпел неудачу — 2 мая пал Андельснес, 3-го — союзники эвакуировались из Намсоса. При том, что наступающие немцы были *малочисленнее* врага и им приходилось экономить каждый патрон и каждый сухарь (тогда как союзники могли относительно свободно снабжаться всем необходимым). В целом Норвежская операция была генералом Фалькенхорстом выиграна за явным преимуществом, несмотря на то что (по немецким штабным байкам) планировалась по *туристическому справочнику* Бедекера.

Правда, англо-французам удалось-таки 28 мая захватить Нарвик, истребив, пленив и изгнав в тундру его немецких защитников, но эта победа **ровным счетом ничего не решала** — к этому времени уже чудовищной реальностью становился полный военный разгром и политический крах Французской респу-

блики. Поэтому после недолгого торжества 8 июня союзники эвакуировали свежезахваченный Нарвик.

Потому что в это время на континенте уже творилось черт знает что.

* * *

Надо сказать, что, в отличие от англо-французов, немецкие войска, начавшие концентрацию на Западе еще до окончания польской кампании, усиленно и напряженно готовились к будущим боям.

В частях беспрерывно проводились полевые занятия подразделений и частей с боевыми стрельбами, начиная от ротных тактических выходов и заканчивая общими учениями дивизий с приданными артиллерийскими, саперными, зенитными и танковыми батальонами и дивизионами.

И к весне 1940-го немцы, сконцентрировав на Западе шесть полевых армий, танковую группу (фон Клейста; в нее входили танковые корпуса Рейнгардта и Гудериана и моторизованный корпус Витерсгейма), два отдельных танковых корпуса (Геппнера и Гота) и отдельную (9-ю) танковую дивизию, изготовились к прыжку во Францию. Для осуществления плана «Гельб» Германия развернула на западном направлении группы армий «А», «Б» и «Ц», состоящих из восьми армий и двух воздушных флотов. В их состав входило: 109 пехотных дивизий, 10 танковых и 7 моторизованных дивизий, всего 2580 танков (против 3700 танков англо-французов), 7378 артиллерийских орудий (только французская армия имела более 14 000 орудий) и 3824 самолета. Личный состав этой армии насчитывал 3 300 000 человек. Целью проведения плана «Гельб» являлось: разбить северную группировку коалиционных войск западных стран в результате быстротечной войны и захватить Нидерланды, Бельгию и северную Францию; в последующем

использовать захваченные районы как плацдарм для расширения войны против Англии, завершить разгром Франции и принудить Англию к выгодному для Германии миру. На первом этапе предусматривался захват побережья Ла-Манша, для того чтобы отрезать Англию от Франции, обеспечив себя авиационными и военно-морскими базами для осуществления блокады Англии. По предложению начальника штаба группы армий «А» Эриха фон Манштейна было принято решение: на правом фланге силами группы армий «Б» в составе 18-й и 6-й армий и 16-го отдельного танкового корпуса (всего 29 дивизий, в том числе 3 танковые) при поддержке 2-го воздушного флота начать ложное наступление с целью вынудить войска союзников оставить оборону вдоль франко-бельгийской границы и занять оборонительную линию вдоль рек Диль и Маас, восточнее Брюсселя, заманив их в ловушку. Затем нанести главный удар в центре силами группы армий «А» (4, 12 и 16-я армии, танковая группа и 15-й отдельный танковый корпус — всего 45 дивизий, в том числе 6 танковых и 5 моторизованных) при поддержке 3-го воздушного флота, через Арденны, после чего, форсировав реку Маас севернее Седана, выйти на оперативный простор и продолжить наступление к Ла-Маншу в район Абвиля, окружив крупную группировку войск союзников.

План, мягко говоря, крайне авантюрный — немцы решили нанести главный удар в местности, по которой войсковые колонны НЕ ХОДИЛИ НИКОГДА — гористо-лесистое бездорожье Арденн не позволяло действовать там никаким войскам, кроме кавалерии и егерей, — но это был единственный вариант действий, при котором немцы могли одержать победу.

Ничего другого немцы придумать не могли — они вынуждены были идти на заведомую авантюру, ибо все иные варианты были безнадежно проигрышными.

И вот почему.

Все байки о немыслимом немецком военном превосходстве над англо-французами в мае 1940 года — грубая и кустарно сработанная ложь.

К 1 марта 1940 года французские вооруженные силы насчитывали 2775 тыс. человек, из них в метрополии — 2330 тыс., в Северной Африке — 80 тыс., в других колониях — 365 тыс. Военно-воздушные силы имели 150 тыс. человек, военно-морские силы — 180 тыс. Кроме того, французское командование могло использовать в ходе войны дополнительно в общей сложности 2120 тыс. человек, в том числе за счет мобилизации военнообязанных из промышленности 710 тыс. человек, из сельского хозяйства 250 тыс. человек; личный состав территориальной службы и так называемой «пассивной обороны» насчитывал 650 тыс. человек, соединения резерва — 300 тыс. человек. До 140 тыс. человек находились в госпиталях, отпусках и т. п. и 70 тыс. — в Северной Африке. Всего Франция могла после мобилизации выставить 4895 тыс. солдат и офицеров. Сухопутная армия состояла из 108 дивизий, в том числе 1 танковой (и еще 2 формировались), 3 легких механизированных, 5 кавалерийских, 99 пехотных и 13 дивизий крепостных районов. Франция располагала 14 428 орудиями, а бронетанковые силы были сведены в 27 танковых батальонов, приданных пехотным дивизиям.

Французская армия имела в трех бронетанковых дивизиях (одной развернутой и двух формируемых) около 550 тяжелых, средних и легких танков, в трех легких механизированных дивизиях — около 600 танков и 300 бронемашин, в пяти механизированных бригадах легких кавалерийских дивизий — 110 танков и 180 бронемашин, в 27 отдельных танковых батальонах — 1200 танков, в 7 разведывательных группах моторизованных дивизий — 150 бронемашин. Всего, таким образом, около 3100 бронеединиц, в том

Тяжелый танк В-1тер

числе 2460 современных танков. К этому необходимо прибавить около 600 английских танков. То есть по танкам союзники значительно превосходили немцев — как численно, так и качественно; у французов в строю, например, было более трехсот тяжелых танков В-1 (всего было построено 36 танков В-1 и 362 танка В-1тер), вооружение каждого из них состояло из 75-мм и 47-мм пушек и двух пулеметов; 60-мм лобовая броня этих «танков прорыва» позволяла им пренебрегать ВСЕМИ типами противотанковой артиллерии, имевшейся по состоянию на май 1940 года у вермахта. Излишне говорить, что у немцев тяжелых танков на то время НЕ БЫЛО ВООБЩЕ; Pz-IV, считавшийся немцами в момент начала проектирования «тяжелым», уже к концу польской кампании стал считаться «средним» (боевая масса в 22 тонны никак не позволяла от-

Средний танк Somua S-35

нести этот танк к разряду «тяжелых», французский В-1 был на десять тонн основательнее). На вооружении французской армии было более 450 средних танков Somua S-35 (боевая масса — 20 тонн, 47-мм орудие и пулемет, 40-мм броня), около 120 средних танков Рено D2 со сходными характеристиками; так что французам было что противопоставить панцерваффе на поле боя.

Многие «историки», исследовавшие майские события 1940 года, скрупулезно подсчитывают всех обозных ездовых вермахта — но при этом старательно закрывают глаза на бельгийскую и голландскую армии; которые, между прочим, в эти майские дни сражались на стороне англо-французов. И если подсчитать бельгийские и голландские дивизии — превосходство союзников над вермахтом становится весьма внушительным.

Союзники развернули основные сухопутные силы на восточных границах Франции от Швейцарии до Дюнкерка, объединив их в северно-восточный фронт, в состав которого 10 мая 1940 года вошли бельгийские и нидерландские войска. Фронт состоял из трех групп

Средний танк Pzkw-IV

армий, в состав, которых входило: 124 пехотные дивизии, 23 танковые, механизированные, кавалерийские и моторизованные дивизии. Всего 3300 танков и более 800 броневых автомобилей, 16 944 артиллерийских орудия и 3791 самолет, включая 13 дивизий английского экспедиционного корпуса и 22 бельгийские дивизии. Всего 3 785 000 человек.

Таким образом, союзные войска превосходили вермахт почти во всем — может быть, за исключением авиации. В такой обстановке лишь нечто из ряда вон выходящее позволяло немцам одержать победу.

Такое из ряда вон выходящее ими было придумано.

* * *

Сначала немцы хотели просто повторить план Шлиффена, но только на более широком пространстве. Что, в общем-то, приводило бы к развертыванию на полях Бельгии и Фландрии грандиозного встречного сражения — французы ведь тоже были в курсе подробностей этого плана.

Такой вариант был неприемлем — мало того что исход битвы зависел от военного счастья одной из сторон, так такой вид боя, как встречный, всегда предполагает большие потери.

Посему лучший оперативный ум немецкого Генштаба, генерал фон Манштейн, бывший тогда начальником штаба группы армий «А», разработал свой план, кардинально отличающийся от переработок плана Шлиффена.

Основная масса французских войск концентрировалась на левом фланге их фронта, на участке от Седана до Дюнкерка. Правый фланг был, по мнению французского командования, надежно защищен линией Мажино, построенной от швейцарской до бельгийской границы. Ее укрепленные районы — Лотарингский (или Мецкий), имевший по фронту 120 км и в глубину до 45 км, и Эльзасский — по фронту 80 км и в глубину до 20 км — были весьма хорошо оснащены; между ними расположена зона затоплений и заграждений по фронту 30 км и в глубину до 50 км. Бельфорский укрепленный район имел по фронту 60 км и в глубину до 50 км. На франко-бельгийской границе в Арденнах были устроены полевые заграждения; участок от Мобежа до Лилля был прикрыт мелкими укреплениями.

Линия Мажино очень дорого обошлась Франции — как в прямом, так и в переносном смысле. Во время постройки она считалась шедевром современной фортификации. Артиллерийские орудия и минометы устанавливались в бронированных башнях, полностью скрытых под землей, специальными лифтами орудия поднимались на огневые позиции и опускались после производства выстрела. В подземных многоуровневых фортах были оборудованы жилые помещения для личного состава, электростанции, мощные вентиляционные установки, телефонные станции, госпитали, комнаты отдыха, абсолютно недосягаемые для снарядов и бомб. Было прорыто 100 километров тоннелей с электрифицированными узкоколейными железными дорогами, по ним шла доставка боеприпасов. Линия Мажино состояла из 5600 долговременных

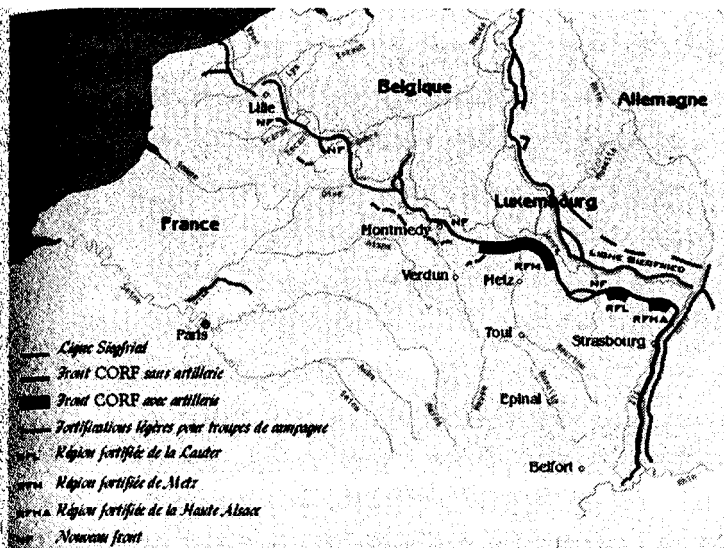
оборонительных огневых сооружений, объединенных в единую систему и включающих 520 артиллерийских, 3200 пулеметных и 1800 смешанных огневых сооружений. Общая численность гарнизона укрепрайонов на линии могла достигать 300 000 человек. В глубине обороны располагались модернизированные крепости: Бельфор, Эпиналь, Туль, Верден. В 1936 — 1940 годах для продолжения линии Мажино до Северного моря строилась линия Даладьё протяженностью 620 км, включавшая 3 укрепленных участка (Монмеди, Мобеж, Шельда) и 2 участка заграждений (Фландрский и Арденны).

Французы, зачарованные суммами, ассигнованными на постройку этого монстра оборонительной мысли, были абсолютно уверены в его несокрушимости; их главное командование решило, опираясь на линию Мажино, вести правым флангом войну оборонительную, позиционную, левым же — войну подвижную, и если Бог будет на стороне союзников — то наступательную. Генерал Гамелен был уверен, что мощь укреплений линии Мажино позволит союзникам чувствовать себя южнее Седана, как у Христа за пазухой.

Они ошибались — и очень скоро вермахт докажет всему миру, что для настоящих солдат несокрушимых крепостей не бывает.

* * *

Надо сказать, что французы отнюдь не собирались всей армией отсиживаться на своей собственной территории за бетонными фортами линии Мажино (как нам об этом говорят ангажированные «историки») и в случае начала немецкого наступления сражаться на французской земле — ими (в сотрудничестве с англичанами) был разработан пресловутый план «Диль», долженствующий переложить всю тяжесть полевой войны на плечи бельгийского народа.

Линия Мажино

Группа французских армий, расположенная в Артуа, в случае начала войны должна была ускоренным маршем войти в Бельгию и дать бой наступающим немцам на линии Динан—Намюр—Жамблу—Брюссель—Антверпен. В состав 1-й, 7-й и 9-й французских армий, предназначенных для этого маневра, входили все три механизированные и пять легких кавалерийских дивизий, а также 70% французских танковых батальонов — иными словами, французы вводили в Бельгию свой ударный бронетанковый кулак.

Зачем?

Затем, что 75% сооружений немецкой линии Зигфрида было построено на участке от Швейцарии до Люксембурга. Хотя формально линия Зигфрида (Siegfriedstellung, «система долговременных пограничных укреплений Германии, возведенных в 1936 — 1940 годах на ее западной границе») протянулась от г. Клеве до р-на Базеля, сооружения в системе Западного вала располагались неравномерно. Наибольшая

Немецкие войска идут через Аргенны

плотность была на центральном участке (до 70% всех долговременных фортификационных сооружений). Имелось значительное количество неприкрытых промежутков между опорными пунктами. Глубина линии Зигфрида была относительно небольшой, всего 5—6 км, на отдельных участках — 12 — 18 км и только в центральном секторе на берлинском направлении было оборудовано три рубежа общей глубиной до 75 км. От южной же оконечности бельгийской границы и до Северного моря линия Зигфрида была величиной воображаемой и уж во всяком случае не могла стать препятствием для миллионной армии, имевшей в своем распоряжении более трех тысяч танков.

* * *

Французы планировали, заняв глухую оборону на линии Мажино на правом фланге, сосредоточив всю свою ударную мощь на левом, войти в Бельгию и там хорошенько поучить немцев искусству бронетанкового боя.

Разрыв же в центре французского фронта, в районе лесистого горного массива Арденн, образующийся между северными фортами линии Мажино и самыми правифланговыми частями французской полевой армии, был, по мнению парижских генералов, недоступен для действий больших масс войск. Посему прикрывался немногочисленными егерскими батальонами и кавалерийскими частями.

Эту конфигурацию французского фронта и предложил использовать генерал фон Манштейн для решительного удара.

Левифланговая группа армий «Ц», расположенная по фронту от Базеля до Саарбрюкена, состояла из двух полевых армий — 1-й и 7-й — и предназначалась для сковывания возможного удара французов с линии Мажино. Танков у нее не было ни одного — впрочем, ей они были и не нужны.

Правифланговая группа армий «Б» должна была наступать через Бельгию и южную Голландию с максимальным треском и грохотом — для чего ей придавались танковый корпус Геппнера (3-я и 4-я танковые дивизии) и отдельная 9-я танковая дивизия; кроме того, в ее состав входили все наличные воздушно-десантные войска. Наступление этой группы армий должно было быть как можно более громким — французы и англичане должны были быть твердо уверенными, что именно через Бельгию и наносится главный немецкий удар.

На самом деле это было не так.

Главный удар должна была наносить находящаяся в центре немецкого фронта группа армий «А» из трех полевых армий и танковой группы фон Клейста — и именно через лесистый горный район Арденн, непригодный, как уже говорилось, по мнению французских генералов, к развертыванию больших групп войск.

Замысел операции заключался в следующем.

Группа армий «Б» врывается в Бельгию и Голландию с максимально возможным шумом: с высадками парашютных десантов, танковыми рейдами, действиями мотоциклистов — одним словом, англо-французы должны поверить, что здесь происходят главные события войны. Ее действия поддерживает правофланговая 4-я армия группы армий «А» с приданным ей танковым корпусом Гота — наступлением на Намюр—Динан.

Союзные войска начинают движение в Бельгию, чтобы занять линию Динан—Антверпен. Как только выясняется масштаб этого движения — в наступление переходит группа армий «А», на острие которой находится танковая группа фон Клейста. Концентрация танков — колоссальная; в состав ударной группы входит пять танковых и пять моторизованных дивизий. Если учесть, что танковая дивизия немцев в то время насчитывала в среднем 260 танков — всего на направлении главного удара вермахт имел ударный кулак в 1800 танков, а автомобилей в ударной группе было вообще 45 000 штук.

Этот танковый таран, легко сметая со своего пути немногочисленные части противника, движется на запад, на Седан, затем поворачивает на северо-запад, на Сен-Кантен и Камбре, и выходит на тыловые районы вошедшей в Бельгию французской армии у Амьена и Арраса. Большая часть союзных войск оказывается в бельгийской западне, с перерезанными линиями снабжения и связи. Занавес.

Идея великолепная.

У французов танков было больше, чем у немцев, и эти танки были не хуже. Но французы большую часть своей бронетехники распылили по армейским танковым батальонам, приданным пехотным и кавалерийским дивизиям. У них, правда, была танковая дивизия с полутора сотней тяжелых и средних танков в строю, три так называемые «легкие» механизиро-

ванные дивизии, по 200 легких танков в каждой, и к маю 1940 года они заканчивали формирование двух и начали формировать еще две танковые дивизии по 150 танков (легких, средних и тяжелых) в каждой — но было уже слишком поздно. К тому же все механизированные дивизии были брошены в Бельгию и никакой роли в сражении не сыграли.

* * *

10 мая в 5 часов 35 минут утра великое сражение на Западном фронте началось.

Авангарды немецких войск перешли границы Бельгии, Голландии и Люксембурга. Пока группа армий «Б» (6-я полевая армия и танковый корпус Геппнера) старательно демонстрировала нанесение главного удара в Центральной Бельгии, пока ее 9-я танковая дивизия громила голландцев в «Маастрихтском коридоре» — группа армий «А» ввела в сражение свой ударный кулак.

На правом фланге наступающих войск этой группы армий двигался танковый корпус Гота — с задачей упредить союзников и форсировать Маас между Намюром и Динаном. Южнее его в направлении на Седан двигался главный бронированный таран вермахта — танковая группа фон Клейста.

Эта танковая группа, не встретив в Люксембурге никакого противодействия, быстро сломила в Арденнах очаговое сопротивление французской кавалерии и бельгийских стрелков. Сильно пересеченная холмистая местность, покрытая густыми лиственными лесами, с минимумом проселочных дорог, петляющих между холмами, безусловно, не благоприятствовала движению моторизованных войск; но немцы всегда отличались скрупулезной организацией регулирования и тщательной подготовительной работой штабов. Танковые и моторизованные дивизии

двигались по арденнским проселкам колоннами по сто километров длиной — но благодаря выверенной точности маршрутов практически нигде не было ни заборов, ни пробок.

12 мая авангард танкового корпуса Гудериана занял Седан, выйдя на Маас. Форсирование водной преграды частями 1-й танковой дивизии этого корпуса обеспечивалось непрерывной работой групп Ju-87, подавивших к полудню 13 мая всякое французское сопротивление.

Правда, утром 14 мая переправившиеся немецкие части контратаковала французская танковая бригада, но, потеряв более 50 танков, откатилась. Сопротивление французов на Маасе рухнуло.

Далее противодействие французских частей наступающим немецким корпусам носило спорадический характер — 16 мая танковая группа фон Клейста, отбив контрудар 3-й бронетанковой дивизии французов, устремилась к морю. Правый фланг группировки союзников оказался обнаженным на всю глубину.

В это время в Бельгии 13 и 14 мая развернулось серьезное встречное танковое сражение. Танковый корпус Геппнера, наступая севернее Мааса, у Жамблу встретил превосходящие силы французов и в результате успешного маневра оттеснил их за реку Диль. Но в Бельгии немецким танкам задач на молниеносный прорыв командование не ставило — важнее было, двигаясь вдоль реки Самбра, обеспечить правый фланг успешнодвигающейся группы фон Клейста.

Левofланговый танковый корпус этой группы (им командовал Гудериан) двигался теперь уже почти на север, вдоль Соммы. К вечеру 18 мая он занял Сен-Кантен, 19-го пересек поле битвы на Сомме (состоявшейся в 1916 году), а к утру 20 мая его авангардные подразделения достигли Абвиля, разведывательными батальонами дойдя до Ла-Манша. Группировка со-

Французские военнопленные

юзников в Бельгии, таким образом, была отрезана от остальных французских войск.

Французы попытались прорвать фронт окружения своих войск ударом с юга — благо, пехотные дивизии 16-й немецкой армии, должны обеспечить левый фланг «стремительного Гейнца», не успевали занять оборону фронтом на юг. 18 мая 4-я танковая дивизия французов (под командой генерала де Голля) атаковала позиции моторизованного корпуса Виттерсгейма у Лаона. Французы действовали отчаянно храбро, но немецкие части, насыщенные противотанковой артиллерией, отбили все их атаки со значительными потерями.

* * *

Но, несмотря на прорыв танков Гудериана к Ламаншу, для союзников еще не все было потеряно.

Их группировка в Бельгии, отступив от Брюсселя на рубеж Шельды, имела свой правый фланг у Арраса. От этого города до Перонна, у которого концентрировались части южной группы французов, было

всего 40 километров. Два часа хода танковым частям! Достаточно было английским войскам ударами с севера, от Арраса, и французским — с юга, от Перонна, прорвать слабый фронт немцев — и прорвавшиеся к Ла-Маншу немецкие танковые дивизии оказались бы отрезанными от снабжения.

20 мая лорд Горт, командующий британскими силами, такой приказ отдал — наступление должно было начаться на следующий день. Англичане на рассвете 21 мая повели наступление на юг силами 50-й пехотной дивизии и 1-й армейской танковой бригады (около ста танков «Матильда»). Но французы не поддержали это наступление, и британцы, хотя и нанесли серьезные потери 7-й танковой дивизии Роммеля, вынуждены были остановиться. Да к тому же они уже начинали подумывать о срочной эвакуации со столь нелюбезного к ним европейского континента — посему из трех британских дивизий лишь одна и приняла участие в этом наступлении. Больше для блезиру, чем в видах возможного прорыва немецкого фронта.

Французы же вообще так и не начали наступление на своем участке фронта — в результате их промедления войскам немецкой 4-й армии удалось, контратаковав англичан, оттеснить их дальше на север, ликвидировав опасную ситуацию.

Танковые дивизии корпусов Гудериана и Рейнгардта продолжили наступление на север и северо-восток, и 22 мая вышли главными силами к Ла-Маншу. Гудериан захватил Булонь, Рейнгардт, наступающий правее, — Сент-Омер. Под угрозой оказалась последняя удобная гавань союзников — Дюнкерк.

* * *

И в этот момент происходит событие, которое всеми последующими исследователями трактуется весьма противоречиво.

Дюнкерк

Вечером 23 мая генерал фон Рундштедт, командующий группой армий «А», приказал своим танковым дивизиям остановиться на рубеже канала между Сент-Омером и Бетюном. Войскам нужно было поставить новые задачи в связи с кардинальным изменением обстановки. Ибо в это время Браухич, главком сухопутных войск, передал всю 4-ю армию (вместе с ее семью танковыми дивизиями) в состав группы армий «Б». По его мнению, боевые действия против окруженных в северо-западной Бельгии и на клочке французской территории у Дюнкерка войск союзников должны были управляться из одного штаба. А именно — из штаба командующего группой армий «Б» фон Бока.

Но у Гитлера был свой взгляд на развитие дальнейших событий.

24 мая он посетил штаб Рундштедта и **категорически запретил** танковым дивизиям пересекать линию Лан, Бетюн, Эр, Сент-Омер, Гравлин (рубеж канала), оставив в распоряжении окруженных союзных войск порт Дюнкерка.

Это ничем не мотивированное *военное решение* кажется на первый взгляд безумием — ведь победа над союзными армиями, окруженными в северо-западной Бельгии, у немцев была практически в кармане! Последний удар по дезорганизованным, охваченным паникой, лишившимся твердого управления английским войскам — и все! Английская армия перестает существовать! Всего делов-то — намотать на танковые гусеницы внутренности трехсот тысяч британских солдат, и в трехстах тысячах английских семей безутешные родственники завесят траурным крепом зеркала; у Британии не останется солдат, чтобы защитить свое побережье (а у английских семей не станет кормильцев, навсегда оставшихся на кровавых песках Дюнкерка)!

Решение о силовой ликвидации окруженной англо-французской группировки подразделениями четырех бронетанковых дивизий было бы вполне логичным — если мы решили считать фюрера германской нации маньяком, впадающим в экстаз от вида человеческой крови.

Если же отрешиться от канонического взгляда на Гитлера как на кровавого упыря, жаждущего убийства ради убийства, — ситуация меняется кардинально.

Если совершить немыслимое — начать рассматривать действия рейхсканцлера Германии как *поступки ответственного политического деятеля, желающего как можно менее кроваво закончить войну*, — то остановка немецких танковых корпусов есть решение вполне обдуманное и абсолютно логичное.

Наступающие немецкие танки были **ВПОЛНЕ В СОСТОЯНИИ** отрезать английский экспедиционный корпус от Дюнкерка (как они отрезали его от Антверпена и Булони) и в течение трех-четырех дней уничтожить и пленить его остатки. Это признают и немецкие, и английские генералы.

Вместо этого германские танковые корпуса 23 мая были остановлены у Абвиля.

Это было не **военное** решение.

Это был **ПОЛИТИЧЕСКИЙ** ход Гитлера.

24 мая состоялось совещание Гитлера с Рундштедтом. Блюментрит, в то время начальник оперативного отдела в штабе Рундштедта, свидетельствует:

«Гитлер пребывал в очень хорошем настроении... и высказал нам свое мнение, что война будет закончена в шесть недель. После этого ему бы хотелось заключить разумный мир с Францией, и тогда была бы открыта дорога для соглашения с Англией.

Затем он удивил нас своими восторженными высказываниями о Британской империи, о необходимости ее существования и о цивилизации, которую Англия принесла миру. Он сказал, что все, чего он хочет от Англии, так это чтобы она признала положение Германии на континенте. Возвращение Германии ее колоний желательно, но это несущественно. В заключение он сказал, что его целью является заключение мира с Англией на такой основе, которая была бы совместима с ее честью и достоинством».

Блюментрит, конечно, мог чего-то поднапутать. Но вот свидетельство Чиано, итальянского министра иностранных дел, — он говорит о том же!

Давайте без ненужного тумана — Гитлер остановил свои танки перед Дюнкерком для того, чтобы избавить Англию от горького унижения и тем самым содействовать миру. Нормальный ход вменяемого политика — зачем проливать реки английской и немецкой крови, через которые потом будет невозможно установить мосты мира? Зачем ненужное уничтожение английской армии, гибель которой будет беспроигрышным доводом для сторонников «войны до победного конца»?

Ах, англичане блестяще организовали операцию «Динамо»! Подумайте, какие мастера эвакуаций! Можно подумать, если бы Гитлер не дал английскому адмиралтейству трех дней для организации работ по вывозу английской армии с континента, то англичане увидели бы своих горе-вояк живыми!

Вечером 26 мая наступление немецких танковых корпусов на Дюнкерк возобновилось. **Вечером!** То есть немцы обозначили начало наступления, с тем чтобы англичане побыстрее уносили свои зад... пардон, свои ноги с европейского континента.

Ну а дальше — было бы смешно, если бы великая морская держава не смогла эвакуировать из Дюнкерка (около тридцати миль до английского берега) триста тридцать пять тысяч человек (215 000 англичан и 120 000 французов) без какого-либо «железа» (а зачистую — даже без личного оружия).

На побережье в Дюнкерке было оставлено 45 000 тысяч машин (из которых не менее 450 танков и броневедомостей), около 2300 орудий полевой артиллерии, 90 тысяч винтовок, 8 тысяч пулеметов, 400 противотанковых пушек и 7 тысяч тонн боеприпасов.

* * *

Англичане эвакуировались — с серьезными потерями в кораблях и судах (243 из 861), бросив на пляжах Дюнкерка все тяжелое вооружение и технику (одних автомобилей — более сорока тысяч штук). На французской территории из английских войск осталась лишь 51-я шотландская пехотная и 1-я бронетанковая дивизии (они оказались *вне пределов кольца окружения* и впоследствии капитулировали вместе с французской армией). Но все же более 330 тысяч солдат и офицеров британскому командованию удалось эвакуировать в Англию.

После эвакуации британского экспедиционного корпуса и потери войск в Бельгии французское командование могло рассчитывать лишь на шестьдесят пехотных дивизий и всего на тысячу танков. Теперь у немцев было не только оперативное, но и общее численное превосходство над противником — каковым они не замедлили воспользоваться.

План германского командования на последний этап французской кампании предусматривал нанесение трех ударов.

Группа армий «Б», имея в качестве ударного кулака на правом фланге танковый корпус Гота (5-я и 7-я танковые дивизии), наступает между рекой Уаза и морем на юго-запад, с общей дирекцией на Руан на Сене. На левом фланге этой группы армий наступают танковая группа Клейста (моторизованный корпус Витерсгейма, 9-я и 10-я танковые дивизии, и танковый корпус Геппнера, 3-я и 4-я танковые дивизии) из района между Амьеном и Пероном. Ее цель — отрезать сосредоточенные у Сен-Валери оставшиеся неэвакуированными британские части и крупные силы французов. Далее эта группа армий правофланговыми частями наступает вдоль побережья Ла-Манша, левым флангом двигаясь на юго-запад.

Группа армий «А», имея в качестве ударной силы новую (только что сформированную) танковую группу Гудериана (танковый корпус Шмидта, 1-я и 2-я танковые и 29-я моторизованная дивизии, и танковый корпус Рейнгардта, 6-я и 8-я танковые и 20-я моторизованная дивизии), с рубежа Ретель наступает на юг и выходит в тыл французским 3, 5 и 8-й армиям в Лотарингии.

5 июня начался второй (и последний) акт драмы французской армии.

На крайне правом фланге немецкого фронта танковый корпус Гота глубоко вклинился в оборону противника, и 7-я танковая дивизия Роммеля стала стре-

нительно продвигаться на запад, к Сене. 8 июня его танки были уже в Руане, затем, повернув к морю, отрезали 51-ю шотландскую пехотную дивизию англичан и крупные силы французов от их тылов.

Но южнее начавшееся в этот же день наступление танковой группы фон Клейста неожиданно затормозилось. Ее удар с плацдармов у Амьена и Перонна на юго-запад натолкнулся на ожесточенное сопротивление французов; немецкие танковые дивизии понесли существенные потери.

Это был пусть небольшой, но все же успех французов — увы, весьма скоро померкнувший перед оперативным мастерством немецкого командования.

Немцам не удалось прорвать французский фронт у Амьена и Перонна — что ж, не беда; немедленно танковая группа фон Клейста была переброшена южнее, к Лаону и Сен-Кантену. Этот маневр вновь создавал на фронте колоссальные плотности бронетанковых сил: 9 июня левее группы фон Клейста в наступление всеми своими четырьмя танковыми и двумя моторизованными дивизиями с рубежа Ретель перешла группа армий «А». В ночь на 10 июня ее саперные части навели мост через Эну, и танки Шмидта рванулись на юг.

Теперь на юг двумя всесокрушающими потоками двигались две немецкие танковые группы: западнее — фон Клейста, 11 июня вышедшая своими авангардами на Марну в районе Шато-Тьерри, и восточнее — Гудериана, 12 июня вышедшая на нее же в районе Шалона. С этого момента восемь танковых и две моторизованные дивизии немцев (полторы тысячи танков и более сорока тысяч автомобилей) устремились на юг по обе стороны Реймса, и у французов не было сил, чтобы их остановить.

Тем временем танковый корпус Гота двигался вдоль побережья Ла-Манша, действуя в Нормандии и Бретани, захватывая один французский порт за

другим; сопротивление ему уже почти никто не оказывал.

В центре танковая группа фон Клейста двигалась к плато Лангр и в долину Роны, в самое сердце Франции; главным препятствием ее движению теперь уже были не французские пушки, а французские беженцы, запрудившие своими автомобилями и повозками все дороги Центральной Франции. 16 июня немецкие танки вошли в Дижон.

На левом фланге танковая группа Гудериана двигалась, все более и более забирая к юго-востоку; у истоков Сены и Мааса часть ее дивизий повернула строго на восток, в тыл линии Мажино. 17 июня передовые части Гудериана достигли швейцарской границы у Понтарлье. Окружение французских войск в Эльзасе и Лотарингии было завершено.

Это был конец.

* * *

Французская армия в мае-июне 1940-го была разгромлена не в результате длительного кровопролитного сражения (наподобие Верденской «мясорубки») — немцы победили врага **маневром и сосредоточением сил**. Немецкие войска были многократно сильнее противника *в нужное время в нужном месте*, при том что общего превосходства в силах в начале сражения они не имели; оперативное искусство немецких генералов заменило им нехватку танков, солдат и пушек.

Шаблонность и негибкость ума французских генералов проистекали из общей концепции французского видения этой войны — как оказалось, глубоко ошибочной.

Французы готовились к тяжелой длительной позиционной войне — немцы планировали войну маневренную, относительно бескровную, молниеносную.

Подписание Компьенского перемирия

Французы имели колоссальное количество тяжелой артиллерии и множество тихоходных танков непосредственной поддержки пехоты (в каждой пехотной дивизии — по батальону) — немцы полагались на пикирующие бомбардировщики и крейсерские танки, сведенные в корпуса и танковые группы; главным оружием этих танковых армад были не броня, пушки и пулеметы, а скорость, надежность двигателя и устойчивая связь.

В общем и целом военная мысль Германии на несколько шагов опередила таковую французскую — и, главное, немецкая теория нашла блестящее подтверждение своих положений в майские и июньские дни 1940 года на полях Бельгии и Фландрии.

Немцы внесли в теорию военного искусства революционную новизну — их военная школа не побоялась смелых нововведений, рискованных экспериментов, отрицания доселе непререкаемых истин. Тогда как французская военная школа пришла к закономерному банкротству — в первую очередь, как это ни странно звучит, «благодаря» победе Франции и ее союзников в позиционной Первой мировой.

Немцы свои ресурсы тратили на танки и пикирующие бомбардировщики — французы потратили миллионы франков на создание линии дотов и артиллерийских фортов, за которыми решили отсидеться в случае любой военной катавасии в Европе.

Что им с блеском и не удалось.

* * *

Да, кстати, несколько слов о «неприступной линии Мажино».

Бытует мнение, что немцы (группа армий «Ц») просто сиднем отсиделись перед ее фортами и бастионами; победа досталась немецким армиям без штурма этой пресловутой линии благодаря танкам Гудериана и фон Клейста, вышедшим в тыл «линии Мажино».

Так вот. Это не так.

Немцы штурмовали линию Мажино!

Это случилось 14 июня (в день вступления немецких войск в Париж, между прочим). Части 1-й немецкой армии атаквали знаменитую линию у Пютланжа, южнее Саарбрюкена. И прорвали ее!

Что интересно — оборонительные сооружения линии Мажино были преодолены немцами за несколько часов в результате обычного наступления пехоты без какой бы то ни было танковой поддержки. Конечно, немецкая пехота наступала при мощном воздействии авиации и артиллерии (с обильным применением дымовых снарядов) — но факт говорит сам за себя!

Оказалось, что многие французские доты попросту не выдерживают прямых попаданий бомб и снарядов — в их стенах песка оказалось гораздо больше, чем цемента. Большое количество оборонительных сооружений вообще не было приспособлено для круговой обороны (кстати, из-за этого немцам не удалось использовать сооружения линии Мажино в 1944 го-

ду) — их не составляло труда обойти по лощинам и оврагам и атаковать в тыл.

В целом линии Мажино, по словам Меллентина, не хватало глубины — зачастую соседние доты даже не перекрывали своим огнем проходы между ними! Не говоря уж о том, чтобы иметь в тылу доты, страхующие сооружения первой линии, — их попросту не было.

Вообще, линия Мажино, как представляется автору, — это всего лишь один большой рекламный трюк французского генштаба (и одно грандиозное мошенничество французских строительных фирм) — и не более того. В целом боевое значение этой линии едва ли превышало таковое такой же рекламной линии Зигфрида, «неприступностью» которой немцы с сентября 1939-го по апрель 1940-го стращали союзников.

В принципе, можно сказать, что всякие линии — Арпада, Метаксаса, Маннергейма — были до грозных раскатов сентября 1939-го всего лишь модной рекламной штучкой, в настоящей войне оказавшейся, увы, бесполезной (если вообще не вредной).

Кто-то скажет в ответ, что линию Маннергейма Красная Армия штурмовала долгих три месяца Зимней войны, на что мы укажем, что эти же доты, форты и «зубы дракона» эта же армия в 1944 году прошла (даже не «прорвала»), почти не заметив. И сделала с Финляндией все, что захотела, причем не особо напрягаясь.

* * *

Завершим эту главу.

22 июня в 18.50 война во Франции была завершена. Французы подписали условия капитуляции в том же вагоне в Компьенском лесу, в котором в 1918 году

маршал Фош принимал капитуляцию Германии, — Гитлер любил всякие символические пропагандистские уловки.

А в том, что это была именно уловка, — не было никаких сомнений.

Потому что **АНГЛИЯ ЭТО ПЕРЕМИРИЕ НЕ ПОДПИСАЛА!**

ГЛАВА ПЯТАЯ

Блестяще организованный тупик

Итак, подведем итог — к концу июня 1940-го Большая сухопутная война Германии против ее врагов завершилась. За отсутствием таковых — положение немецких войск к концу кампании было очень похоже на то, о котором писал Мюрат Наполеону в ноябре 1806 года, после Йены и Ауэрштадта: «Ваше Величество, сражение закончено, потому что не с кем больше сражаться».

Ситуация, сложившаяся к этому времени была, на первый взгляд исключительно успешна для Германии.

Военное положение рейха в начале июля 1940 года было немыслимо благоприятным.

Вермахт и люфтваффе одержали победы столь же великолепные, сколь доселе и небывалые, превзошедшие успехи Наполеона, Густава-Адольфа и Аттилы, вместе взятых, — причем над хорошо вооруженным и подготовленным врагом. За шесть недель активных боев в мае—июне сорокового были разгромлены и приведены к капитуляции войска Голландии, Бельгии и Франции; англичане бежали на свои Острова, бросая пушки и знамена. И нельзя сказать, что германское вторжение началось внезапно — война к момен-

ту начала наступления немцев на Западе длилась уже семь месяцев, у врагов Германии было время тщательно подготовиться к отражению нападения.

Кригсмарине совершил вообще невозможное — в условиях абсолютного (!) господства врага на море ему удалось морскими десантами захватить Норвегию, заняв побережье, с которого можно будет в дальнейшем (в случае необходимости) наносить удары в самое сердце страны дерзкого противника. Столь успешной десантной операции в столь неблагоприятных условиях мир доселе еще не видел!

* * *

О политическом положении рейха вообще можно в это время говорить лишь в превосходных степенях — господство Германии в Европе к июлю 1940-го стало абсолютным и совершенно бесспорным. Некому потому что было его оспаривать — все прежние оппоненты Германии либо лежали у ее ног, либо заливали раны у порогов своих домов, не думая (пока) о продолжении дискуссии.

Большая часть Центральной, Северной и Западной Европы (Польша, Чехословакия, Австрия, Бельгия, Голландия, Люксембург, Дания, Норвегия) была либо мирно присоединена, либо захвачена германскими вооруженными силами и превращена в немецкие провинции.

Франция была побеждена и низведена до состояния бесправного вассала.

Италия вступила наконец в войну на стороне Германии — пусть лишь тогда, когда военная катастрофа Франции стала очевидным фактом, но все же...

Румыния все больше склонялась к союзу с Третьим рейхом — ее бывшие профранцузские пристрастия и надежды на английские «гарантии» были тамошними вождями благополучно забыты.

Дружественны немецкому государству были и балканские монархии — Болгария и Югославия.

Венгрия, Финляндия и новорожденная Словакия де-факто были союзниками Германии.

Хитроумный испанский каудильо готовился встать под победоносные знамена рейха.

В общем, можно было сказать, что Германия победила везде; лишь где-то на самых дальних юго-восточных окраинах европейского материка еще находились наглецы (типа греков), до конца не уверовавшие в абсолютную власть Германии; да дрожали за свой нейтралитет Швеция и Швейцария.

Ах, да. Еще где-то далеко на востоке русский медведь с утробным ворчанием переваривал доставшиеся ему со стола победителя куски Европы, устанавливая на бывших территориях Российской империи свою власть.

Жизнь удалась?

Так казалось солдатам, офицерам и многим генералам вермахта; их точку зрения разделял почти весь немецкий народ — а как же иначе? Немецкая нация покорила Европу — сбылись давние мечты Фихте, Гегеля, Ницше и кайзера Вильгельма II! Арийская раса стала у руля европейского развития — уж теперь-то жизнь на континенте пойдет по немецким правилам, без разных французских легкомысленных глупостей, извечной польской лени и голландской (как бы это помягче сказать?) мыслительной неторопливости!

* * *

Адольф Гитлер не был военным. Посему узкопрофессиональный (оптимистический) взгляд на сложившуюся европейскую и в целом международную ситуацию этого победоносного июня ему был абсолютно несвойственен.

Адольф Гитлер был политиком. И, как политик, он уже видел ту чудовищную пропасть, в сторону которой постепенно в этом блестяще победоносном июне сорокового начинал движение Третий рейх.

И имя этой пропасти было — тотальная война.

Англия **не пошла** на подписание перемирия с Германией. Более того — кабинет Чемберлена, с которым еще как-то можно было бы вести переговоры, пал. У руля Великобритании стал бывший Первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль, человек, не склонный к компромиссам, поставленный на должность премьер-министра именно для того, чтобы в случае необходимости **сражаться с немцами до последнего англичанина.**

Тотальная истребительная война против всего мира, бескомпромиссная, а посему безнадежная (для ограниченного в ресурсах немецкого государства) — эта перспектива, грозно маячившая перед Гитлером в июле 1940-го, вынуждала его предпринимать любые шаги, способные, по его мнению, качнуть маятник в пользу рейха.

Тотальная война — это война ресурсов. Каковых у Германии нет и которых взять ей негде. И даже те немногие ресурсы, которые она могла бы ухватить, прямо из-под носа выхватывает новый «союзник»: единственные польские нефтеносные районы Борислав и Дрогобыч, на которые претендовал Гитлер, Сталин забрал у него, великодушно пообещав продавать немцам эквивалент годовой добычи нефти в этих районах. ПРОДАВАТЬ — как будто у Германии было ЗА ЧТО эту нефть ПОКУПАТЬ...

Перед Германией во всей своей грозной значительности предстал призрак предстоящей катастрофы — и почти никто в рейхе, кроме рейхсканцлера, этого призрака в эти победные, ласковые, солнечные дни июля сорокового не видел. И видеть не хотел...

Впрочем, увидеть грядущий неизбежный крах национал-социалистической империи Гитлера в эти дни было весьма мудрено. Ибо очевидные факты сей мрачной перспективы никак не подтверждали. Враги рейха были посрамлены, бежали, бросив победителям колоссальные запасы оружия и снаряжения — казалось, эти потери они уже никогда не восстановят.

И действительно, в первом приближении, военное положение Великобритании на июль 1940 года было весьма шатко, если не сказать — плачевно.

После эвакуации из Дюнкерка английским войскам на Острове не хватало буквально всего — от гаубиц и противотанковых снарядов до штык-ножей и палаток. Оснащенность войск была настолько плачевной, что начальнику тыла впору было в петлю лезть — для доведения до штатной численности двадцати шести пехотных дивизий, дислоцированных на Острове, только полевой артиллерии срочно требовалось 1872 орудия. Это было почти в два раза больше, чем имелось в наличии (около тысячи стволов)!

Также для доведения до штатной численности противотанковых дивизионов английской армии на территории метрополии требовалось более семисот двухфунтовых противотанковых орудий (в наличии их было всего лишь 500).

Кроме двадцати шести пехотных дивизий, в распоряжении командования обороной метрополии имелось также 2 вновь сформированные танковые дивизии, 6 отдельных пехотных бригад, 4 танковые бригады, 4 моторизованные пулеметные бригады. Всего эти силы могли противопоставить немцам 348 средних и 514 легких танков.

Только половина имевшихся в наличии дивизий была готова к маневренным действиям — остро не хватало автотранспорта, брошенного в Дюнкерке.

Поэтому большая часть английской пехоты могла передвигаться со скоростью лишь 5 км/час — доставить в случае вторжения войска к месту вражеской высадки было элементарно не на чем...

Правда, вдобавок к регулярным частям существовали ополченцы (Домашняя Гвардия); но многие «гвардейцы» были вооружены только холодным оружием, так что из миллиона гипотетических «защитников Англии» только максимум четыреста тысяч человек могли оказать условно эффективное сопротивление немцам.

* * *

Но сухопутные войска на Острове — это, по большому счету, был лишь ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ ОБОРОНЫ. С первыми двумя — Королевскими военно-воздушными силами и Королевским флотом — дела обстояли далеко не так плачевно.

RAF не понесли таких потерь, как сухопутная армия, и в июле 1940-го были отлично оснащены, великолепно обучены, щедро снабжены всем необходимым и готовы к битве.

Royal Navy, хоть и потерял за первый военный год какие-то корабли, — по-прежнему был абсолютно непобедим (во всяком случае, немецким «флотом»). И мог в любую секунду доказать это любому врагу.

Но главное было — не численность пушек, самолетов и кораблей у противоборствующих сторон в данном конкретном промежутке времени. Главное в грядущем бескомпромиссном противостоянии Германии с ее врагами было другое. И вот в этом самом **другом** Третий рейх безнадежно проигрывал своему противнику...

Экономический и ресурсный потенциал Британской империи и ее союзников многократно превосходил таковой потенциал Третьего рейха с его вассала-

ми — Гитлер, хотя и не был экономистом, прекрасно это осознавал.

Военные возможности Третьего рейха были хоть и весьма значительны, но далеко не безграничны. Они обеспечивались трудом девяноста миллионов немцев и (частично) почти ста миллионов иных прочих европейцев. Рабочих рук у Германии, в принципе, было достаточно — но для успешного обеспечения тотальной войны со всем миром немцам катастрофически не хватало сырья и материалов. В особенности «крови войны» — нефти. Да и иных прочих ресурсов не хватало так остро, что впору Шпееру было взвыть от досады.

С той стороны было пятьсот двадцать миллионов жителей Британской империи (втрое больше!). Пусть и не шибко (в подавляющем большинстве) склонных к работе на заводах (ввиду отсутствия таковых), но исправно приносящих на алтарь войны свои жертвы в виде нефти, цветных металлов, каучука, продовольствия и еще много всего разного и крайне полезного для войны.

В 1939 году добыча нефти, например, Румынией (единственным постоянным источником «крови войны» для Третьего рейха) составила чуть более пяти миллионов тонн (из которых Германия покупала около трех миллионов), плюс два миллиона тонн синтетического горючего немцы произвели на своих заводах; кроме того, какое-то количество американской нефти им удавалось приобретать через Испанию (посредством испанской компании «Эспаньола Петролеум») — в пределах 50 000 тонн ежемесячно.

В этом же году через нефтяные терминалы Абадана прошло двенадцать миллионов тонн нефти — то есть **только иранские месторождения** (находящиеся под полным британским контролем) дали Англии в два раза больше «черного золота», чем всего сырья

для топлива получила Германия — а Иран был далеко не единственным источником нефти для Британии. Еще был Ирак с двумя с половиной миллионами тонн — месторождения Мосула также принадлежали английским компаниям; англичане могли черпать нефть и из Венесуэлы (30 миллионов тонн годовой добычи, 30% скважин принадлежали британским фирмам), и из Мексики (4 миллиона тонн), и из Голландской Ост-Индии (6 миллионов тонн, половина — «Ройал Датч Шелл»). Не говоря уже о добыче нефти в США, на которую тоже могли рассчитывать англичане. Американцы в том же тридцать девятом добыли 172 миллиона тонн нефти!

То есть превосходство врага в ключевом ресурсе войны было подавляющим. Впрочем, таким же оно было и во всех остальных отраслях.

* * *

Что должен делать ответственный государственный деятель, уверенный, что возглавляемому им государству грозит возможный военный и политический крах (пусть и отдаленный во времени)?

Искать выход из сложившейся ситуации.

Гитлер и принялся его искать.

Самым скверным в создавшемся положении было именно то, что наиболее радикальный и единственно успешный способ склонить Главного Врага, Великобританию, к миру **военным путем** был практически невозможен. То есть фронтов (сухопутных и морских) против Англии можно было понаоткрывать по всему миру; с этим проблем как раз таки не было вообще. Проблема была в другом — все эти фронты были бы второстепенными и малозначительными; они не вели к окончательной военной победе над врагом. И, более того, с каждым откры-

тым фронтом возможности нанести решительное поражение противнику будут **только уменьшаться**. Ведь какая, в самом деле, разница, сколько английских танков сожжет в следующем году Роммель в ливийской пустыне? Лондон ему все равно будет не взять, захватить в плен короля и Черчилля не удастся. А танков англичане наделают новых (или прикупят у американцев) — лучшего качества и в большем количестве.

Посему «окончательное решение британского вопроса» не могло быть достигнуто без того, чтобы уничтожить (или довести до полного истощения) дислоцирующиеся на Острове КВВС и уничтожить (или загнать за Оркнейские острова) базирующийся на британские порты Королевский флот.

И лишь радикальное решение этих двух задач, с последующей высадкой немецких танковых корпусов на Британские острова, вело бы Германию к достижению хотя и ключевой, но, опять же, промежуточной (буде на то воля британского кабинета) цели — оккупации Англии силами вермахта.

Победа над Главным Врагом, ввиду всего вышеуказанного, становилась если не совсем уж несбыточной, то труднодостижимой — во всяком случае. И, опять же, даже захватив Лондон и взяв в плен короля, немцы могут не достичь конечного результата — Черчилль вполне может перебраться в Канаду и оттуда продолжать вести войну. И уж тогда-то принудить его к капитуляции будет вообще в принципе невозможно!

Военный выход из этой ситуации мог быть посему возможен лишь весьма гипотетически. Гитлер его не отбрасывал в сторону, но особой ставки на него не делал — из-за отсутствия ясно видимой перспективы и реальных военных возможностей рейха, главным образом.

Политический выход для Германии из этого тупика мог быть лишь один. А именно — заключение мира с Великобританией, **НА ЛЮБЫХ УСЛОВИЯХ**, вплоть до признания английских сфер влияния в Европе — к тому времени уже почти полностью немецкой.

Попытки установить мир с англо-французами Гитлер предпринимал много раз — об этом сегодня хорошо известно из открытых к свободному доступу документов архивов. Уже через неделю после начала Польской кампании он принимает решение слегка обуздать рвение своих подводников — за первую неделю боевых действий они потопили 11 английских судов общим водоизмещением 64 595 тонн (что составляло почти половину тоннажа судов, потопленных немцами за неделю подводной войны в самый ее разгар — в апреле 1917 года, когда Англия была поставлена на грань катастрофы). После этого английские потери пошли на убыль: 51 561 тонна — за вторую неделю, 12 750 тонн — за третью неделю и только 4646 тонн — за четвертую. 7 сентября адмирал Редер имел продолжительную беседу с Гитлером, который посоветовал флоту замедлить темпы. Франция проявила «политическую и военную сдержанность», англичане «колебались». Учитывая такую обстановку, фюрер решил (а Редер принял к исполнению), что подводные лодки, бороздящие воды Атлантики, будут щадить все, без исключения, пассажирские суда и воздерживаться от нападения на французские суда, что «карманный линкор» «Дейчланд» в Северной Атлантике и «Граф Шпее» в Южной Атлантике должны вернуться на некоторое время на свои базы. Как отметил Редер в своем дневнике, общая политика в данный момент сводится к проявлению «сдержанности, пока не прояснится политическая ситуация на Западе, на что уйдет около недели».

19 сентября (еще не завершена польская кампания!) Гитлер в Гильдхалле в Данциге произносит речь, в которой впервые говорит о мире. **«У меня нет никаких военных целей против Англии и Франции, — заявил он. — Мои симпатии на стороне французского солдата. Он не знает, за что сражается».** А затем он призвал всемогущего, благословившего немецкое оружие, «ниспослать другим народам понимание того, насколько бесполезной будет эта война... и натолкнуть их на размышление о мирном благоденствии».

Что характерно — не только Германия жаждала мира; прекратить войну в Европе хотел и Советский Союз. Молотов и Риббентроп подписали в Москве 28 сентября декларацию о мире. В ней говорилось, что «правительства Германии и России, урегулировав конкретные проблемы, возникшие в результате распада Польского государства, и заложив прочную основу для длительного мира в Восточной Европе, выражают уверенность, что это будет служить подлинным интересам всех народов, положит конец состоянию войны между Германией и Англией и Францией. Оба правительства будут направлять совместные усилия на скорейшее достижение этой цели. Если же, однако, усилия договаривающихся правительств окажутся бесплодными, то это должно подтвердить тот факт, что Англия и Франция ответственны за продолжение войны...»

6 октября Гитлер произносит очередную речь — в ней он уже прямым текстом извещает западных союзников о своей готовности **ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ** добиться мира: «Мои главные усилия были направлены на то, чтобы освободить наши отношения с Францией от всех следов злой воли и сделать их приемлемыми для обоих народов... У Германии нет никаких претензий к Франции... Я даже не буду касаться проблемы Эльзаса и Лотарингии... Я не раз высказывал Фран-

Выступление Гитлера в Данциге

ции свои пожелания навсегда похоронить нашу старую вражду и сблизить эти две нации, у каждой из которых столь славное прошлое... Не меньше усилий посвятил я достижению англо-германского взаимопонимания, более того, установлению англо-германской дружбы. Я никогда не действовал вопреки английским интересам... Даже сегодня я верю, что реальный мир в Европе и во всем мире может быть обеспечен только в том случае, если Германия и Англия придут к взаимопониманию... Зачем нужна эта война на Западе? Для восстановления Польши? Польша времен Версальского договора уже никогда не возродится... *(Замечу в скобках, что и в этом аспекте германский фюрер оказался удивительно прозорлив!)* Вопрос о восстановлении Польского государства является проблемой, которая будет решена не посредством войны на Западе, а исключительно Россией и Германией... Бессмысленно губить миллионы людей и уничтожать имущество на миллионы же для того, чтобы воссоздать государство, которое с самого рождения было

признано мертворожденным всеми, кто не поляк по происхождению. Какие еще существуют причины? **Если эту войну действительно хотят вести лишь для того, чтобы навязать Германии новый режим... тогда миллионы человеческих жизней будут напрасно принесены в жертву... Нет, эта война на Западе не может решить никаких проблем...»**

Адольф Алоизович уже начинал понимать, что эту войну англо-французы начали отнюдь не ради Польши — увы, осознание сего факта пришло к нему **СЛИШКОМ ПОЗДНО...** Хотя нельзя сказать, что он не пытался переломить худую судьбу!

Для достижения мира на европейском континенте в ноябре 1939 года Гитлер предложил «после самой тщательной подготовки» созвать конференцию ведущих европейских стран. «Недопустимо, чтобы такая конференция, призванная определить судьбу континента на многие годы вперед, могла спокойно вести обсуждение назревших проблем в то время, когда грохочут пушки или отобилизованные армии оказывают давление на ее работу. Если, однако, эти проблемы рано или поздно должны быть решены, то было бы более разумно урегулировать их до того, как миллионы людей будут посланы на бессмысленную смерть и уничтожено на миллиарды национальных богатств.

Продолжение нынешнего состояния дел на Западе немислимо. Скоро каждый день будет требовать новых жертв... Национальное благосостояние Европы будет развеяно снарядами, а силы каждого народа истощены на полях сражений... Одно совершенно ясно. В ходе всемирной истории никогда не было двух победителей, но очень часто только проигравшие. Пусть народы, которые придерживаются того же мнения, и их лидеры дадут сегодня свой ответ. И пусть те, кто считает войну лучшим средством раз-

решения проблем, оставят без внимания мою протянутую руку».

Увы, и эта «протянутая рука» была пренебрежительно отвергнута.

Гитлер еще будет пытаться вести речь о мире ПОСЛЕ РАЗГРОМА ФРАНЦИИ — увы, с тем же результатом. Франция капитулировала, и, по логике событий, Англия должна была бы склониться к мирному завершению этой, еще не ставшей вселенским пожаром, европейской войны.

Но в том-то и была загвоздка, что Великобритания **МИР ПОДПИСЫВАТЬ НЕ ЖЕЛАЛА** — **ни на каких условиях!** Великобритания (в лице ее «военного вождя» Уинстона Черчилля) приняла решение сражаться с Германией до победного конца — вне зависимости от конечной цены победы.

Таким образом, политическое решение кризиса было **невозможно**.

* * *

Гут.

Станем на место ответственных руководителей рейха и подумаем, что же нам делать дальше с этой войной, которая была немецкому государству в роковом сентябре тридцать девятого навязана и которая, несмотря на полную победу Германии на европейском континенте в июне сорокового, отнюдь не хочет заканчиваться. Отложим в сторону лишние фанфары и ненужный пафос, будем оперировать лишь известными величинами.

Враг (Великобритания и вместе с ней еще полмира) не сдастся и, более того, собирается в этой войне добиться победы, опираясь на ту простую истину, что даже вся континентальная Европа (примем пока за истину, что она именно ВСЯ) воевать против ресур-

сов остального человечества будет не в состоянии. Во всяком случае, воевать долго.

Допустим, что вермахт переправиться через Ла-Манш однозначно не сможет и поражение английской армии в единственном месте, где это имеет решающий смысл — у лондонских предместий, — не нанесет. Предположим.

Следовательно, вермахт (как инструмент внешней политики) нам пока придется отложить в сторону — по морю, яко по суку, ему в Англию не пройти. Как это ни прискорбно, но в войне с Англией место вермахта пока — в буфете.

Просто занять наличными германскими дивизиями позиции вдоль Атлантического побережья и сидеть в них сиднем, дожидаясь вторжения врага с моря, — для столь эффективной боевой машины, как вермахт, есть чистой воды энтропия и дикое разбазаривание ресурсов. Посему оный внешнеполитический инструмент немного позже должен будет найти свое применение в изменившейся ситуации.

Также примем во внимание, что экономическая мощь Великобритании и ее союзников в полной мере сможет быть задействована для нужд войны не сразу — для развертывания массового военного производства им потребуется год-полтора, а то и два.

Серьезную массовую армию, способную высадиться на европейский континент и задавить лучшую армию мира количеством военной техники, враги Германии смогут создать и того позже — через два-три года. И то еще надо будет на эту армию посмотреть.

Ерго: Германии необходимо за это время создать из европейского континента несокрушимый бастион, «крепость Европу» — в то же время непрерывно ослабляя врага изнурительной войной на его коммуникациях.

Какова будет цель (для Германии) этой самой изнурительной войны на английских коммуникациях?

«Битва за Атлантику», как позже назовут эти военные действия в морях и океанах истории (и сам Уинстон Черчилль), — была глобальным военно-морским противостоянием Германии и Великобритании (с союзниками). **В котором обороняющейся стороной был Третий рейх.**

Может быть, для кого-то это утверждение покажется спорным (если не сказать хуже). Но, тем не менее, это факт. Целью Германии в «битве за Атлантику» была именно **ОБОРОНА** — атакуя конвои с военными материалами, следующие в британские порты, немецкие подводники боролись с **неизбежным грядущим английским вторжением на континент.**

* * *

Что везут многочисленные конвои лета и осени 1940 года из США в Великобританию?

Продовольствие, нефть и бензин выносим за скобки — это необходимо Англии, чтобы просто существовать.

Истребитель «Буффало»

Средний танк М3 «Генерал Грант»

Истребители (в 1940 году это, например, 38 «Буффало» Mk I и 170 «Буффало» В-339Е) тоже как бы не считаем — оружие обороны, грядет «Битва за Англию», то да се.

Но в июне 1940 года английские ВВС заказывают в США фирме «Валти» 700 самолетов V-72 «Венджинс», каковые, между прочим, являются пикирующими бомбардировщиками и самолетами поля боя. Очень похожими на Су-2 или Накадзима «Кейт», которых герр Резун назвал «крылатыми шакалами», предназначенных для хладнокровного убийства на рассвете. И которым в Англии делать просто *ничего* — ну не штурмовать же, в самом деле, Бристоль или Ливерпуль?

И, покопавшись в содержимом многочисленных конвоев, следующих летом и осенью 1940 года в британские порты, мы раз за разом будем наткаться вот на такие вот «венджинсы», которые для целей обороны Британских островов априори **не нужны**, а нужны для действий по обеспечению высадки британских

войск на континент и последующей борьбы с вермахтом на французских полях.

Это — осень 1940 года. Нет еще никакого ленд-лиза, и уж тем более — США еще не вступили в войну. Что ж говорить о содержании трюмов судов, идущих в британские порты, в 1941 году! Американские средние танки М3 «Генерал Грант», легкие танки М3 и М5 «Генерал Стюарт», тактические бомбардировщики «Бостон» (452 самолета, заказанных еще французами, и 300 — уже собственно английский заказ), истребители-бомбардировщики Р-40 «Томагавк» и «Киттихоук». Это только маленькая часть идущего в Англию вооружения, и все это вооружение — для наступления на европейском континенте или в Африке. Для обороны собственно Британских островов это «железо» просто не нужно.

* * *

Таким образом, деятельность немецкого подводного (и в меньшей степени надводного) флота может быть (и будет) направлена на осуществление крейсерских операций на торговых путях врага — с целью снизить до возможного минимума рост его военного потенциала. И тем максимально отсрочить его высадку на континент.

С этим все понятно. Флот победы достичь, безусловно, не сможет, но для рейха сделает все, что будет в его силах. Посему время вернуться к вермахту.

Вермахт в июле сорокового — лучшая армия мира. Великолепный, остро отточенный, безусловно сверхэффективный инструмент, в руках фюрера он был сродни скальпелю в опытных руках хирурга. И именно рейхсканцлеру надлежало решить, для чего он будет использовать этот инструмент — памятуя о том, что враг за Ла-Маншем (и его «лучшие друзья»

за океаном) не сложил оружия и вынашивает планы возмездия.

Мировая вненациональная финансовая олигархия жаждет уничтожения Германии, уповая на свое безусловное экономическое превосходство.

А если Германия найдет способ это самое безусловное экономическое превосходство врага низвести до практического равенства с собственной экономикой? Если она сможет изыскать возможности добычи нефти, выплавки стали, производства цветных и редкоземельных металлов на том же уровне, что имеют «свободолюбивые демократии»? Если немецкая промышленность получит возможность без скрупулезного взвешивания на аптекарских весах использовать никель и кобальт, марганец и хром, алюминий и медь, нефть и лес, хлопок и пшеницу? Если ресурсная составляющая германской экономики, доселе бывшая ахиллесовой пятой Третьего рейха, вдруг многократно возрастет? Если общий ресурсный потенциал немецкого государства станет если не равен, то, во всяком случае, близок таковому потенциалу его врагов?

Станут ли англосаксы думать о высадке на европейский континент и взятии Берлина? Или все же решат с Германией как-то договориться?

Может быть, и нет. Может быть, насущная необходимость для мировой вненациональной финансовой олигархии уничтожить национал-социализм (а вместе с ним — и всю Германию) перевесит доводы рассудка, и англосаксы высадятся на континенте. Может быть.

Но тогда ресурсная база, созданная к этому времени Германией, отлично послужит целям отражения этой агрессии. И тогда — почему бы и нет? — Третий рейх **ПОБЕДИТ** в этой безнадежной для него в данный момент войне!

Захваченная Германией к июлю сорокового года европейская территория была отвратительно бедна полезными ископаемыми. Хуже того — она была безнадежно бедна нефтью, «кровью войны». Нефть, увы, находилась далеко за рубежами рейха, и почти все ее мировые запасы контролировались врагами Германии.

Ближний Восток с нефтяными терминалами Абдана контролировали англичане. Нефть Голландской Ост-Индии — после крушения метрополии — голландское правительство в изгнании (то бишь — опять-таки управление скважинами было в Лондоне). Нефтяные скважины Венесуэлы плотно осадили американцы. Да до них и не добраться — флота у Германии нет.

Все мировые запасы нефти находились там, куда германским танковым корпусам не добраться ни при каких условиях. И лишь одни нефтяные поля, дающие колоссальную добычу почти белой, высококачественной, отличной нефти, — были достижимы немецким танковым катком.

Нефтяные месторождения Северного Кавказа и скважины Баку.

Добыча нефти в Советском Союзе в 1939 году составила 33 миллиона тонн, что позволило Советской России занять второе место в мире по объемам добычи этого ключевого (для ведения войны) полезного ископаемого.

Но и кроме нефти на прилегающих к заветным нефтяным полям территориях — колоссальные запасы незаменимого марганца (без коего броневая сталь теряет половину своей прочности), угля и руды, целая таблица Менделеева, буквально валяющаяся под ногами!

Овладев нефтяными месторождениями Северного Кавказа, сталелитейными и угледобывающими мощностями юга Украины, отправив в рейх выращенные трудолюбивыми туземцами миллионы тонн пшеницы, тысячи кубометров леса, десятки тысяч тонн мяса и молока, миллиарды штук яиц, Германия настолько серьезно повысит свой ресурсный потенциал, что может без страха взирать на жалкие потуги англосаксов продолжать войну — без всяких надежд (для последних) на победу.

Может быть, британские военные лидеры и попытаются высадить десанты своих «томми» на европейский континент — с них станется! Но вермахт, не испытывающий более (благодаря русской нефти) никаких трудностей с горючим, не жалеющий (благодаря русской латуни, стали и чугуну) снарядов, беспретно сбрасывающий на головы десантов миллионы бомб (спасибо русскому химическому сырью для взрывчатки), досыта накормленный (спасибо русскому мясу и пшенице) легко справится с этим вторжением.

И война будет закончена!

* * *

Вот где нужен будет вермахт!
В России!

И 22 июля 1940 года, через месяц после победы над Францией, Гитлер отдает приказ фон Браухичу начать подготовку плана войны с СССР. Германская военная машина должна будет через год вторгнуться в пределы Советского Союза, нанести поражение его армии, принудить политическое руководство к капитуляции — и захватить жизненно необходимые рейху ресурсы. Включающие в себя в первую очередь нефть Северного Кавказа и угольные и железорудные месторождения юга Украины.

Наверное, кто-то готов возразить: Германия и так получала из СССР изрядно сырья и материалов по Хозяйственному соглашению 1939 года — зачем ей воевать за эти самые ресурсы?

Святая правда. По этому соглашению немцы, например, получили из СССР 2,2 миллиона тонн зерна пшеницы, кукурузы и бобовых, 1 миллион тонн нефти, 101 тысячу тонн хлопка-сырца, 1 миллион тонн лесоматериалов, 140 тысяч тонн марганцевой руды, 26 тысяч тонн хромовой руды, 14 тысяч тонн меди, 3 тысячи тонн никеля, 500 тонн молибдена, 500 тонн вольфрама, 2736 килограммов платины. И много чего еще.

Но и нефть, и руду, и лес, и ферромарганец, и все прочее крайне нужное германской промышленности сырье СССР отправлял в Германию совсем не за красивые глаза.

Во-первых, немцам пришлось летом 1939 года подписать с Россией кредитный договор (в качестве взятки, предшествующей подписанию пакта Молотова—Риббентропа) — по нему Германия обязалась поставить в СССР металлорежущие, карусельные, сверильные, строгальные и другие виды станков, прокатные станы, оборудование для тяжелой, химической, горнорудной и легкой промышленности, остродефицитное промышленное сырье (дюралюминий, вольфрам). Разных калибров морскую, полевую и зенитную артиллерию, минометы (все — с полным боезапасом и технической документацией), новейшие виды боевых самолетов, оптические и измерительные приборы.

Все это шло в списке А, то есть это были товары, закупаемые в рамках этого самого двухсотмиллионного кредита.

Во-вторых, в списке Б одного Хозяйственного соглашения, уточняющего наши заказы в обмен на то зерно и сельскохозяйственное и промышленное сы-

рье, которое мы были готовы поставлять Германии, опять же было оборудование, станки, приборы, в том числе такие, которых в СССР в 1939 году нет, не было и никогда не будет (без германских поставок). Объем закупок — на 180 миллионов марок, ровно на столько, сколько зерна и сырья СССР готов поставить Германии по списку В.

То есть поставки из СССР Германии было необходимо постоянно оплачивать, причем готовыми изделиями, на производство которых расходуются трудовые ресурсы рейха. И если русским для того, чтобы добыть тысячу тонн нефти, необходим труд десятка малоквалифицированных рабочих на протяжении двух-трех рабочих дней — то для того, чтобы произвести уникальный карусельный станок, идущий в обмен на эту тысячу тонн, требуется недельный труд двадцати пяти высококвалифицированных специалистов!

Но и этого было мало. В 1935 году Германия подписала с СССР кредитное соглашение, по которому поставила русским на двести миллионов марок разных промышленных изделий. Кредит под весьма льготный процент (5% годовых) и на более чем льготных условиях (погашать его русские должны были начать через пять лет поставками сырья и оборудования). Пять лет истекли в феврале 1940-го — а особого рвения в погашении того давнего кредита немцы у советских хозяйственников что-то не заметили.

Подведя итог всему вышесказанному, можно утверждать — в 1941 году платить за поставки русского сырья рейху будет НЕЧЕМ. Следовательно, вместо нефти, железорудного концентрата, пшеницы и молибдена немецкая сторона получит из русского Внешторга известную фигуру из трех пальцев. Каковую фигуру ни в каком производстве использовать будет нельзя.

И для того, чтобы обеспечить рейх необходимыми ему ресурсами для окончания войны с мировой внешнеэкономической финансовой олигархией, для того, чтобы захватить (в исполнение этого плана) территорию России, — и потребуются усилия вермахта.

Серьезные усилия. Очень большие усилия. Усилия на пределе его возможностей — но НИКАКОГО ИНОГО ВЫХОДА ИЗ ТУПИКА ЛЕТА Сорокового ГОДА у ГЕРМАНИИ ПРОСТО НЕТ...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Морской лев» — большой блеф Гитлера

Итак, предварительный план дальнейших действий германских вооруженных сил на предстоящий год-полтора в июле сорокового Гитлером был вчерне сверстан. Флот должен будет приложить максимум усилий, чтобы отсрочить английское вторжение на европейский континент, сухопутные войска за это время должны будут обеспечить рейх необходимыми ему ресурсами для победоносного окончания войны.

Но это — версия автора. Любой читатель вправе задать вопрос: «А может, все было не так? Может быть, автор ошибается?»

Очень может быть. Автор вполне допускает, что план войны с Россией Гитлер велел готовить своему Генштабу просто так — чтобы его офицеры зазря жалованье не получали. Таких планов «на всякий случай» у немцев в запасе было изрядно; и план оккупации Швейцарии они готовили, и Швецию грозились захватить, и Средний Восток с нефтяными скважинами Мосула планировали оккупировать, и десант на набережные Нью-Йорка готовы были высадить — много чего они там планировали про запас.

Так может, и план вторжения в Россию был такой же мистификацией? А главной целью германских

вооруженных сил было все же осуществление плана «Морской лев»?

Хорошо бы в этом деле подробно разобраться.

Вот как описывает Типпельскирх ситуацию июля сорокового:

«Немцы вели теперь войну против Англии без той ясной целеустремленности, которая была им свойственна до сих пор, о чем свидетельствует вводный пункт директивы № 16 от 16 июля 1940 г. В этом пункте был сформулирован приказ начать подготовку высадки десанта в Англии под кодовым наименованием «Зеелеве» («Морской лев»). Он гласил:

«Так как Англия, несмотря на свое безнадежное военное положение, не проявила до сих пор никаких признаков готовности к ведению переговоров, я решил подготовить и, если понадобится, осуществить десантную операцию против Англии. Целью этой операции является устранить британскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если это потребует, оккупировать ее полностью».

В этой директиве слышится не только прежняя надежда на уступчивость Англии; в ней появляется и новое, до сих пор не свойственное заявлениям Гитлера, — оговорки. Все же могло показаться, что, если не будет иного выхода, необходим захват Британских островов, чтобы добиться окончания войны. Однако докладная записка, которую Йодль составил еще 30 июня 1940 г., позволяет предположить, что в основу директивы были положены уже давно возникшие, но не высказанные соображения. Йодль в своей докладной записке выступил за высадку десанта только для того, «чтобы нанести Англии, парализованной в военно-экономическом отношении и вряд ли способной к борьбе в воздухе, смертельный удар, если он еще потребует». «Несмотря на это, — добавил он, — высадка должна быть подготовлена во всех деталях». Таким образом, не высадка десанта должна была по-

ставить Англию на колени; ей надлежало стать лишь заключительным этапом поражения, достигнутого другими средствами».

Так что насчет высадки десанта мы пока погодим; план «Морской лев» мог быть приведен в исполнение (и директива № 16 ясно и четко об этом говорила) лишь при соблюдении двух ключевых условий. А именно: высадка начнется, во-первых, **ЕСЛИ ВВС смогут завоевать превосходство в воздухе**, и, во-вторых, **ЕСЛИ ВМС смогут обеспечить переброску и прикрытие войск**. Посему есть смысл рассмотреть расстановку сил на театре военных действий именно с этой точки зрения.

* * *

Для германских военно-воздушных и военно-морских сил задачи в предстоящей операции будут следующие:

— необходимо настолько подорвать боеспособность английской авиации, чтобы она не смогла создать серьезной угрозы для переправы немецких войск через Ла-Манш;

— должны быть созданы свободные от мин фарватеры;

— Па-де-Кале с обеих сторон, а также западный вход в пролив Ла-Манш приблизительно на линии остров Олдерни, Портленд должны быть прикрыты плотными минными заграждениями.

Смогут они эти задачи выполнить?

НЕТ.

И вот почему.

Люфтваффе — исключительно тактический род оружия. Он таковым создавался, такова была его начальная концепция, и именно в ее рамках он рос и мужал. Под эту концепцию заказывались самолетостроительным фирмам определенные типы лета-

Пикирующий бомбардировщик Ju-87

тельных аппаратов, под нее же создавались учебные программы пилотов, штурманов и прочих «летающих людей», разрабатывалась тактика действий авиационных подразделений, создавалось бортовое оружие самолетов, определенные типы бомб и прочих авиационных боеприпасов.

Пока шла война на европейском континенте — германские ВВС с блеском свою задачу выполняли. Естественно — именно для такой войны они и создавались, именно для таких боевых действий готовились экипажи и строились самолеты.

Главной ударной силой германских ВВС на июль 1940 года являлись одномоторные пикирующие бомбардировщики Ju-87, предназначенные для непосредственной огневой поддержки атакующих танков на поле боя, и двухмоторные бомбардировщики (He-111, Дорнье разных модификаций и Ju-88), действующие по путям подхода резервов, линиям снабжения, аэродромам и пунктам сосредоточения вражеских войск

в 50 — 100 километрах от линии фронта. Истребительная авиация имела неярко выраженную вспомогательную функцию — ни у Польши, ни у Франции (и уж тем более — Дании, Норвегии, Бельгии или Голландии) не было серьезной истребительной авиации; следовательно — задачу завоевания господства в воздухе немцы могут выполнять относительно небольшим количеством истребителей. Лучше они свои ограниченные ресурсы потратят на ударную авиацию поля боя.

В июле сорокового германские ВВС столкнулись с неприятной неожиданностью — их базовая функция вдруг перестала соответствовать предстоящим боевым задачам. Вместо поддержки своих наступающих сухопутных частей люфтваффе обязали одержать победу в воздушном сражении с сильным, подготовленным и обученным врагом.

К каковой задаче люфтваффе никто и никогда не готовил.

И каковую задачу им будет выполнить не под силу.

* * *

«Битва за Англию» была начата 1 августа согласно директиве № 17, содержащей следующие основные положения: *«Чтобы создать предпосылки для окончательного поражения Англии, я намерен продолжать воздушную и морскую войну против Англии более энергично, чем это было до сих пор. Немецкая авиация со всеми имеющимися в ее распоряжении силами должна как можно скорее уничтожить английскую авиацию. Удары должны быть направлены в первую очередь против авиационных частей, их аэродромов и баз снабжения, а также против военной промышленности, включая промышленность, выпускающую зенитное вооружение. После достижения превосхо-*

ства в воздухе в отношении времени и места необходимо продолжать воздушную войну против портов и особенно против складов продовольствия внутри страны».

Директива замечательная, слов нет. Вот только ресурсов для ее осуществления у Гитлера явно недостаточно. Типпельскирх о начале «битвы за Англию» писал достаточно оптимистично: *«Немецкая авиация численно превосходила английскую приблизительно в два раза, за исключением истребителей, для которых соотношение было не таким благоприятным, а личный состав германских военно-воздушных сил хорошо отдохнул после напряженных боев во время битвы за Францию.*

Для наступления имелись в распоряжении следующие силы, объединенные во 2-й воздушный флот (командующий — фельдмаршал Кессельринг) и 3-й воздушный флот (командующий — фельдмаршал Шперрле): 14 эскадр бомбардировщиков, 9 эскадр одномоторных истребителей, 2 эскадры тяжелых двухмоторных истребителей. Это составляло примерно 1100 бомбардировщиков, 900 одномоторных истребителей, 220 тяжелых двухмоторных истребителей, то есть, включая пикирующие бомбардировщики, в общей сложности 2200 самолетов с опытным и хорошо обученным личным составом».

Типпельскирх, мягко говоря, немного ошибается. Впрочем, это общая ошибка немецких генералов — рассматривать все немецкое как «этвас колоссаль», априори считая всех прочих недотепистыми неучами.

А зря. Королевские военно-воздушные силы вскоре покажут люфтваффе, что есть «кузькина мать» в британском исполнении.

А насчет боевой численности военно-воздушных сил сторон — то тут имеет смысл привести некоторую статистику.

Истребитель Bf-109

1 августа 1940 года (за несколько дней до «официального открытия» предстоящей битвы) силы сторон были следующими:

Англичане имели в строю 749 одномоторных истребителей (по большей части — «Харрикейнов») и 664 самолета в резерве (устаревшие модели и машины, проходящие ремонт). Немцы могли выставить на линию огня 805 одномоторных истребителей и 224 двухмоторных «сто десятых». Превосходство очень неустойчивое. У немцев, правда, для налетов на аэродромы имеется уйма бомбардировщиков — 261 Ju-87 и 998 двухмоторных машин разных типов — но эти самолеты воздушного боя не ведут, вынесем их пока за скобки.

* * *

О «Битве за Англию» написано гигантское количество книг — не имеет смысла описывать ее ход. Немцы попытались добиться господства над Южной Англией в течение августа—октября сорокового года, втянувшись в битву на истощение. И проиграли — по той простой причине, что **не могли не проиграть.**

Истребитель Hawker Hurricane

Их авиационная мощь оказалась меньше, чем авиационная мощь Великобритании. Тактический род оружия, люфтваффе по определению не могли решить стратегическую задачу завоевания господства в воздухе над Британскими островами — они создавались не для этого. Все остальные причины немецкого провала — всего-навсего производные от этой главной, базовой причины.

7 сентября, в разгар воздушного сражения над Южной Англией, силы сторон составляли: Великобритания — 746 истребителей первой линии и 390 в резерве, Германия — 623 одномоторных истребителя и 129 «сто десятых». К 28 сентября силы сторон — КВВС 732 истребителя в строю и 469 «в запасе», люфтваффе — 276 «сто девярых» и 230 двухмоторных истребителей.

С июля по сентябрь немцы потеряли 521 пилота Вф-109, в то время как англичане — только 381 пилота-истребителя. Количество английских пилотов почти никогда не падало меньше 2 (!) на один самолет в строю, а количество истребителей — меньше 700 (только в

Истребитель Supermarine Spitfire

июле было меньше). Зато немцы, особенно бомбардировщики, действительно устали — полгода почти бесперывных боев сказывались и на пилотах, и на наземном персонале. Так, почти каждый четвертый бомбардировщик — 230 из 964 — был потерян из-за небоевых причин, преимущественно при авариях на взлете и посадке. Более того, пилотов истребителей отправляли заполнять поредевшие бомбардировочные эскадрильи, что также способствовало уменьшению количества ветеранов.

Битва на истощение была люфтваффе над Англией проиграна с треском: если в сентябре сорокового они имели в строю (всего, а не только в составе 2-го и 3-го воздушных флотов) 721 боеспособный одномоторный истребитель, 181 двухмоторный истребитель, 401 пикирующий бомбардировщик и 818 двухмоторных бомбардировщиков, то уже к декабрю это количество снизилось до соответственно: одномоторные истребители — 587, двухмоторные — 168, пикировщики — 375, двухмоторные бомбардировщики — 772. А ведь авиационные заводы Германии все это время работали на полную мощь! Общие потери германских ВВС в ходе «битвы за Англию» составили 1733 самолета.

Истребитель Messerschmitt Me 110

Увы, немецкое производство никак не поспевало за потерями — в отличие от такового Великобритании. В июле 1940 года немцы потеряли 40 истребителей, взамен от промышленности получив 164. В августе производство уже едва покрывало потери — на 160 сбитых истребителей люфтваффе получило всего 173 новых. В сентябре соотношение сбитых и вступивших в строй стало отрицательным — 310 к 218, в октябре картина стала лишь чуть оптимистичней — на 136 сбитых истребителей немцы ввели в строй 144 новых. Итого: за четыре месяца сверх восполненных потерь люфтваффе получило всего 53 истребителя. КВВС за это же время, сверх восполненных потерь, ввело в строй 882 истребителя — причем в боевые эскадрильи начали поступать «Спитфайры», значительно превосходящие Бф-109 модификаций «Эмиль», которыми были вооружены немецкие истребительные эскадрильи.

Всего Великобритания в 1940 году произвела 15.049 самолетов — против 10 826 немецких. А ведь

англичане еще получали аэропланы из-за океана (как минимум за этот период — 400 только истребителей)!

Так что можно уверенно сказать, что люфтваффе даже близко не приблизились к выполнению тех задач, что возлагал на них план «Морской лев». Немудрено, что у Гитлера, по словам Типпельскирха, *«пропал всякий интерес к операции, когда борьба за господство в воздухе над Англией неожиданно приняла совершенно другой оборот»*.

* * *

О превосходстве Англии над Германией в военном флоте писать мы не будем. Просто ограничимся констатацией того простого факта, что у Англии флот **БЫЛ**, а у Германии его **НЕ БЫЛО** — вот и все.

Средств высадки на английский берег у немцев тоже нет. То есть какие-то баржи и прочие гражданские лоханки в наличии имеются, и их даже может хватить на всю «армию вторжения» — но *средствами высадки* они никак быть не желают.

Основой десантного флота были рейнские баржи и катера, не предназначенные для открытого моря. Всего к 18 сентября (когда операция уже была отменена) немцы собрали в портах Северо-Восточной Франции, Бельгии и Голландии 168 транспортов, 1910 барж, 419 буксиров и 1600 моторных катеров. И хотя «битва за Англию» шла в это время с немыслимой яростью — КВВС умудрились из этого количества потопить или нанести повреждения 21 транспорту и 214 десантным баржам! И это в самый разгар сражения с люфтваффе!

Фактически при волнении больше 2 баллов речные плоскодонные баржи могли затонуть вообще без всякого противодействия противника. Более того, в связи с недостатком персонала для десантных средств (не хватало 20% от потребности) основной десантной

единицей был буксир, который должен был тянуть 2—3 баржи со скоростью 2—3 узла по Каналу, имеющему течения до 5 узлов. То есть если на правом фланге гипотетического вторжения баржам с десантом хватило бы десяти часов, чтобы достичь скал Дувра, то на левом фланге высадки солдаты должны были провести в баржах и катерах до 30 часов — их боеспособность после такой поездки вызывает у меня серьезные сомнения. И вся эта орда должна была плыть ночью, управляясь с помощью громкоговорителей! Более того, делать все это они были должны «с первого раза», поскольку никаких тренировок войска не проводили. После этого идея перевезти лошадей (в каждой немецкой пехотной дивизии было более пяти тысяч коней) через Канал на плотках (!) или «отстреливание» носовой части баржи танком для того, чтобы он смог выбраться на берег, воспринимается почти нормально.

В общем, подведя итог подготовке немецких войск к высадке на дуврские скалы и в предместья Плимута и Портсмута, мы можем утверждать, что вероятность успеха этой десантной операции равна нулю — если вообще не отрицательным величинам.

Дабы не быть голословным, можно привести еще и результаты проведенной в Сандхерсте в 1974 году командно-штабной игры по операции «Морской лев». За немцев играли офицеры бундесвера, посредниками были Галланд и Руте.

Результат: на шестой день операции немецкое командование приняло решение о прекращении операции в связи с невозможностью снабжать и пополнять войска. Из девяноста тысяч высадившихся на английский берег немецких десантников домой вернулось лишь пятнадцать с небольшим тысяч — остальные были убиты или взяты в плен.

Точка.

Итак, вывод очевиден. Для успеха действий германских танковых корпусов на территории Англии необходимо, чтобы немецкий флот был в состоянии перевезти на английский берег войска вторжения. Для успеха чего, в свою очередь, люфтваффе должно было достичь господства в воздухе.

За три месяца ожесточенных боев над Южной Англией немецкая авиация такого господства не достигла — более того, англичане все чаще и чаще начали совершать налеты на европейский континент. Топить десантные баржи и транспорты, тяжелыми бомбардировщиками бомбить Берлин и прочие немецкие города.

Раз господства в воздухе у немцев заведомо нет — германский флот (ну, или что там у рейха вместо него) будет не в состоянии провести через Канал гигантскую орду плоскодонных барж и, что еще важнее, снабжать высадившиеся войска на чужом берегу.

Поскольку флот вермахт везти в Англию при сложившихся обстоятельствах не берется — операция «Морской лев» превращается в развлечение для офицеров немецкого Генерального штаба, и не более того.

И значит, мы можем смело утверждать:

«Морской лев» — операция-блеф. Очень дорогостоящий, кровавый, но все равно блеф. **Который не удался.**

Потому что в этом покере против Гитлера сел играть сам хозяин заведения, собственноручно и задолго до игры тщательно пометивший все карты и теперь лишь иронично улыбающийся при виде попыток средней руки шулера затасканными приемами избежать проигрыша.

Не думаю, что Гитлер всерьез рассчитывал одержать победу над Великобританией с помощью столь неубедительных аргументов, как угроза вторжения

при абсолютном отсутствии флота и без завоевания господства в воздухе. Скорее, он вынужден был предпринять некоторые действия по разрекламированному плану «Морской лев» (развернуть «битву за Англию») для того, чтобы угрозой гипотетического вторжения попытаться переломить ход событий. Как писал об этом Типпельскирх, «Гитлер впервые оказался в положении, из которого, как он сам чувствовал, ему не выпутаться. До сих пор в мирное время он одерживал свои победы, используя блеф и уступчивость своих политических противников, а во время войны имел дело с противниками, которые уступали в материальном и моральном отношении или даже были буквально парализованы страхом перед мощью Германии.

Англию нельзя было победить ни путем молниеносной войны, ни посредством применения стратегической внезапности».

Переломить ход событий не удалось. Чуда не случилось — Мировая Закулиса стальной хваткой удержала Германию на пороге победы, и теперь вольна была не спеша, вдумчиво и неторопливо готовить грядущий ее разгром. Время работало на нее — с октября сорокового, с момента поражения люфтваффе в «битве за Англию», начался отсчет последних часов Третьего рейха...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Средиземноморские «забавы» дуче

10 июня 1940-го, вступив в войну с Францией на стороне Германии, итальянский дуче Муссолини меньше всего думал о том, что воевать придется долго и всерьез. Ему нужно было «несколько тысяч убитых, чтобы он мог, как участник войны, сесть за стол мирной конференции», чтобы затем вдумчиво и с удовольствием поделить «французское наследство». Для чего он и послал своих альпийских стрелков на французские позиции в Савойе. Никакой военной необходимости в столь «отчаянно смелых» действиях итальянского союзника на сухопутном театре военных действий для вермахта не было, но, как говорится, «чем бы дитя ни тешилось».

О том, что война начнется еще и с Англией, Муссолини как-то не подумал — вернее, не придавал этому особого значения. И даже более того, заверял озабоченного начальника генерального штаба вооруженных сил, что «в сентябре все кончится». *«Мысль о том, как следует вести войну, если вопреки ожиданиям Англия не будет сразу побеждена Германией и не проявит уступчивость, не беспокоила ни Муссолини, ни его военных советников; первого по той причине, что он вообще не собирался вести никакой войны, а последних потому, что они были убеждены в него-*

статочной подготовке Италии к войне и, следовательно, считали для Италии невозможным принять в ней участие».

Средиземноморский театр военных действий во Второй мировой войне «заработал» лишь потому, что рейхсканцлеру показалось, что, привлекая к этой войне Италию, имеющую изрядный военно-морской флот (восемь линкоров, двадцать крейсеров, пятьдесят три эскадренных миноносца, более шестидесяти малых миноносцев и сто одиннадцать подводных лодок), ему удастся уравнивать шансы (заведомо безнадежные на море) в противостоянии с Великобританией. Правда, с точки зрения «сухопутного» германского офицера, *«вступление в войну Италии явилось для нас несчастьем»* (Ф. Меллентин), но это станет ясно чуть позже. Пока же военные перспективы «средиземноморского союзника» выглядели не слишком мрачно.

Потому что итальянский флот, пользуясь своим численным превосходством, был — чисто теоретически — вполне в состоянии нанести поражение врагу. Английская эскадра в Александрии насчитывала в июне 1940-го всего четыре линкора («Куин Элизабет», «Вэлиант», «Бархэм» и «Уорспайт»), авианосец «Арк Ройал», 9 крейсеров, 16 эскадренных миноносцев, 12 подводных лодок; кроме того, на Гибралтар базировались 9 эсминцев (8-я флотилия) во главе с легким крейсером «Галатейя». Да два английских линкора занимались прикрытием конвоев в Северной Атлантике и тоже могли (теоретически) сражаться с итальянскими кораблями.

А поскольку французский флот (для борьбы с которым, собственно, и строились итальянские корабли) выбыл из игры 22 июня — шанс победить англичан на море у итальянцев был достаточно реальным.

В крайнем случае, многочисленный итальянский флот мог создать нестерпимое для англичан давле-

ние на их главной операционной линии Гибралтар—Мальта—Александрия—Порт—Суэц и заставить Royal Navy выслать на помощь Средиземноморской эскадре какие-то корабли из Скапа-Флоу — все Редеру было бы веселей.

Увы, суровая действительность напрочь перечеркнула подобные розовые мечты Гитлера.

* * *

Англичане взялись за войну в Средиземноморье дружно, споро и деловито. Многочисленность итальянских кораблей их как-то особо не пугала — после капитуляции Франции для них гораздо важнее стало нейтрализовать флот французский, который из союзного вдруг стал непонятно каким. *А любая неопределенная угроза гораздо хуже угрозы определенной...*

Безусловно, с этической точки зрения расстрел англичанами еще недавно дружественного французского флота прямо в его базах никак высокоморальным и благородным поступком назвать нельзя. Адмирал Соммервил поступил бесчестно — но разве у английского командования флота были варианты? Французский флот — а это семь линкоров в строю, не считая безнадежно устаревшего «Парижа», между прочим! — мог попасть в руки врага, и тогда шансы на грядущую британскую победу становились бы весьма призрачными.

Поэтому английские морские лорды (и лично Черчилль) решили, что раз у них нет возможности завладеть всеми французскими кораблями (два совсем ветхих линкора англичанам все же удалось интернировать в Лондоне, какие-то корабли — в Портсмуте, Плимуте и в Александрии) — то нужно всеми возможными средствами *обезвредить* корабли, оставшиеся вне британского контроля. То есть в случае необходимости попросту их потопить...

Линейный корабль «Ришелье»

В то время в Мерс-эль-Кебире и в бухте Орана на побережье Северной Африки находились ценнейшие корабли французского флота, в том числе линкоры «Бретань» и «Прованс», а также два современных линейных корабля «Дюнкерк» и «Страсбур». На Северную Африку базировались также новейшие (правда, недостроенные) линкоры «Ришелье» и «Жан Бар», бежавшие от немецкого нашествия прямо от достроенных стенок. Вот их-то англичане в начале июля и решили, как бы это помягче выразиться, лишить возможности принести вред Англии.

* * *

3 июля англичане начали операцию «Катапульта». Нельзя сказать, что они сделали это внезапно — все же какие-то приличия были соблюдены. Адмирал Соммервил предъявил французам ультиматум, в котором предлагал им или объединиться с английским флотом, или затопить свои корабли, или, наконец, немедленно увести их к островку Мартинике, вблизи северного побережья Южной Америки, где они и будут интернированы. Конечно, британцы знали, что любое из этих трех условий есть грубое нарушение франко-

немецкого перемирия и для французов неприемлемо, но кто теперь французов, после позора Компьенского леса, о чем-либо спрашивал? *Vae viktis!*

«Французы отклонили все три предложения, из которых даже третье, как явное нарушение договора о перемирии, должно было вызвать тяжелые последствия. Еще до того, как англичане получили ответ, они, чтобы воспрепятствовать уходу французских кораблей, заминировали выход из гавани, а после отказа французов выполнить условия ультиматума открыли огонь по своим прежним союзникам. «Бретань» затонула почти со всей командой. Однотипный с ней корабль «Прованс» был превращен в плавающую грудку исковерканного металла. «Дюнкерк» получил тяжелые повреждения и выбросился на мель. «Страсбург» удалось покинуть порт и в сопровождении трех эскадренных миноносцев достигнуть Тулона. 5 июля английские самолеты вновь атаковали корабли в Мерс-эль-Кебуре и нанесли им наряду с тяжелыми повреждениями большие потери в людях. В общей сложности французский флот потерял убитыми 1400 человек».

В общем, англичане «предательским ударом в спину» вывели из войны французский флот; после 5 июля единственной реальной угрозой для британского судоходства становились итальянские корабли.

* * *

Увы, итальянский флот (несмотря на свое численное превосходство над противником) сражаться с англичанами в открытом море как-то не особо горел желанием. Не верили итальянские адмиралы в способность своих команд на равных сражаться с врагом — посему считали за благо от открытого боя с английским флотом уклоняться.

Но долго это делать им не довелось — вернее, не позволили британцы; 9 июля английская Александрийская эскадра провела до Мальты два конвоя и вошла в соприкосновение со значительно более крупными итальянскими морскими силами, поддержанными многочисленной авиацией.

Бой был крайне коротким. Вернее, его вообще не было — как только с дистанции в 140 кабельтовых «Уорспайт» зарядил тысячекилограммовую 381-мм болванку в «Кавур» — итальянцы немедленно прекратили сражение, хотя они находились в более выгодном положении благодаря близости своих баз. Атаки итальянских самолетов успеха не имели.

«При более мелких столкновениях итальянские корабли также всегда стремились как можно скорее прервать бой. Они довольствовались тем, что при помощи воздушной разведки устанавливали отсутствие противника и использовали такую благоприятную возможность для проводки транспортов в Ливию. Это было для них довольно легко сделать, тем более что Мальта тогда еще очень слабо оборонялась англичанами и ввиду итальянского превосходства в воздухе не могла использоваться как опорный пункт флота на Средиземном море».

* * *

Теоретически соотношение сил сторон на театре было за итальянцами. Опираясь на свое численное превосходство, они априори обладали (вернее, должны были бы обладать) инициативой в ведении боевых действий, могли себе позволить выбирать способ действий «на земле, в небесах и на море».

К сожалению, на море они (неожиданно как для своих союзников, так, в общем-то, и для врагов) выбрали тактику уклонения от боевого соприкосновения с врагом.

Принято (в исторической литературе) почему-то иронически относиться к такому поведению итальянских флотоводцев — но здесь есть один момент, который их хоть как-то, но оправдывает.

Техника итальянская ни к черту не годилась. Из восьми линкоров два-три постоянно находились в ремонте, и с неприятно частой периодичностью повергал в ужас командиров кораблей внезапный отказ, например, турбины крейсера в самый разгар преследования английского транспорта. Итальянские корабли, вступившие в войну, были крайне ненадежны и технически несовершенны.

Да что там говорить о Второй мировой войне! Даже сегодня итальянское энергетическое оборудование для паровых турбин годится лишь на металлолом!

Автор ни в коем случае не преувеличивает. На Березовской ГРЭС, энергетическом «сердце» Западной Белоруссии, в настоящий момент проходит реконструкция. Используется разная арматура для турбин и котлов (набор механизмов, характерный для любого военного корабля сороковых годов) — немецкая, чешская, российская, итальянская.

Так вот — итальянские заслонки для высокотемпературного пара фирмы «Беллона» белорусские мастера ни в коем случае не ставят на важные паропроводы. Их заваривают наглухо и ставят на вспомогательное оборудование — потому что НИ ОДНА ЗАСЛОНКА ДОЛГО НЕ РАБОТАЕТ! В отличие от немецких или чешских, даже от российских.

Со времен Второй мировой прошло уже, между прочим, шестьдесят лет. Но итальянцы так и не научились делать надежное оборудование для паровых котлов и турбин!

Так что не в трусости итальянских моряков было дело — итальянские корабли с их малонадежными двигательными установками не вызывали доверия ни у своих капитанов, ни у команды.

А отказ двигателя во время боя — есть безусловная гибель корабля и экипажа!

Неверие итальянских моряков в свою матчасть и породило, в общем-то, их своеобразную тактику ведения войны на море.

* * *

Впрочем, и в сухопутной войне итальянцы начали действовать весьма оригинально и непредсказуемо.

Первое, что они сделали, когда начался довольно вялый вооруженный конфликт с англичанами в Северной Африке («войной» это действие назвать ну просто язык не поворачивается), 30 июня огнем своей зенитной артиллерии прямо над Тобруком сбили собственного главнокомандующего, военного губернатора Ливии маршала Бальбо.

Это был неожиданный ход, причем как для Муссолини, так и для Черчилля. Так войну в обозримой истории еще никто не начинал!

Впрочем, сбив своего маршала, итальянцы все равно «остались в большинстве» — на Африканском континенте они имели значительное превосходство над англичанами в численности сухопутных сил.

В Ливии у них было восемь дивизий (четыре — регулярной армии, две — фашистской милиции и две туземные) и изрядное количество отдельных бригад, полков, батальонов и дивизионов; всего — четверть миллиона штыков. В Итальянской Восточной Африке (Эритрея, Сомали и Абиссиния) под командованием герцога Аоста имелось 350 000 солдат и офицеров (правда, собственно итальянцев там было негусто, под итальянским королевским триколором сражались все больше автохтоны).

У британцев же на всем пространстве от Палестины до Кении под ружьем было вшестеро меньше народу — из ста тысяч солдат и офицеров Великобритании

36 тысяч находились в Египте и 27 тысяч — в Палестине. К тому же силы, стоящие в Палестине, были скованы оккупационной службой, потому что еще не смолкли отзвуки арабских восстаний 1939 года. Для использования в Восточной Африке имелось 9 тыс. человек в Судане, 5500 — в Кении, 1470 — Британском Сомали и 2500 — в Адене. Правда, техническое оснащение и снабжение амуницией и боеприпасами у англичан было неизмеримо выше, чем у итальянцев, так что численное превосходство последних не было решающим фактором в этой войне.

Главная проблема итальянцев была в том, что их войска были разьединены. Ливийские дивизии могли снабжаться из метрополии и как-то координировать свои действия с замыслами верховного командования — войска в Эритрее и Абиссинии были этого лишены; более того, в условиях британского господства на море они очень быстро были бы приведены к печальному знаменателю — снабжаться на месте даже продовольствием (не говоря уж о боеприпасах и снаряжении) они были не в состоянии.

Следовательно, итальянские войска в Киренаике обязаны были начать наступление на Египет и создать хоть какую-нибудь коммуникационную линию со своими товарищами далеко на юго-востоке.

* * *

Типпельскирх утверждает, что *«Гитлер считал итальянские вооруженные силы достаточно сильными и способными добиться успеха на театрах военных действий, намеченных для Италии»*. Довольно странный вывод, если учесть, что, по его же словам, *«еще до войны, весной 1939 г., германский генеральный штаб составил обстоятельный документ о «пределах возможностей итальянской империи в войне», в которой в неприкрашенном виде были из-*

ложены слабости итальянцев. Гитлер, которому был представлен этот документ, приказал немедленно изъять его из всех штабов, считая недопустимым подрывать доверие к партнеру по оси и будущему военному союзнику».

Позволю себе предположить, что Гитлер принял решение считать итальянцев достаточно сильными для выполнения поставленных перед ними задач — так будет правильнее. Потому что ничего иного ему и не оставалось!

Но, вне зависимости от надежд Гитлера, итальянская армия была безнадежно слаба технически и катастрофически не готова к войне организационно. Впрочем, этими же слабостями обладали и авиация, и флот — правда, в чуть меньшей степени.

«Вооружение и оснащение итальянских вооруженных сил в 1940 г. было совершенно недостаточным и во многих отношениях устаревшим. Из 59 дивизий двухполкового состава, имевшихся на самом полуострове, а также в Сардинии и Сицилии, по итальянским данным, из-за отсутствия вооружения и оснащения только двадцать дивизий были доведены до 70 % штатного состава военного времени, а двадцать других — до 50 %. Для полной отмобилизации не хватало всего, армия не могла даже обуть всех резервистов. Хотя еще война в Абиссинии показала все огромное значение военных запасов, они не были созданы в достаточных размерах, так как формирования, действовавшие в Испании с 1936 по 1939 г., были оснащены и снабжались целиком за счет армии.

Танковые части состояли в основном из трехтонных усовершенствованных английских танкеток Карден-Лойд периода Первой мировой войны; эта машина была вооружена двумя пулеметами и имела лишь противопоульное бронирование. Итальянцы располагали всего сотней 11-тонных танков с броней, защищавшей от поражения 20-мм снарядами. Точно

так же не хватало противотанкового и зенитного оружия, моторизация находилась еще в зачаточной стадии.

Техническое оснащение итальянской армии тормозилось слишком незначительной мощностью военной промышленности и нехваткой средств. Моторизованных или танковых дивизий, которые могли бы выдержать сравнение с соответствующими немецкими соединениями, не было.

Три дивизии имели организацию, позволявшую перебрасывать их на автомашинах, однако своими автотранспортными средствами не располагали. Две дивизии были полностью моторизованы, три дивизии можно было с указанной выше оговоркой назвать танковыми.

Основная масса молодых офицеров состояла из поверхностно обученных офицеров запаса, дополнявших слишком незначительное количество кадровых офицеров. Одновременно с этим они в какой-то мере заменяли собой и унтер-офицеров, поскольку унтер-офицерский корпус был крайне немногочисленным и к тому же использовался исключительно для выполнения внутренних административно-хозяйственных функций. Количество пехоты в пехотной дивизии, имевшей только два полка, было доведено до нормы благодаря включению в состав дивизий частей фашистской милиции. Боевая подготовка этих частей и их командный состав были значительно хуже, чем в армейских частях. В общем, в отношении командования, вооружения и боевой подготовки итальянская армия уступала всем своим противникам.

Хотя военно-воздушные силы и насчитывали 3700 самолетов, но большинство из них представляло собой устаревшие типы. Итальянские летчики имели довольно высокий боевой дух и были готовы к боевым действиям. Но характерным для авиации еще со вре-

мен Бальбо было стремление к импонирующим спортивным рекордам и недостаточно хорошая боевая подготовка».

* * *

Война на средиземноморском театре военных действий обязана была пройти в форме «блицкрига» — лишь в этом случае у итальянцев были хоть какие-то шансы на победу. Если бы их флот смог осуществить блокаду Александрии, а сухопутные войска во взаимодействии с ним — захватить Мальту, отбросить англичан к Суэцкому каналу и установить коммуникационную линию с итальянским анклавом в Восточной Африке — можно было бы говорить о том, что «для Италии сложилась выгодная стратегическая обстановка».

О победе над Британией речи, конечно, еще бы не шло, но позиции англичан на Среднем Востоке были бы в значительной степени подорваны. Под угрозой оказались бы иракские (а там, глядишь, и иранские) нефтяные скважины! Если же учитывать, что Сирия и Ливан находились под французским управлением и, следовательно, сохраняли дружественный нейтралитет к странам Оси — то у Германии и Италии на этом театре были очень неслабые шансы на победу.

Увы, жизнь очень быстро разрушила теоретические построения фюрера.

Во-первых, итальянцы не смогли быстро организовать и провести наступление на слабые английские позиции в Западном Египте. 8 сентября итальянские части перешли границу Ливии и Египта, имея порядка 230 танкеток L3 и 70 средних танков M11/39. Продвижение на восток от ливийской границы войск маршала Грациани (сменившего так нелепо погибшего маршала Бальбо) началось лишь 13 сентября. *«В наступление перешли шесть пехотных дивизий*

Средний танк FIAT M11/39

и восемь танковых батальонов с целью отбросить слабую английскую пограничную охрану, состоящую из трех батальонов, трех батарей, одного танкового батальона и двух эскадронов броневых автомобилей. По английским описаниям, это наступление итальянцев походило скорее на прохождение войск на параде, чем на боевые действия. Был занят Эс-Салум, и англичане организованно отошли; итальянцы достигли Сиди-Баррани, но затем, к большому удивлению своих противников, прекратили наступление».

Итальянское наступление заглохло само собой, не достигнув ни одной из целей, ради которых начиналось.

Во-вторых, англичане, воспользовавшись медлительностью маршала Грациани, оперативно усилили свою группировку в Северной Африке — в конце августа они (при поддержке гибралтарской эскадры) привели в Александрию второй большой авианосец «Илластриес», один линкор и два крейсера ПВО. Этой смелой и успешно проведенной операцией английское командование существенно усилило активную и пассивную оборону Александрии с моря.

Средний танк «Матильда»

Кроме поддержки кораблями, армия в Египте получила помощь и сухопутными вооружениями. Меньше чем за месяц с момента начала боевых действий они получили в виде «бронетанковой техники россыпью» 152 танка, в том числе 50 неуязвимых для итальянских противотанковых орудий пехотных танков «Матильда II», пушки и зенитки «Бофорс», пулеметы и боеприпасы.

Да и, кроме «железа», британские сухопутные войска в Египте в сентябре получают первые крупные подкрепления личным составом — одну танковую дивизию из Англии и одну пехотную дивизию из Индии, — чем изрядно ухудшают баланс сил на театре для итальянцев. Кстати, заметьте — сентябрь 1940-го, идет «битва за Англию», Черчилль пугает соотечественников ужасами немецкого вторжения на Острова, тем не менее, 275 «матильд» с экипажами уплывают в Египет. Надобности в танках, стало быть, англичане у себя дома все же не испытывали — значит, так они верили в возможность немецкого десанта...

Еще до того, как Грациани в сентябре начал свое непродолжительное наступление в Северной Африке, итальянские войска в Восточной Африке добились некоторые успехов — которые, однако, имели бы значение только в рамках общего решительного ведения войны против Англии.

Усилия войск герцога Аоста были направлены на расположенное у входа в Красное море Британское Сомали, которое после завоевания Абиссинии было со всех сторон окружено итальянской территорией. Гарнизон этой колонии, насчитывающий 1500 человек без тяжелой артиллерии и танков, естественно, не мог воспрепятствовать захвату ее итальянцами. Когда последние 7 августа начали наступление с запада, англичане отступили и держались лишь до тех пор, пока из страны не были вывезены морским путем все важные запасы. 20 августа итальянцы оккупировали столицу Британского Сомали Берберу, одновременно являющуюся важнейшим портом колонии.

Затем, не встречая сильного сопротивления, они улучшили конфигурацию западной границы Итальянского Сомали, отрезав вдававшийся в его территорию выступ британской колонии Кения.

В Судане, в котором господствовали англичане и который на востоке граничил с Эритреей и Абиссинией, итальянцы в начале июля захватили два пограничных населенных пункта.

Все эти действия имели бы какой-то смысл лишь в рамках общего стратегического наступления итальянцев на всем театре военных действий. Проведенные же в отрыве от действий войск в Киренаике — своим итогом имели лишь истощение и так скудных запасов итальянских арсеналов в Эритрее. И вскоре (когда англичане перейдут в наступление из Кении) успехи августа и начала сентября обратятся в свою противоположность.

Африканский «блицкриг» Муссолини не удался в принципе. Вернее, никто из его военных руководителей и не рассчитывал на успех в боевых действиях против англичан. Посему в начале октября 1940-го итальянский дуче принял решение учинить войну с противником, который был бы заведомо слабее его армии.

И почему-то решил, что на должность такого противника идеально подходили греки. Вернее, сначала это были югославы (против них итальянцы — единственный раз за всю войну — даже развернули заблаговременно три армии, 37 дивизий, и довели цели и задачи предстоящей войны до командиров всех степеней) — но потом Муссолини передумал. Югославия все же больше Греции — поэтому пусть врагом будет государство поменьше.

Это было худшее решение из всех возможных — Греция 13 апреля 1939 года получила военные гарантии от Великобритании и могла рассчитывать на помощь англичан в этом конфликте. То есть теоретически британцы могли бы создать сухопутный фронт с государствами Оси в Европе! Плюс к этому — с аэродромов Салоник английские бомбардировщики могли легко достигать нефтяных полей Плоешти и в течение нескольких дней свести добычу на единственных доступных для Германии месторождениях до нуля. Со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями.

Несмотря на возможность столь грозных последствий такого решения, 28 октября 1940 года Муссолини начинает войну с Грецией.

Принято считать, что война Германии на Балканах и в Северной Африке — следствие страшной агрессивности нацистского режима.

Откровенно говоря, ее, этой самой агрессивности, автор что-то никак не может обнаружить. Посудите сами.

Что есть вторжение германских войск в Югославию? Обеспечение действий немецких дивизий против Греции — военным путем; планировалось сделать это политически, но военный переворот в Югославии и последовавшее за ним заключение союзного договора между этим балканским королевством и СССР сделал подобное невозможным.

Зачем немецким дивизиям воевать в Греции? Затем, что Греция ведет войну с немецким союзником — Италией и в этой войне одерживает верх. По большому счету, конечно, черт с ней, с Италией, — но, пользуясь положениями военного союза, заключенного 13 апреля 1939 года, в Грецию перебрасываются английские авиационные части. Действия которых против нефтяных месторождений Плоешти для Германии — безусловно смертельны!

Проклятый клубок балканских проблем, как всегда, использовала в своих интересах Великобритания.

А Северная Африка? Роммель прибыл туда отнюдь не потому, что Гитлер замыслил внедрить национал-социализм среди берберов и арабов, установить, так сказать, в песках пустыни алое знамя труда. Ничуть не бывало! Гитлер, как подлинный союзник, пришел на помощь гибнущим итальянским войскам — поскольку был человеком ответственным; раз сам вовлек Италию в эту войну — значит, и обязан был помогать ей всеми силами в случае, если военное счастье будет не на ее стороне.

Война Германии на Балканах и в Северной Африке была для нее исключительно вынужденной необходимостью — к тому же пожиравшей и так небольшие ресурсы Третьего рейха. И, с другой стороны, война на Балканах и в Северной Африке была исключительно на пользу Великобритании — она семимильными шагами

вела Италию к военной катастрофе, изматывала силы немцев, сокращала их запасы сырья и топлива, а самое главное — неуклонно понижала военный авторитет стран Оси в глазах всего остального человечества!

* * *

Муссолини втянул Гитлера в свою африканскую авантюру, в которой все преференции были на стороне врага. У Германии была мощная, многочисленная, великолепно обученная и прекрасно оснащенная сухопутная армия — ее мощь в грядущих битвах в Средиземноморье была избыточной; ее просто негде было бы использовать! С другой стороны, прочих ресурсов, которые нужны для войны на этом сложном театре, значительно больше, чем танковые корпуса, — боевых кораблей, транспортных судов, самолетов, военных баз, подвижного состава железных дорог (как, кстати, и самих железных дорог), у Германии на этом театре было катастрофически мало. И самое главное — англичане могли надежно опираться на дебет скважин Персидского залива, прекрасно защищенных от любого вражеского воздействия своей отдаленностью от любых фронтов. Тогда как немцы не только должны были заливать драгоценную румынскую нефть в топливные цистерны прожорливых итальянских крейсеров и линкоров — сама добыча этой «крови войны» была под постоянной угрозой английских налетов!

Война в Средиземноморье — роковая ошибка стран Оси, за которую они в ближайшем будущем вынуждены будут заплатить очень высокую цену.

* * *

А пока высокую цену за ошибку своего дуче заплатила итальянская армия — причем по греческим счетам, которые Муссолини решил изначально вообще не принимать к оплате!

Война с Грецией была спланирована итальянским Генштабом очень приблизительно: в Риме считали, что достаточно будет немного пострелять в воздух и раздать несколько миллионов лир в качестве взяток греческим политикам и генералам — и победа в кармане.

Две итальянские дивизии должны были вести демонстративное наступление на восток, в направлении на Салоники до Флорины, чтобы сковать греческие силы и повлечь за собой вступление Болгарии в войну. Остальные пять дивизий, усиленные албанскими частями и партизанами, получили задачу наступать на юг, чтобы «освободить от иностранного господства» албанское население в Северном Эпире, а затем оккупировать весь Эпир. После этого еще три дивизии должны были высадиться в Амвракийском заливе и начать наступление на Афины. То есть итальянцы решили предпринять классически ошибочное наступление по расходящимся направлениям — что оперативным искусством всех предшествующих войн категорически возбраняется! Последний раз подобным образом наступали большевики на Варшаву и Львов — известно, чем кончившие.

Наступление обеих итальянских дивизий на Флорину через несколько дней было остановлено, причем итальянским войскам не удалось достигнуть никаких существенных успехов. Не прошла и недели, как итальянцы вынуждены были отойти обратно за свою границу под натиском превосходящих сил противника. Положение итальянских войск стало вскоре критическим, потому что греки, расширяя фронт наступления, 21 ноября ворвались на албанскую территорию. Чтобы избежать окружения, итальянцы вынуждены были отступить еще дальше на северо-восток.

Пять дивизий, начавших наступление с южной границы Албании с задачей захватить Эпир, встретили лишь слабые заслоны пограничной охраны, ко-

торые быстро отступили. Однако вскоре после перехода границы наступавшие вместе с итальянцами албанские части и партизаны отказались воевать. Они устраивали мятежи, диверсии или переходили к грекам, так что остатки их пришлось отвести за границу и разоружить.

В долине реки Вийоса, перед Яниной и на реке Каламас сопротивление греков усилилось. Вскоре под натиском греческих войск, перешедших в наступление, итальянцы и на этом участке фронта вынуждены были отойти на исходные позиции.

В общем, можно констатировать, что итальянская кампания в Греции закончилась через четыре недели после начала войны полным провалом. Греки ворвались в Албанию и грозили отрезать итальянские дивизии в горах от спасительных портов Адриатики, через которые те снабжались всем необходимым.

Нельзя сказать, что итальянцы были скверно оснащены и поэтому проиграли — у греков вооружение было еще архаичней. Итальянцы не смогли использовать свою технику из-за того, что были не в состоянии просто перебросить вооружение на театр военных действий.

В итальянских портах скапливалась артиллерия, топливо, терриконы продовольствия и завалы боеприпасов, машины, танки (ну, или те смешные железные банки на гусеницах, которые итальянцы называли «танками» из пропагандистских соображений), лошади и мулы, в то время как в Албании высаживались преимущественно пехотные части без всякого транспорта для подвоза, с небольшим количеством легкой артиллерии и других боевых средств. Необходимость заставляла спешно направлять их прямо на фронт для заполнения брешей, что вызывало смешение частей и соединений и приводило к страшной путанице.

Поэтому разгром итальянских войск в Албании стал закономерным результатом всего этого бардака.

Но позорного поражения в албанских горах итальянцам было мало.

В разгар трагических для сынов Апеннин боев у Янины англичане изрядно вздули итальянский флот — причем, по уже укоренившейся у них привычке, прямо в базе.

Линкоры для обстрела Таранто адмирал Каннингхэм решил не привлекать — как ни низко ценил он итальянский флот, все же рисковать получить полутонную дуру в борт одного из своих немногочисленных линейных кораблей он не хотел. С задачей атаковать итальянские линкоры в базе должны были справиться торпедоносцы «суордфиш», полотняные бипланы, привет из Первой мировой.

Кому-то покажется это невероятным, но двадцать тихоходных аэропланов, стартовав в 20 часов 40 минут 11 ноября 1940 года с авианосца «Илластриес», нанесли стоящему в Таранто итальянскому флоту из шести линкоров и трех тяжелых крейсеров чудовищное поражение!

Прошу читателя оценить эффективность огня итальянской зенитной артиллерии. На кораблях и батареях базы было никак не менее ста двадцати стволов зенитных пушек. Скорость «суордфиша» на боевом курсе — 210 км/час. Чуть медленнее, чем скорость полотняного конуса на привязи истребителя, использующегося для тренировок зенитчиков в мирное время.

Так вот. Доблестные итальянские зенитчики умудрились сбить целых ДВА английских торпедоносца!

Из шести итальянских линейных кораблей три («Литторио», «Кайо Дуилио», «Кавур») были так тяжело повреждены, что один получил сильный крен, другой, имея дифферент на корму, затонул, третий наскочил на мель. Два крейсера также получили серьезные повреждения. Разгром почище Мерс-эль-Кебира!

Торпедоносец «Сурордфиш»

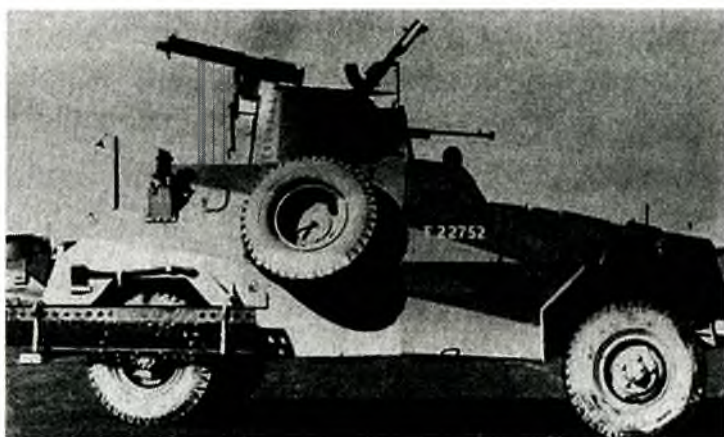
Теперь англичане могли с уверенностью предполагать, что итальянский флот после этих тяжелых потерь будет еще более осторожным, чем прежде. Конвои, которые в последующие месяцы спокойно проходили из Гибралтара через Средиземное море, подтвердили правильность этого предположения. Итальянцы так и не смогли оправиться после тяжелого удара, полученного 11 ноября.

И на этого доблестного союзника, обладавшего столь грозным военно-морским флотом и непобедимой сухопутной армией, и должны были рассчитывать немцы на средиземноморском театре военных действий!

* * *

А дальше было еще хуже.

После своего сентябрьского «наступления» шесть дивизий Грациани, захватив первые километры еги-

Бронеавтомобиль Marmont Herrington

петской территории, остановились, разбили лагерь и зажили мирной жизнью. Итальянские войска расположились широкой дугой, выгибавшейся на юго-восток; один конец дуги упирался в море близ Сиди-Баррани, другой находился в 70 километрах от побережья. Итальянцы не оборудовали ни одной позиции, опорных пунктов они тоже не строили. Войска располагались в нескольких больших палаточных лагерях, очень удаленных друг от друга и потому не имевших между собой никакой тактической связи (не говоря — огневой).

Англичане узнали о таком весьма неудачном с точки зрения обороны расположении итальянских войск и решили подвижными войсками (у них было 2 танковые дивизии и несколько эскадронов бронеавтомобилей) внезапно прорваться между Нибейвой и Бир-Софафи (крайним правофланговым лагерем итальянцев) и затем, обеспечив свой фланг от контратак со стороны Бир-Софафи, повернуть на север и нанести удар с тыла по итальянским войскам, расположенным севернее участка прорыва.

Средний танк Cruiser Mk III

Тем более — к началу декабря британцы достигли перевеса в бронетехнике, в 7-й бронетанковой дивизии имелось 495 бронированных единиц. Среди них: 195 легких танков Vickers Mk VI, 114 средних танков Vickers Medium и Cruiser Mk I, 114 крейсерских танков Cruiser Mk III, IV и Cruseder Mk I, 64 пехотных танка Matilda II, 74 броневедомоля различных типов (Marmon Herrington, Daimler, Humber и Morris).

Итальянская танковая бригада в районе Сиди-Баррани имела 275 танков, в том числе 220 L3 (пулеметные танкетки, чья боевая ценность стремительно приближалась к нулю) и 55 M11/39 (с 47-мм орудием, расположенным почему-то в лобовом листе корпуса, спаренные же 8-мм пулеметы монтировались в башне; это более чем странное конструктивное решение превращало неплохой, в общем-то, танк в некое подобие штурмового орудия — что значительно ухудшало его возможности в бою). В тылу, в Ливии, имелось небольшое количество новых средних танков M13/40 (в целом вполне приличная машина, но дизельный дви-

гатель которой, увы, был крайне скверно приспособлен к условиям Северо-Африканского ТВД).

Таким образом, дерзкий, но обещавший максимальный успех план был обеспечен материально, но, однако, технически был трудно осуществимым. Английские позиции находились в глубине египетской территории, почти в 100 км от итальянских лагерей. Поэтому англичане должны были двумя ночными переходами перебросить силы, предназначенные для прорыва, на исходные позиции. Днем эти войска отдыхали в пустыне, лишенной всяких укрытий, и если бы их обнаружила воздушная разведка противника, то тактическая внезапность была бы потеряна.

Англичане выделили для наступления 7-ю танковую дивизию (292 новых танка, из которых 64 неуязвимых для итальянской артиллерии «матильд», семь с лишним десятков броневиков, используемых в целях разведки и охранения, и 195 единиц устаревшего хлама типа «Виккерс МК VI», по инерции продолжавшего учитываться в графе «бронеединицы») и 4-ю индийскую пехотную дивизию, усиленный моторизованный полк и полк пехотных танков.

Соединения, предназначенные для прорыва в районе между Нибейвой и Бир-Софафи — 7-я танковая дивизия и индийская дивизия, — совершили свой первый марш-бросок в 46 километров в ночь с 7 на 8 декабря. Днем 8 декабря они отдохнули, оставшись незамеченными, и на следующую ночь достигли исходных позиций для наступления. Утром 9 декабря английские войска начали прорыв. Одновременно по левому флангу итальянцев удары с моря нанесли английские корабли.

* * *

Уже 9 декабря принесло полный успех англичанам, действовавшим против совершенно ошеломленных итальянцев, 7-я танковая дивизия, завершив прорыв,

Итальянские военнопленные, 5 февраля 1941 г. Бардия

выделила часть сил для обеспечения фланга со стороны Бир-Софафи и в 7 часов утра атаковала лагерь Нибейва, в котором находилось 3 тыс. итальянцев. Немного постреляв, итальянцы сдались в плен. Для отражения наступления итальянцы использовали смешанный танковый батальон в составе двух рот L3 и одной роты M11/39. Именно этим машинам пришлось противостоять британским пехотным танкам, гораздо лучше вооруженным и защищенным. Результат столкновения был сокрушительным для «макаронников». Итальянские снаряды только «царапали» броню британских «Матильд», итальянские же танки ими легко уничтожались. В двух боях танковый батальон был полностью уничтожен, а командир итальянской танковой бригады генерал Малетти убит.

Далее англичане в 13 час. 30 мин. появились перед лагерем в Западном Туммаре и взяли его штурмом. Следующая очередь была за лагерем в Восточном Туммаре, который к исходу дня практически пал.

Пока британские танки громили итальянские лагерь, в прорыв была введена индийская дивизия. Она

вышла в тыл итальянских лагерей и достигла на севере прибрежного шоссе между Сиди-Баррани и Тобруком.

10 декабря осуществлялось уничтожение отчасти окруженных, отчасти отрезанных от своих путей отхода итальянских войск. Сиди-Баррани был атакован с востока и запада и вечером взят. Части танковой дивизии повернули на юг, чтобы воспрепятствовать отходу итальянцев, находившихся в лагере Бир-Софафи, другие части преследовали те итальянские войска, которым в общем замешательстве удалось уйти из окружения.

Основные силы четырех итальянских дивизий были уничтожены. Свыше 38 тыс. пленных, 400 орудий и около 50 танков попали в руки победителей, которые со своей стороны потеряли только 133 человека убитыми, 387 ранеными и 8 пропавшими без вести.

К исходу 11 декабря передовые дозоры англичан подошли к Бардии и Тобруку. Итальянская группировка в пустыне перестала существовать.

ВСЕГО ЗА ТРИ ДНЯ!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вермахт идет на юго-восток. Ненадолго...

Еще недавно, в июле 1940-го, для Германии все было хорошо и даже замечательно. Европа была покорена, Испания соглашалась вступить в войну на стороне Оси, балканские государства наперебой заверяли руководителей рейха в своей лояльности, Советы осторожно поглядывали, не вступить ли и им в число победителей — и вдруг все разом рухнуло! Декабрь вообще — скверный месяц, а уж декабрь сорокового был для Германии архискверным.

Итальянцы проиграли везде, где только смогли проиграть. Там, где теоретически этого сделать не могли, — проиграли тоже. И продолжали проигрывать все время, пока германский Генштаб спешно разрабатывал планы по их спасению.

Балканский «котел» вскипел. И теперь Германии надлежало либо крепко держать его крышку, либо убавить огонь. Но, поскольку дровами для этого огня распорядился Черчилль — большая война в этом европейском захолустье была неизбежна.

Все же, прежде чем воевать, надо было уладить проблемы политическим путем — там, где это было еще возможно.

Сначала немцам нужно было решить ключевой вопрос — бесперебойного обеспечения Германии румынской нефтью. Для чего необходимо было максимально привязать Румынию к колеснице Оси. Благо, настроения в этой стране были достаточно пронемецкими.

А отчего ж им не быть пронемецкими?

Румыния летом и ранней осенью 1940 года пережила невиданный политический кризис. Причиной которого, кстати, было участие Румынии в Первой мировой войне на стороне Антанты, то есть виновными в крахе румынской внешней политики население считало англичан и французов, после окончания Первой мировой войны объявивших Румынию «тоже победителем».

Тогда, в благословенные двадцатые годы, румыны были на коне. Их соседи опрометчиво поставили на Центральные державы — и просчитались; румыны немного постреляли за Антанту и урвали изрядный куш. К румынскому королевству решением стран-победительниц были присоединены Трансильвания и Добруджа; собственным тщанием румынам удалось отнять у Советов Бессарабию. Территория страны выросла чуть ли не вдвое!

Теперь пришла пора платить по векселям.

Во-первых, 26 июня вернуть украденное потребовал Советский Союз; и, кроме Бессарабии, под сурдинку затребовал еще и Северную Буковину. Румыния хотела избежать войны, которую она была совершенно не в состоянии вести — еще меньше, чем Финляндия 6 месяцев тому назад, — и ей не оставалось ничего другого, как только выполнить требования восточного соседа. На основании «мирного соглашения» части Красной Армии утром 28 июня перешли границы обеих провинций.

Целостность румынской территории была гарантирована в апреле 1939 года. Англией и Францией. Той весной англичане и французы щедро раздавали «гарантии» всем желающим — но когда Советский Союз в июне 1940 года захватил обе румынские провинции, Франция просто не могла, а Англия не захотела выполнять данные Румынии гарантии. То есть ставка румынского руководства на англо-французов лопнула как мыльный пузырь. На требования СССР вернуть Бессарабию Великобритания промолчала, как будто это ее и не касалось.

Капитан Корнелиу Когряну

Ах, так! — сказали венгры и болгары. Русским можно — а нам?

Румыния оказалась в крайне шатком положении — своими силами алчных соседей ей было не сдержать, прежние союзники по Антанте лишь виновато улыбались из-за моря. И 13 июля румыны осуществляют сильный внешнеполитический ход — выходят из состава Лиги Наций и доверяют свою защиту странам Оси.

Мудро. Но не совсем.

Сначала немцы попытались добиться полюбовного соглашения между Венгрией и Румынией. Глухой номер! Венгры ничего слышать не хотели — они требовали Трансильванию (где, кроме 1,5 млн венгров, жило еще около 3,5 млн румын и 500 тыс. немцев, между прочим). Грозя, в случае отказа, вторжением и войной. Вот именно междоусобной войны своих млад-

Румынский король Кароль II

ших партнеров Гитлеру в этой ситуации как раз очень не хватало!

Конец их спору был положен решением Венского арбитража 30 августа 1940 года, по которому Венгрия получила Северную Трансильванию. Южная (с преобладающим румынским населением) все же осталась за Румынией.

Второй немецкий потенциальный союзник, Болгария, тоже потребовала «справедливости» — и по договору с ней Румыния 15 сентября 1940 года отдала «друзьям» из-за Дуная южную часть Добруджи. Болгары грозили в противном случае и не подписать Тройственный пакт — немцам ничего не оставалось делать, как поддержать претензии царя Бориса.

В течение неполных трех месяцев Румыния уступила своим алчным соседям третью (!) часть своей территории и своего населения — вот что значит неправильно выбрать союзников!

Румынский король Кароль II в этой ситуации не проявил себя как мужчина и воин (впрочем, он никогда и не отличался особым благородством; более всего для характеристики этого венценосного деятеля подходит слово «шакал»), а отрекшись от престола, позорно и трусливо бежал из Румынии, прихватив с собой изрядно золотишка. Когда на его поезд в Трансильвании напали железногвардейцы Хории Симы (дабы отомстить за смерть своего «капитана», вели-

кого сына румынского народа Иона Кодряну, незаконно казненного по приказу Кароля), лишь чудо и мастерство машинистов его локомотива уберегли экс-короля от заслуженного им конца. В благодарность за спасение своей персоны и своих миллионов бывший румынский монарх милостиво выдал спасшей его поезда бригаде по два (ДВА) доллара наличными — что лучше всего характеризует этого человека.

Правительство Румынии после столь скандальных разделов и нарастающего внутривосточного кризиса взяло на себя ответственность за свои провалы и ушло в отставку; королем стал сын Кароля II, Михай, молодой шалопай; хотя и не де-юре, но де-факто регентом при нем стал генерал Антонеску, опиравшийся на «железную гвардию», он же стал руководителем нового правительства.

Германия тотчас заключила с новым правительством соглашение, согласно которому немецкие войска были переброшены в Румынию для реорганизации румынской армии и охраны нефтяных районов. Ключевой вопрос снабжения рейха «кровью войны» был благополучно разрешен политическим путем.

* * *

Казалось, немцам подобным же образом (путем политических переговоров и взаимных уступок) удастся создать и в остальных балканских государствах прогерманские настроения. И избежать серьезного военного конфликта на Балканах — которые были гораздо нужнее Германии мирными.

Но так только казалось.

Изучая историю предвоенных месяцев грозного тридцать девятого, любопытствующий человек то тут, то там наталкивается на пресловутые «гарантии», которые Англия щедро раздавала европейским государствам последней мирной весной. Их получили и

Польша, и Румыния, и Греция. И многие историки, так до конца и не поняв суть этих самых «гарантий», смеются над ними (вслед за товарищем Молотовым). Мол, как могла, в самом деле, Англия силами своих нескольких дивизий обеспечить оборону стран, получивших эти «гарантии»?

А смеяться здесь не над чем.

«Гарантии» — ЭТО АНГЛИЙСКИЕ ЛОВУШКИ, щедро расставленные в Восточной и Южной Европе **на германского зверя**. С простым, даже элементарным расчетом — где-нибудь, но неуклюжий немецкий Михель все же обязательно вяпается в искусно сплетенную сеть.

И Михель вяпался!

Сначала это произошло в Польше — и юридический факт наличия английских гарантий Польше позволил британцам с чистой совестью объявить Третьему рейху войну; правда, та ловушка сработала недостаточно четко — Гитлер выскользнул из Большой Сухопутной войны во многом благодаря Сталину. Поэтому основной своей цели англичане тогда не добились.

Ничего, успокоили себя хитроумные британцы. Второй раз не выскользнет.

Заметьте — английские гарантии неприкосновенности территории и границ имела и Румыния. Но когда СССР, угрожая вторжением, потребовал от короля Кароля II удовлетворения своих территориальных претензий — англичане сделали вид, что их хата с краю.

Все правильно — румынская ловушка была поставлена не на «русского медведя», британские охотники рассчитывали на другого зверя.

На Германию.

Но немецкая дипломатия сумела избежать военного конфликта с Румынией — во многом благодаря осторожности (мы не говорим «трусости») румынско-

го правительства. Последнее решило не полагаться на «гарантии» далекого Острова, а благоразумно встать на сторону победителей.

И все же предвоенные потуги английской дипломатии дали-таки свой результат!

Последняя на европейском континенте греческая мышеловка сработала великолепно — во многом благодаря тому, что попалась в нее Италия, младший (хотя и не считавший себя таковым) партнер Германии.

Метаксас, премьер-министр Греции, полагаясь на английские «гарантии», решил сопротивляться итальянской агрессии. И к декабрю сорокового года вышвырнул незадачливых «завоевателей» из пределов Элады, мало того — сумел оттяпать у них изрядный кусок албанской территории.

Германия вынуждена была, как союзник и единомышленник, прийти на помощь терпящему поражение итальянскому воинству.

Англия могла торжествовать — **ловушка захлопнулась.**

* * *

20 ноября Гитлер обратился с большим письмом к своему партнеру в Риме. О подлинной сущности этого послания хорошо пишет Типпельскирх: *«Хотя он, как всегда, скрыл самую существенную часть своих планов, все же при всей высокопарности выражений в этом письме рисуется мрачная картина многочисленных неразрешенных и запутанных проблем, перед которыми стоял Гитлер.*

Он указал вначале на очень тяжелые психологические и военные последствия неудачи держав Оси в Греции. Болгария уже не склонна присоединяться к пакту трех держав. Очень трудно также прийти к соглашению с Россией и направить ее стремление расширяться на восток. Молотов во время своего ви-

зита в Берлин проявил большой интерес к Балканам. О влиянии на Югославию он, Гитлер, еще не имеет ясного представления. Но даже во Франции, несомненно, усиливаются позиции тех, кто призывает не становиться на сторону немцев и уверяет, что в этой войне последнее слово еще не сказано. Особенно важно, чтобы не было недружелюбного отношения со стороны таких государств, как Югославия и Турция, которое может привести к нежелательному расширению войны.

Гитлер понимал обстановку совершенно правильно: если миф о непобедимости германской Оси находился под угрозой, то престиж Англии намного возрос. Но это объяснялось не только итальянской авантюрой, а в не меньшей степени и тем, что воздушная битва над Англией не дала ожидаемых результатов и вторжение не было предпринято.

Затем Гитлер писал о военных последствиях конфликта с Грецией. С захватом ряда опорных пунктов Англия сможет приблизиться на 500 км к нефтяному району Плоешти, который до сих пор был недосягаемым для английских бомбардировщиков. Эффективной защиты от воздушных налетов не имеется; разрушение нефтеперерабатывающих заводов принесло бы непоправимый ущерб. Уничтожение британских авиационных баз по опыту воздушной войны исключалось — таким образом, сам Гитлер косвенно признавал неудачу воздушной битвы над Англией. Далее он писал, что Англия создала новые авиационные базы на островах близ порта Салоники и во Фракии и может теперь серьезно угрожать всему побережью Южной Италии.

Вывод Гитлера гласил: «Это положение с военной точки зрения является угрожающим, с экономической же точки зрения, поскольку дело касается нефтяных районов Румынии, прямо-таки тревожным».

Исходя из этой оценки обстановки, он делал вывод о необходимости ряда срочных политических и военных мероприятий. Из политических проблем он придавал теперь, после того как несколько месяцев было потеряно, наибольшее значение проблеме Испании: «Испанию необходимо немедленно склонить к вступлению в войну». Для этого Гитлер установил срок — шесть недель; дата выступления Испании — 10 января 1941 г. — была намечена еще в Ангае. Но для него был важен не только Гибралтар. По меньшей мере одну-две дивизии следовало перебросить в Испанское Марокко, «чтобы обеспечить защиту на случай возможного отпадения Французского Марокко или областей Северной Африки от Франции». В результате такого отпадения англо-французская авиация получила бы районы базирования для действий над всей Италией, что могло бы оказаться для последней роковым. Здесь ни в чем не следовало рассчитывать на случайность. Кроме того, если вход в Средиземное море будет у Гибралтара закрыт, английские корабли будут вынуждены следовать в обход Южной Африки, а это значительно облегчит обстановку в восточной части Средиземного моря.

В дальнейшем Гитлер хотел вытеснить Россию из района Балкан, достигнуть соглашения с Турцией, чтобы ослабить ее нажим на Болгарию, утратить каким-либо способом Югославию, так как без усмирения этой страны невозможна никакая операция на Балканах, получить от Венгрии согласие на пропуск через ее территорию крупных немецких соединений в Румынию.

В случае, если Англия попытается значительно усилить свои войска во Фракии, он, несмотря на весь риск такого предприятия, решительно выступит со всеми необходимыми силами. Но, к сожалению, до марта «всякое ведение боевых действий на Балканах является невозможным».

В военной области Гитлер в соответствии с политическими соображениями также ставил на первое место преграждение входа в Средиземное море, следовательно, вовлечение в войну Испании. Но он, по-видимому, был не очень уверен, что Испания сделает этот шаг. «Я хочу попытаться склонить Испанию к вступлению в войну» — в этих словах слышатся нотки сомнения. Гитлер все еще надеялся, что на суше, на ливийско-египетском театре военных действий, Италия может обойтись своими силами. Он питал надежду даже на то, что итальянцы смогут продвигнуться до Мерса-Матрух, чтобы «пикирующие бомбардировщики окончательно изгнали британский флот из Александрии, а бомбардировщики дальнего действия сильно заминировали Суэцкий канал, сделав его практически непригодным для сообщения».

Главная тяжесть борьбы в восточной части Средиземного моря ложилась на авиацию обеих держав. Посредством планомерного сосредоточения крупных сил она должна была вытеснить Англию из Средиземного моря. Вопрос о Средиземном море следовало разрешить еще этой зимой, потому что не позднее начала мая он, Гитлер, должен получить обратно свои войска. В письме не указывалось, по каким соображениям был намечен этот срок.

В начале марта в Румынии, говорилось далее, начнется сосредоточение немецких сил, достаточных для того, чтобы «при всех обстоятельствах обеспечить полный успех»; оно будет продолжаться до тех пор, пока и в Албании не будут сконцентрированы необходимые силы. Заканчивая изложение своей военной программы, Гитлер затронул вопрос о Египте. Он отметил, не обосновав подробно свою точку зрения, что этот вопрос пока может оставаться совершенно открытым, так как он после тщательного анализа пришел к выводу о невозможности вообще предпринять наступление на дельту Нила до осени следую-

щего года. Только он один знал, почему надо было к маю отозвать немецкие войска, почему нельзя было начинать наступление против Египта до будущей осени — он готовился к осуществлению «плана Барбароссы». Но со всем фанатизмом он хотел помочь в кратчайший срок преодолеть кризис и после кажущегося неуспеха добиться окончательного поражения противника».

* * *

18 декабря 1940 года Гитлер подписал директиву «Барбаросса», план молниеносной войны против СССР — Германия пошла ва-банк.

А ничего иного ей и не оставалось!

Англичанам (не без «помощи» Муссолини) удалось взбаламутить сонную тихую заводь Балкан — впрочем, сонной и тихой она была лишь внешне. И теперь, зимой сорокового года, перед Германией вполне реально предстал призрак Салоникского фронта. Который, в отличие от своего тезки времен Первой мировой, уже нес смертельную опасность для рейха.

Ибо от аэродромов греческой Фракии до нефтяных полей Плоешти было всего четыреста пятьдесят — пятьсот километров — радиус действия СРЕДНЕГО бомбардировщика...

И англичане, перебросив в Грецию свою ударную авиацию, могли быстро и легко лишить Германию элементарной возможности вести войну — попросту уничтожив все нефтедобывающие предприятия Румынии. Ибо ПВО района Плоешти в это время обеспечивалась лишь жидким огнем малочисленной и слабой румынской зенитной артиллерии и от силы полутора сотнями разномастных румынских истребителей — то есть противовоздушной обороны у нефтяного сердца Германии в то время НЕ БЫЛО НИКАКОЙ!

Немцы отлично понимали, что для вермахта разгромить греческую армию не составит никаких трудностей — при выполнении некоторых ключевых условий. Угрозу нефтяным полям Румынии требовалось незамедлительно свести к нулю — но для этого требовалось добиться вхождения Югославии в состав друзей и союзников Третьего рейха. Да и Болгария в декабре сорокового года — еще отнюдь не стопроцентный союзник Германии, от подписания Тройственного пакта царь Борис все еще под разными предложениями уклоняется.

Одним словом, чтобы добиться безопасности своих (вернее, румынских) источников нефти, Германия вынуждена будет втянуть в войну — не важно, на чьей стороне, — все балканские государства. Получив совершенно ненужный ей Юго-Восточный фронт — причем исход войны на этом фронте не имел равным счетом никакого значения. Разобьет вермахт армии Греции и Югославии за неделю-другую или затеет с ними изнурительную окопную войну — результат будет одинаковым: на Балканах придется постоянно держать немаленькие силы. Чтобы элементарно страховать Румынию от угрозы (и авиационной, и, в потенциале, сухопутной) с юга.

Посему крайняя необходимость получить дополнительные источники ресурсов и, самое главное, нефтяные скважины — для Германии стала более чем насущной. Вопрос ресурсов становился вопросом жизни и смерти нацистского государства.

* * *

Да и поведение Советов все больше и больше тревожило Гитлера.

У него было немало оснований с некоторым недоверием относиться к политике Советского Союза. Во время войны с Францией русские предприняли даль-

нейшие шаги для расширения сферы своей власти. В июне 1940 года, под предлогом заключения Прибалтийскими государствами тайных военных соглашений с Германией, которые могли быть направлены только против Советского Союза, русские ультимативно потребовали от Литвы, Латвии и Эстонии создания новых правительств, которые сумели бы честно выполнить условия пактов о взаимопомощи, заключенных с Советским Союзом.

Кроме того, СССР потребовал предоставления себе в Литве, Латвии и Эстонии новых стратегически важных опорных пунктов. В июле 1940-го новые народно-трудовые правительства этих республик решили подать заявления о принятии их стран в качестве советских республик в состав СССР. Схема была уже обкатанной — подобным же образом в состав СССР осенью тридцать девятого самокооптировались Западная Белоруссия и Западная Украина — а исполнителей на местах хватало везде.

Молотов в своей большой речи о внешней политике 2 августа заявил о том, что Советский Союз не может удовлетвориться достигнутыми до сих пор успехами — что, опять же, усилило подозрения Гитлера и укрепило его в решимости в ближайшее же время начать войну с «бесчувственными вымогателями» на Востоке. Используя ударную силу германских вооруженных сил, рейхсканцлер решил в обозримом будущем избавиться от потенциальной угрозы с Востока, захватить русские нефтяные, угольные, железорудные и марганцевые месторождения и навязать русским свою волю.

Он считал, что для подготовки таких планов у него еще имеется достаточно много времени — еще как минимум два года Англия будет не в состоянии начать наступательные действия в Европе. А до того времени можно было свободно ликвидировать угрозу с тыла

на востоке и обеспечить необходимыми запасами сырья и материалов создаваемую им «крепость Европу».

Гитлер нисколько не сомневался, что ему и в России придется вести только «молниеносную войну». Осуществление «плана Барбаросса», войны против Советского Союза, — вот что стало лейтмотивом его политики с середины декабря сорокового года.

* * *

Впрочем, до «Барбароссы» было еще далеко. Пока надо было спасти итальянского союзника, чья африканская колониальная империя расплзалась по швам. В буквальном смысле этого слова.

Сначала, в ноябре 1940-го, Гитлер еще считал положение итальянцев относительно благоприятным. Он даже рассчитывал на их наступление в недалеком будущем. Планировалось, что, как только итальянцы захватят Мерса-Матрух, в их наступлении примет участие сначала немецкая авиация, а потом, для наращивания сил и наступления в глубь Египта (согласно директиве от 12 ноября), на помощь итальянским союзникам придет одна немецкая танковая дивизия. Которую в Баварии пока неспешно оснащали всем необходимым для использования в тропических условиях.

Разгром итальянских войск в Египте был для Гитлера полной неожиданностью. Катастрофическое поражение войск Грациани в декабре-январе коренным образом изменило обстановку в Ливии. И поэтому помощь Германии, запланированная для развития успешного наступления, теперь планировалась лишь как средство предотвращения катастрофы.

Директива германским вооруженным силам от 11 января 1941 г. считала «помощь Германии на Средиземном море, где Англия ввела против союзников превосходящие силы, необходимой из стратегиче-

ских, политических и психологических соображений». Сухопутные войска получили приказ сформировать «заградительное соединение», которое должно было оказать итальянским союзникам действительную помощь, прежде всего при отражении атак английских танковых соединений. Его переброска в Северную Африку планировалась на конец февраля, в связи с тем что перед этим туда должны были прибыть еще одна итальянская танковая и одна моторизованная дивизии.

19 и 20 января Гитлер и Муссолини вели переговоры, в которых приняли участие их военные советники. Итальянцы все еще надеялись на то, что Тобрук окажет более длительное сопротивление, чем павшая 5 января Бардия, и что малочисленная пехотная дивизия вместе с бригадой, усиленной танками, сможет восточнее Дерны активными действиями остановить продвижение англичан. Итальянцы полагали, что таким образом им удастся удержать западную Киренаику до тех пор, пока из Италии не прибудет пополнение. Но Муссолини на этот раз уже не возражал против отправки немецких сухопутных войск, хотя еще в ноябре прошлого года он сам дал указание начальнику генерального штаба итальянских вооруженных сил ни при каких обстоятельствах не принимать предложения немцев об отправке в Африку их танковых дивизий. Характерно, что тогда он заявил: «Если только немцы у нас утвердятся, мы от них никогда не отделяемся».

Вскоре оказалось, что итальянцы, как этого и опасались немцы, слишком заблуждались в оценке своего положения и теперь крайне нуждаются в немецкой помощи. 22 января гарнизон Тобрука сложил оружие. В Бардии и Тобруке англичане взяли в плен 75 тыс. человек, захватили 700 орудий и 207 танков. Упорное сопротивление в Тобруке задержало англичан дольше, чем они того ожидали. Теперь у них было достаточ-

но сил, чтобы начать решительные действия с целью завоевания Киренаики. Слабые итальянские силы восточнее Дерны и близ Эль-Мекили не могли помешать англичанам осуществить их замысел. Итальянцы даже не пытались вести, как это первоначально планировалось, активные действия против продвигающихся вперед англичан. Командующий английскими войсками воздержался от фронтального наступления на итальянскую дивизию, оборонявшую сильную позицию восточнее Дерны, и решил двинуться в обход через Эль-Мекили. Находившиеся там итальянцы отступили, и англичане, развивая успех, вышли к Бенгази. Тем самым все итальянские силы, которые еще оставались к западу от Бенгази, были отрезаны. Когда они сделали попытку пробиться к Бенгази, англичане атаковали их на прибрежном шоссе и вынудили капитулировать. Было захвачено 20 тыс. пленных, 120 танков и 210 орудий.

С 9 декабря 1940 г. по 7 февраля 1941 г. англичане почти полностью уничтожили восемь итальянских дивизий, взяли в плен 130 тыс. человек, захватили 470 танков и свыше 1300 орудий. Их собственные потери составили 500 человек убитыми, 1373 ранеными и 55 пропавшими без вести.

Вот так описывает крах итальянского Ливийского фронта Типпельскирх.

* * *

3 февраля, на совещании с руководством вооруженных сил, Гитлер выразил мнение, что «хотя с военной точки зрения потерю Северной Африки и можно перенести, но такая потеря непременно окажет сильное моральное воздействие на итальянцев». Вплоть до выхода последних из войны!

Посему Германия должна была взять руководство действиями в Ливии на себя. План был достаточно ам-

бициозным: «Немецкая авиация, используя тяжелые бомбардировщики, должна будет нанести удар по английским войскам в Киренаике, а также нарушить английские морские перевозки, наряду с этим она будет вести борьбу с английским флотом и стремиться подавить сопротивление защитников Мальты. Итальянские истребители должны быть отданы в распоряжение немцев. Итальянцам будет предложено, чтобы все перебрасываемые в Ливию немецкие подвижные соединения и действующие там итальянские подвижные соединения находились под общим немецким командованием».

Немецкое «заградительное соединение», выгрузка которого в итальянских портах была намечена на 22 февраля, командование вермахта планировало усилить танками, а затем подготовить к отправке в Африку еще одну танковую дивизию и вслед за ней — штаб корпуса.

Не бог весть какие силы, — но тут следует учитывать ключевой аспект. А именно — возможность снабжения войск на таком удаленном театре. Ведь снабжать танковую роту бензином, запасными частями, боеприпасами, водой и продовольствием для экипажей, например, в Лодзи — это одно, а в Бенгази — это уже совсем другое! И поэтому на поддержание боеготовности танковой дивизии в Ливийской пустыне средств будет расходоваться вчетверо больше, чем на такую же дивизию в Бреде, Голландия. И две дивизии в Африке по объему материальных ресурсов, потраченных на обеспечение их боевой деятельности, будут равноценны танковой группе, готовящейся к вторжению в Югославию.

* * *

Немцы это прекрасно понимали.

Но гораздо лучше это понимали англичане.

К середине февраля 1941 года Уэйвелл вполне был в состоянии добиться окончательного разгрома итальянцев в Киренаике. Данная задача, учитывая полную деморализацию еще не попавших в английский плен итальянских частей (в основном тыловых подразделений, разных сводных батальонов фашистской милиции, портовых команд, личного состава полевых госпиталей, хлебопеков и прочих интендантских служащих, расчетов зенитной артиллерии, лишившихся матчасти, и иного околовоенного сброда), не представляла ровным счетом никакой сложности. Пять-шесть дней необременительных боев, подсчет пленных и трофеев — и бодрый рапорт в Лондон: «на Африканском континенте не осталось ни одного итальянского солдата, кроме пленных».

Вот этого самого бодрого рапорта и боялся Черчилль.

Задачей Уэйвелла было отнюдь не разгромить итальянцев и водрузить над Триполи «юнион Джек» — как он, наверное, в простоте душевной полагал.

Задачей возглавляемых им войск было создать еще один сухопутный фронт с **немецкими** войсками. Тем самым втянуть Гитлера в еще одну битву на истощение, которая будет прекрасным образом служить целям изматывания Германии, целям лишения ее и так весьма ограниченных ресурсов.

Ведь немецкие танковые дивизии (пусть всего две или три, не важно) надо снабжать. Попробуйте довести танковый двигатель из Клагенфурта (куда он вполне благополучно доедет из заводского цеха по железной дороге) в Эль-Газалу (где его надо установить на подбитый Pz-III)! Сколько сил и средств придется положить, чтобы просто довести танковый мотор до этого затерянного в пустыне пункта базирования немецких частей!

Мало того, для обеспечения его безопасной доставки надо снабдить его достаточной для этого охраной.

Генералы Уэйвелл (справа) и Окинлек

В случае с железной дорогой все просто — выставил на платформу, где едут двигатели, часового, выдал ему сухпак на трое суток — и благополучно о безопасности оных двигателей забыл. На то есть часовой.

А двигатель, погруженный вместе со своими братьями на сомнительный итальянский пароход в Таранто или Бриндизи, нуждается в охране итальянскими сторожевыми кораблями, которые возьмут его в ордер уже на выходе из порта. А на левой раковине транспортного парохода для этой самой безопасности вскорости замаячат итальянские эсминцы. А далеко в море для обеспечения вышеуказанной безопасности этого самого двигателя волны Адриатики будет резать итальянская крейсерская эскадра. Да плюс с воздуха медленно ползущий транспорт (который пойдет в ордере конвоя, ибо поодиночке транспорты во время войны никто из портов не отпускает) должны будут прикрывать истребители.

Но и, благополучно добравшись до Бенгази и выгрузившись в порту, этот двигатель еще должен будет доехать до Эль-Газалы, где стоит страстно ждущий

его танк, на итальянском грузовике. Который, двигаясь в составе транспортной колонны, тоже прикрывается броневедомими или легкими танками.

А теперь посчитайте расход солярки, бензина и мазута на то, чтобы доставить танковый мотор из Германии в Эль-Газалу и в пути обеспечить его безопасность! Да будь этот мотор сделан из чистого серебра — он был бы дешевле!

А никак иначе нельзя. На месте его и не купишь, и не соберешь. А без мотора этот самый злополучный Pz-III превращается в пятнадцать тонн металлолома — совершенно бесполезного в условиях маневренной войны в пустыне.

Вот так вот.

И главная задача английских войск в Африке — сделать так, чтобы доставка сотен двигателей, тысяч пушек, грузовиков, мотоциклов, пулеметов, десятков тысяч солдат и миллионов патронов и снарядов на ливийский фронт стала для командования тыла ОКВ и в целом для Германии ежедневным ночным кошмаром!

А для этого англичанам ни в коем случае не надо добивать итальянцев — наоборот, надо довести их до крайнего рубежа деморализации и утраты боеспособности — но все же под итальянским знаменем. Пленных итальянцев у англичан и так хватает.

* * *

Но как Черчиллю заставить Уэйвелла остановить свою победоносную армию?

Просто приказать? Поймет ли такой приказ английский командующий в пустыне — а, самое главное, поймет ли армия?

Ведь изменой попахивает. Да еще и как!

Ну не объяснять же Черчиллю каждому бравому индийскому капралу глубинный смысл своей стратегии! Во-первых, не поймет. Во-вторых, не поймет

опять же. Потому что этому капралу, командиру расчета двухфунтовой противотанковой пушки, подбившему в ливийской пустыне три итальянских бронированных трактора и на этом основании считающего Британию непобедимой, все в этой войне, в отличие от премьер-министра Великобритании, кристально ясно и понятно.

На Египет (находящийся под английским протекторатом) напал дерзкий и коварный враг. Рыцари в сияющих доспехах (сиречь — расчет его пушки, весь его дивизион и в целом вся английская армия в Египте) выступили на защиту сырых и убогих, встали грудью на пути агрессора. Военное счастье оказалось на стороне защитников свободы и демократии — злобные фашисты были разбиты, взяты в плен, загнаны к самому уезу Средиземного моря. И теперь дело витязей Свободного Мира — добить врага в его логове и водрузить над Триполи ало-бело-синее знамя Победы.

Все просто и понятно.

И поэтому приказ о приостановке английского наступления будет войсками воспринят как знак того, что премьер-министр Великобритании либо: а — сошел с ума; б — продался нацистам. Третьего, как говорится, не дано.

Посему приказа об остановке наступления Черчилль Уэйвеллу и не дает.

Он поступает иначе.

В середине февраля Уэйвелл получает приказ: 2-ю новозеландскую и 6-ю австралийскую пехотные дивизии и 1-ю английскую танковую бригаду немедленно, подняв по тревоге, отправить в Александрию и погрузить на транспорты для отправки в Грецию. И подготовить для отправки туда же 7-ю австралийскую дивизию и бригаду карпатских стрелков (единственную на тот момент польскую воинскую часть на Ближнем Востоке, перешедшую к англичанам из Сирии). Потому что Греция находится в смертельной

опасности! Колыбели мировой цивилизации, родоначальнице европейской демократии, грозит вторжение нацистских варваров! Все на защиту Парфенона!

Автор, к сожалению, не читал подлинного приказа о переброске английских войск в Грецию. Но думает, что что-нибудь подобное там обязательно должно быть — должен же был Черчилль хоть как-то мотивировать столь странное (если не сказать больше) свое решение! Не писать же, действительно, Уэйвеллу (и его бравым индийским, новозеландским и австралийским капрадам), что британское верховное командование очень надеется на то, что немцы будут иметь плацдарм в Северной Африке, куда смогут перебросить сначала 5-ю легкую (впоследствии — знаменитую 21-ю танковую) дивизию, а вслед за ней — и 15-ю танковую дивизию!

И Уэйвелл, поскрипев зубами, все же обескровливает свою наступающую на Триполи армию — тем самым английские действия у стен последнего итальянского анклава на африканской земле сами собой замирают. Воевать нечем.

И в конце февраля в спасенный Черчиллем Триполи прибывают первые части легендарного (каким он станет в ближайшем будущем) немецкого Африканского корпуса. Сухопутный фронт между британскими и немецкими войсками открыт, война на истощение началась.

Черчилль победил. Но пока в этом еще совсем не уверен...

* * *

Ему удалось втянуть в войну с Германией Грецию — спасибо дуче. В декабре сорокового немцы приняли решение о вторжении в Грецию — как он этого и хотел.

Но власти Югославии начали проявлять опасное малодушие — принц Павел и правительство этого южнославянского королевства начали склоняться к тому, чтобы вступить в Тройственный пакт. Да и болгары не скрывали, что готовятся выступить на стороне Германии. А это уже было скверно.

И вот почему.

Пока, по состоянию на февраль 1941 года, немцам неоткуда было напасть на Грецию — как известно, рейх с этим королевством не граничил. Единственно, откуда могли начать движение к Афинам немецкие танковые колонны — из Албании. Что делало германскую агрессию не страшнее итальянского «вторжения» — в этой местности уже полгода стоял фронт, греки (худо-бедно, но все же четырнадцать дивизий!) окопались, понастроили укрепленных позиций; да и само наступление моторизованными частями по непроходимым горам представлялось предприятием более чем сомнительным.

В случае предоставления Болгарией своей территории для действия немцев против Греции положение последней становилось гораздо хуже — но все же не смертельным. Ибо вдоль границы с Болгарией греки незадолго до войны построили «линию Метаксаса», между рекой Струма и турецкой границей. И в декабре 1940-го посадили в нее три дивизии и несколько отдельных полков и батальонов. Силы, конечно, не бог весть какие, но зато опиравшиеся на бетонированные укрепления в горно-лесистой местности — которая сама по себе уже исключала (или серьезно ограничивала) действия танковых корпусов.

Поэтому самым оптимальным для вторжения в Грецию представлялись (с точки зрения ОКВ) действия с территории Югославии.

И Югославия в любом случае становилась участником этой войны — вне зависимости от желания или, наоборот, нежелания принимать в ней участие. Дей-

ствия «взрослых дядей» — Англии и Германии — просто понуждали ее к этому.

Сказать, что в агрессии Третьего рейха против Югославии повинна Великобритания — не совсем корректно; все же Англия предоставила «гарантии» Греции и поэтому после итальянской агрессии имела полное право ввести для защиты этой «поднадзорной территории» свои войска. Но с занятием английскими дивизиями района вдоль реки Алиакмон положение Германии становилось крайне опасным — как уже писалось выше, под более чем реальной угрозой английских бомбардировок с воздуха оказывались единственные источники нефти Германии.

Поэтому немцам кровь из носу, но надо было решить югославскую проблему — без использования для наступления на Грецию югославского района Монастира (Битоля) вторжение в Элладу грозило бы превратиться в опасную позиционную битву на истощение, сродни Салоникскому фронту Первой мировой — которая была бы на пользу только Великобритании.

* * *

Гитлер не хотел войны с Югославией — он планировал склонить принца Павла к участию в Тройственном пакте и бодро промаршировать от Граца до Монастира, чтобы уже затем начать вторжение в Грецию.

Тем более — Румыния и Венгрия уже присоединились к Германии, а 1 марта это сделала официально Болгария. Теперь германские части стояли по всем границам Югославии — от северо-запада до юго-востока. Да и соотношение сил сторон было настолько неважным для югослабов, что можно им только посочувствовать.

Теоретически (сугубо теоретически, потому что в балканских делах число дивизий на самом деле не

имеет равным счетом никакого значения) Югославия могла выставить на линию огня двадцать восемь пехотных и три кавалерийские дивизии. Танков в рядах югославской армии насчитывалось всего 110 штук, причем, учитывая, что «танками» югославы называли чехословацкие танкетки Т-32 и французские антикварные Рено FT-17 — боевое значение югославских бронетанковых сил было весьма условно.

С ВВС у югославо́в было повеселей. Военно-воздушные силы страны насчитывали около 450 самолетов, из которых более половины были новейшими машинами, произведенными в 1938 — 1940 годах: в строю югославских ВВС на 6 апреля находилось 38 «Харрикейнов», состоявших на вооружении 51-й, 33-й и 34-й эскадрилий, 73 истребителя «Мессершмитт» Bf 109Е3А (правда, эта цифра поставленных истребителей фигурирует лишь в официальной истории фирмы «Мессершмитт», более нигде о количестве проданных Югославии этих новейших немецких самолетов узнать точно не удалось), 12 истребителей ИК-3 югославского производства, состоявших на вооружении 161-й и 162-й эскадрилий; кроме того, истребительная авиация использовала более 150 устаревших самолетов-бипланов. Бомбардировочная авиация представлена была сорока пятью бомбардировщиками Savoia-Marchetti SM.79К и 16 бомбардировщиками «Бленхейм», не считая более старых машин. В целом надо сказать, что югославская военная авиация была довольно серьезным «игроком» в небе Балкан.

Тут потребуется небольшое отступление от темы. Считается абсолютно достоверной истиной, что нацистская Германия была патентовано агрессивной страной, изо всех сил жаждущей зажечь мировой военный пожар. Видимо, для того, чтобы этот пожар был как можно более ярким (и дабы усложнить боевую задачу своим вооруженным силам — чтоб им служба медом не казалась), немцы активно экспор-

тировали произведенные германскими военными заводами вооружения. Причем отправляли они эти вооружения не только в страны дружественные и союзные — но не гнушались экспортировать их и в государства, которые, по мнению легиона историков победившей во Второй мировой стороны, должны будут вскорости стать жертвами германского коварства. Тот же истребитель Vf.109E-3 (с двумя синхронизированными пулеметами MG.17 в носу, двумя крыльевыми пушками и мотор-пушкой MG.FF/M) был в числе 1868 единиц поставлен в 1940 году люфтваффе; несколько же экспортных партий этих, вне всяких сомнений, отличных самолетов было отправлено как будущим союзникам, так и потенциальным противникам (сорок — в Венгрию, пять — в СССР, два — в Японию, семьдесят три — в Югославию, девятнадцать — в Болгарию, шестнадцать — в Словакию и не менее восьмидесяти — в Швейцарию). Последняя партия действовала в составе Fliegerkompanie 6, 15 и 21 ВВС Швейцарии с бортовыми номерами от J-311 до J-390. Швейцарский завод «Dornier Werke AG» в Альтенхайне выпустил также девять полных планеров, четыре пары крыльев и семь фюзеляжей собранных между апрелем 1941 года и мартом 1946 года. Vf.109E-3 швейцарской постройки имели коды от J-391 до J-399.

Более чем странное поведение немецких властей, вы не находите? Продавать самые совершенные боевые самолеты потенциальному противнику, с которым через очень небольшое время придется скрестить шпаги, — это что? Глупость? Или измена? А может, немцы и НЕ СОБИРАЛИСЬ ВОЕВАТЬ с СССР и Югославией?

Впрочем, как бы то ни было — ВВС Югославии за год до немецкого вторжения получили шесть эскадрилий самых совершенных истребителей — которые в апреле 1941-го стали серьезной проблемой для люфтваффе, ибо югославские военно-воздушные

силы немецким тщанием стали самыми сильными на Балканах.

Чего никак нельзя было бы сказать об армии. Ее артиллерия представляла собой действующий музей Первой мировой (если не Русско-японской) войны, пулеметов остро не хватало, о таком звере, как «миномет», большинство офицеров слышало лишь смутные легенды, связь между подразделениями осуществлялась молодецкими посыльными на лихих конях.

Но техническая слабость югославской королевской армии — это было еще ничего. В конце концов, в условиях горной войны (45% территории Югославии — это горы) танки превращаются в груды бесполезного железа, тяжелое вооружение для пехоты является зачастую ненужной обузой. Правда, у немцев в войсках изрядно легких минометов, в составе каждого из их пехотных полков — по шесть 75-мм легких пехотных орудий (440 килограммов весу всего!) и по двенадцать 37-мм противотанковых пушек — но это на самом деле не главное.

Главное — в другом.

* * *

Югославская армия — срез югославского общества. Которое, формально представляя собой единый организм, на самом деле с самого момента своего рождения (создания Королевства сербов, хорватов и словенцев) было тяжело и безнадежно больно.

Мы огульно называем их югославами. Так они себя никогда и нигде не называют. И, тем более, не называли в марте сорок первого.

Бывшие подданные Австро-Венгерской империи — хорваты, словенцы и, частично, босняки — к своей новообретенной «родине» относились крайне скептически. Ибо, по их мнению, всю власть в Югос-

лавии захватили сербы — с каковыми у них в предвоенные годы были серьезные разногласия.

Хорватские националисты в 1934 году в Марселе убили своего короля Александра и французского премьер-министра Барту. За границей Югославии все годы существования этого государства действовали лагеря по подготовке хорватских боевиков — сначала в Италии, затем в Австрии и Германии. Кватерник, один из лидеров хорватских сепаратистов, был не только желанным гостем в Берлине — в Загребе у него хватало единомышленников и друзей, и большая часть населения Хорватии тайно или явно поддерживала национализм его усташей.

Поэтому главным оружием немцев в предстоящей возможной войне с Югославией были не танки и самолеты. Главной их силой был незаметный чиновник германского МИДа, штандартенфюрер СС Э. Везенмайер — человек, принесший Югославии гораздо больше горя и слез, чем все немецкие танки, вместе взятые. В конце марта он был послан в Хорватию, где под его диктовку один из лидеров усташей (хорватских фашистов) Славко Кватерник написал «декларацию» о создании «независимого государства Хорватия».

Впрочем, деятельность Везенмайера по стимулированию хорватского сепаратизма легла на благодатную почву — югославские власти закрывали глаза на злоупотребления сербских чиновников в Хорватии и очень долго сомневались в целесообразности предоставления этому краю автономии. Да что там злоупотребления чиновников! Даже накануне немецкого вторжения сербские офицеры не забывали штрафовать своих подчиненных за применение латиницы в корреспонденции и даже за подпись латиницей.

Посему дивизии, укомплектованные хорватами (а также словенцами, босняками, немецкими колонистами и македонцами), никак к боеспособным частям

югославской королевской армии отнести в марте 1941 года было нельзя. По-настоящему сражаться с немцами готовы были лишь сербы — впрочем, в грядущей войне и этот тезис не нашел своего подтверждения.

* * *

20 марта произошла ожидаемая сенсация — правительство принца Павла решило присоединиться к Тройственному пакту. Следовательно, немецкие бронетанковые колонны могут в ближайшие же дни проследовать к греческой границе совершенно спокойно.

Ага. Два раза. А зачем тогда хитроумные финикийцы шесть тысяч лет назад придумали деньги? Так просто?

27 марта в Белграде совершился государственный переворот, к власти в Югославии пришли военные во главе с генералом Симовичем. Первым же действием этого военного правительства явился разрыв соглашения о вступлении Югославии в число «друзей и союзников» Третьего рейха. Немецко-югославская война стала фатально неизбежной.

Автор не хочет сказать, что англичане вульгарно купили генерала Симовича и тем обрекли Югославию на четыре с половиной года ожесточенной гражданской войны. Автор при сем не присутствовал, и посему подобные утверждения были бы злонамеренной ложью. Но весь дальнейший ход событий показывает, что действия генерала Симовича иначе, как бессознательной провокацией, назвать нельзя.

Симович — генерал, командующий военно-воздушными силами. То есть человек военный. Обязанный знать, что военные шансы его страны в случае вооруженного конфликта с Германией в данных условиях равны нулю. Югославия, в отличие от Греции, военных гарантий Великобритании не имела и, следо-

вательно, на ее помощь войсками или оружием рассчитывать не могла.

Правда, новое югославское правительство немедленно заключило военный договор о дружбе и взаимопомощи с СССР, но как реально Советский Союз мог бы помочь Югославии в обстановке весны сорок первого года, автор не представляет.

И хотя югославские генералы готовы были даже ввести у себя некоторые социальные изменения, характерные для СССР, — эта их готовность никакой роли уже не играла.

Югославия начала разваливаться — причем еще до немецкого вторжения. И это тоже исторический факт.

Посему нет ничего удивительного в том, что 10 апреля, когда немецкие танки подходили к Загребу, хорватские «самостийники» (подогреваемые немецкой агентурой) организовали широкую рекламу «декларации» Кватерника, а Хорватская крестьянская партия и ее лидер В. Мачек обратились к народу Хорватии с призывом подчиниться «новому правительству» и сотрудничать с ним.

Капитулянтский характер носила также деятельность верхушки словенской клерикальной партии в Дравской бановине (Словения). Под руководством бана (губернатора) М. Натлачена 6 апреля здесь был организован Национальный совет, в который вошли представители всех словенских националистически настроенных партий. Этот Совет подготовил сдачу Словении немцам без боя. Правда, 9 апреля югославское верховное командование отдало приказ об аресте этого самозванного правительства, но начальник штаба 1-й группы армий генерал Л. Рупник его не выполнил.

Югославия уже задолго до немецкого вторжения начала свой путь к краху — и отрицать это было бы, по меньшей мере, смешно и несерьезно...

27 марта, сразу же после совершившегося в Югославии переворота, в имперской канцелярии в Берлине Гитлер провел совещание с главнокомандующими сухопутными и военно-воздушными силами и их начальниками штабов — договор с принцем Павлом становился никчемной бумажкой, и требовался иной выход из создавшегося трудного положения. Иной — значит военный. На этом совещании было объявлено о решении «сделать все приготовления для того, чтобы уничтожить Югославию в военном отношении и как национальную единицу».

В тот же день была подписана директива № 25 о нападении на Югославию. В ней указывалось, что «военный путч» в Югославии вызвал изменения в политической обстановке на Балканах и что Югославия даже в том случае, если она сделает заявление о своей лояльности, должна рассматриваться как противник, а поэтому ее необходимо разгромить. В дополнение к директиве № 25 верховное главнокомандование вермахта издало «Указания по вопросам пропаганды против Югославии» — агрессия против Югославии должна была представляться немецкими органами пропаганды как война только против правительства Сербии, которое «ориентировалось на Англию» и «притесняло другие югославские народы». Германское командование надеялось вызвать у хорватов, македонцев, населения Боснии антисербские настроения — что им с блеском и удалось.

Немецкое руководство, кроме того, рассчитывало, что нападение на Югославию встретит поддержку в Италии, Венгрии и Болгарии, вооруженные силы которых можно будет привлечь к участию в военных действиях, пообещав территориальные приобретения: Италии — Адриатическое побережье, Венгрии — Банат, Болгарии — Македонию. Эти расчеты оправ-

дались — и Италия, и Венгрия согласились принять участие в войне с Югославией.

Одновременно с нападением на Югославию германское командование решило осуществить нападение на Грецию. План «Марита» был подвергнут коренной переработке, и по новому его варианту военные действия против обоих балканских государств рассматривались как единая операция.

После того как план нападения был окончательно утвержден, 29 марта Гитлер направил письмо Муссолини, сообщив, что ожидает помощи со стороны Италии. До крушения Югославии оставались считанные дни...

* * *

Захват Югославии немцы предусматривали осуществить нанесением одновременных ударов с территории Болгарии, Румынии, Венгрии и Австрии по сходящимся направлениям на Скопле, Белград и Загреб с целью расчленения югославской армии и уничтожения ее по частям. Ставилась задача овладеть в первую очередь **южной** частью Югославии, чтобы не допустить установления взаимодействия между армиями Югославии и Греции, соединиться с итальянскими войсками в Албании и использовать южные районы Югославии в качестве плацдарма для последующего германо-итальянского наступления на Грецию. К осуществлению операции привлекались немецкие 2-я, 12-я армии и 1-я танковая группа. 12-я армия была сосредоточена на территории Болгарии и Румынии. Она была значительно усилена: ее состав доведен до 19 дивизий (в том числе 5 танковых). 2-я армия в составе 9 дивизий (в том числе 2 танковые) сосредоточивалась в юго-восточной Австрии и западной Венгрии. В резерв выделялось 4 дивизии (в том числе 3 танковые). Для авиационной поддержки

привлекались 4-й воздушный флот и 8-й воздушный корпус, насчитывавшие вместе около 1200 боевых и транспортных самолетов. Общее командование группировкой германских войск, нацеленных на Югославию и Грецию, было возложено на генерал-фельдмаршала Листа.

30 марта 1941 года ОКХ поставило войскам задачи. 12-я армия должна была силами двух корпусов наступать на Струмицу (Югославия) и Салоники (Греция), одним корпусом нанести удар в направлении Скопле, Белес (Югославия), а правым флангом наступать на белградском направлении. Перед 2-й армией ставилась задача овладеть Загребом и развивать наступление в направлении Белграда. Боевые действия против Югославии и Греции предусматривалось начать 6 апреля 1941 года массированным налетом авиации на Белград и наступлением войск левого крыла и центра 12-й армии.

Напряглись и немецкие союзники — для войны против Греции и Югославии правительство Италии выделило 43 дивизии. 24 из них предназначались для действий против Югославии (9 были развернуты на албано-югославской границе, 15 — в Истрии и Далмации). Правда, командование вермахта было невысокого мнения о боеспособности итальянских войск, поэтому на них возлагались только вспомогательные задачи. В начале боевых действий итальянские войска должны были прочно удерживать оборону в Албании и тем самым содействовать наступлению 2-й немецкой армии. После соединения германских войск с итальянскими предусматривалось их совместное наступление против Греции.

Венгры также присягнули в верности Германии — после переговоров генерала Паулюса с начальником венгерского генерального штаба Х. Бертом, имевших место 30 марта, было подписано соглашение, по которому Венгрия выделяла для агрессии против

Югославии 10 бригад (соответствовало примерно 5 дивизиям). Их переход в наступление намечался на 14 апреля.

Таким образом, всего для агрессии на Балканах Германия и ее союзники выделили 80 дивизий (из них 32 немецкие, 43 итальянские и 5 венгерских), более 2 тыс. самолетов и до 2 тыс. танков.

* * *

Две немецкие полевые армии и танковая группа на рассвете 6 апреля начали вторжение в Югославию. Трагическая драма югославянских народов началась.

2-я немецкая армия наступала на Загреб из Южной Австрии, из района Грац-Клагенфурт. На ее левом фланге, с территории Венгрии, частью сил — на Загреб, частью — на Белград — начал наступление 46-й танковый корпус. И из района Триеста очень осторожное наступление начала 2-я итальянская армия.

Это на северо-западе, против 1-й армейской группы югославской армии со штабом в Загребе и 2-й армейской группы, прикрывавшей венгерскую границу.

Главный же удар немцами наносился с территории Болгарии — силами 12-й полевой армии и танковой группы фон Клейста, по дивизиям противостоящих им войск 3-й армейской группы югославской армии.

Танки Клейста должны были наступать через Ниш на северо-запад, на Белград, пехотные же дивизии центра 12-й армии наносили удар по Южной Сербии и одновременно вторгались в Северную Грецию в районе Флорины. Левифланговые дивизии немецкой 12-й армии должны были нанести удар в южном направлении, западнее и восточнее реки Струма, и расчлнить греческий фронт взятием Салоник.

Югославская кампания германского вермахта прошла блестяще.

12-я армия уже 10 апреля вошла в Скопле, одной из своих танковых дивизий достигнув на юго-западе позиций итальянцев. За день до этого танки Клейста ворвались в Ниш и, не обращая внимания на толпы югославских солдат, начали движение на северо-запад, к Белграду. От Барча вдоль Дуная навстречу им успешно продвигались танки 46-го корпуса.

Правда, не везде югославская армия позорно развалилась — на отдельных направлениях некоторые ее части сумели отстоять честь своих знамен. Гидропланы югославского флота бомбили Бари и Драч, а бомбардировочная авиация атаковала запланированные заранее цели в сопредельных странах — бомбардировкам подверглись, в частности, Тирана, София и Грац. На югославо-итальянской границе в Албании югославская армия перешла, как предполагалось по предвоенному плану, в наступление. Наступать югославам предстояло на укрепившихся в горной местности итальянцев, имевших превосходство в живой силе и технике. Тем не менее, югославы довольно глубоко продвинулись на вражескую территорию, нанеся ряд частных поражений итальянским войскам. Еще 13 апреля югославские министры, проезжая по Черногории, встретили колонну итальянских военнопленных числом около 500 человек. Были сделаны попытки высадить десанты на албанской стороне озер Охрид и Скадар, не имевшие, однако, большого успеха. Югославские части продвинулись на отдельных участках на 20 километров в глубь Албании. Подразделения, действовавшие в северо-восточной части Албании, успешно наступали внутрь страны аж до 20 апреля, поскольку утратили связь со своим командованием и не получили сообщений о капитуляции Югославии. 9 апреля на югославо-итальянской границе в Альпах краткие огневые контакты, имевшие

место начиная с вечера 5 апреля перешли в бои, и в результате них югославы продвинулись на десяток километров в глубь итальянской территории (один из югославских пограничных батальонов, как сообщал панический рапорт итальянского командования, «находится в 60 километрах к Удине»). Однако затем югославы получили приказ отступать, и построенная накануне войны «линия Рупника», защищавшая югославско-итальянскую границу, была полностью оставлена.

В ходе боев за Воеводину отличился речной монитор «Драва», который с первого дня войны вел активную деятельность на Дунае и только 12 апреля покинул предписанный ему командованием район активности, направившись по приказу командования вниз по Дунаю в сторону Белграда. Действия пусть ветхого, но, без преувеличения, героического монитора (построенного в 1914 году) так раздражали немцев, что те не пожалели сил и средств на расправу. В 8 утра 12 апреля вблизи села Челарево (тогда Чибя) монитор был потоплен после трех подряд налетов авиации; к тому времени на борту осталось только 13 из 92 членов экипажа. Командир экипажа Александр Берич в 2002 году был посмертно награжден орденом. Из всех участников Апрельской войны только он и два поручика, взорвавших эсминец «Загреб», получили награды.

Увы, подавляющее большинство югославских солдат предпочли сложить оружие, не сделав по врагу ни одного выстрела. Югославского короля предали почти все его подданные несербского происхождения!

В Словении 9 апреля был сдан Марибор; отступающие части королевской армии пытались заминировать и взорвать мост и стратегически важные объекты, такие как электростанция, но местные немцы, вооруженные заранее ввезенным оружием, этому воспрепятствовали. Немцы также почти повсеместно

разоружали югославских жандармов и военных. Помимо немцев против королевской власти действовали и некоторые словенские политики, которые на следующий день после начала войны создали Национальный совет, прилагавший все усилия для взятия власти в Словении, чтобы затем попытаться добиться автономии или независимости у победоносной Германии.

10 апреля рано утром по захваченным загодя мостам через Драву немецкий 46-й корпус вошел в Югославию с территории Венгрии. Противостоявшая ему 4-я армия, укомплектованная хорватами, сопротивлялась недолго. Более того, направленные на фронт хорватские части подняли мятеж. Как утверждают очевидцы, направлявшаяся на фронт колонна хорватов принялась скандировать «не хотим на фронт!», потом запела старинную хорватскую песню «Вила Велебита», которая была запрещена при короле, как националистическая, принялась стрелять в воздух и повернула в сторону Биеловара, где помещался штаб армии. Мятеж охватил соседние части, всего не менее 8000 человек. Подойдя к городу, мятежники потребовали сдать город и передать хорватским представителям всю полноту власти, угрожая, в противном случае, расправой со всеми этническими сербами в округе, включая гражданское население. Когда предложение было отвергнуто, город при помощи хорватов в нем самом был взят штурмом. **ЮГОСЛАВСКИЙ ГОРОД БЫЛ ВЗЯТ ШТУРМОМ ЮГОСЛАВСКИМИ ВОЙСКАМИ!**

В Винковцах восставшие хорваты взяли в плен командование местной воинской части, и только подоспевшие сербские солдаты восстановили порядок. В Цриквенице на Адриатике мятеж хорватов задушил начальник местной базы флота Мирко Плайвас (кстати, что необычно — сам хорват по национальности), беспощадно расправившийся с мятежниками, а затем, по приказу из Белграда, взорвавший склады,

Славко Кватерник

пирсы, причалы и оставшуюся матчасть.

Однако в целом хорваты добивались всего, чего хотели. А старший офицер одной из дивизий 4-й армии вышел в эфир и сообщил немцам о дислокации югославских войск. Так что нет ничего удивительного, что танковая группа из состава германского корпуса за сутки прошла около 100 километров и на закате вступила в Загреб, приветствуемая ликующими толпами местных немцев и хорватов.

По дороге ей не было оказано практически никакого сопротивления; встреченные части югославской армии спешили сдаться в плен (один из немецких командиров в донесении жаловался, что обилие желающих сдаться очень затрудняет ему продвижение к поставленным командованием целям). В это же время к хорватам по радио обратился Славко Кватерник, объявивший о независимости Хорватии, — появившийся вместе с немцами, как черт из табакерки. Последние двенадцать лет он жил в эмиграции, где был правой рукой руководителя организации антиюгославских эмигрантов-ушастей, Анте Павелича. 16 апреля во главе группы из 500 верных соратников сам Павелич прибыл из Италии в оккупированный немцами Загреб, дабы официально возглавить уже провозглашенное Независимое Государство Хорватия (Neodvišna država Hrvatska; НГХ) — история которого настолько погрязла в грязи и крови, что вспоми-

Анте Павелич

нать о его существовании в приличном обществе не стоит и поныне.

Хорваты в армии в массовом порядке начали покидать свои воинские части. Так, например, развалилась Ядранская дивизия, которая, как предполагалось, осадит и возьмет Задар, итальянский анклав, размещенный на плоской равнине и занимавший 20 квадратных километров. Сербским офицерам, оставшимся почти что без войск, оставалось только подписать капитуляцию перед тремя батальонами чернорубашечников, защищавшими анклав. По свидетельствам очевидцев, хорваты, «направляясь по домам, во все горло ругали Сербию, короля, Югославию, а наигадостнейшим образом — православную церковь; топтали шайкачи (традиционные головные уборы сербских военных) или надевали их на глумливый манер». Когда сербы после капитуляции стали возвращаться в свои села на территории НГХ, в хорватских селах их закидывали помоями и оскорбляли. Повсюду в хорватских селах появлялись вооруженные отряды «самообороны», и уже 20 апреля состоялось первое нападение на неза-

щищенное сербское село, вырезанное до последнего человека.

К середине дня 11 апреля положение югославской армии выглядело практически безнадежным. 7-я армия на территории Словении находилась в завершающей стадии дезинтеграции, Любляна была сдана первому же появившемуся рядом с городом подразделению противника, а именно взводу мотоциклистов; так что в руках югославов оставались только северная Сербия с Белградом, Косово, Черногория, Далмация и Босния. Возможно, если бы были предприняты серьезные усилия по консолидации населения на борьбу с агрессором и приняты меры для повышения боевого духа армии, можно было бы отступить в горные районы и продолжать сопротивление там. Однако правительство решило иначе. По общему решению членов кабинета было решено отправить короля и министров за рубеж, в Грецию к англичанам, поскольку, если король будет захвачен гитлеровцами, это будет означать крах всякого сопротивления. Иными словами, югославские министры попытались спасти то, что еще можно было спасти.

11 апреля немецкие войска, продолжая наступление на всех фронтах и быстро продвигаясь по югославской территории, соединились с итальянскими частями в Южной Сербии. В это же время начали наступление и венгерские бригады. В изданном в ночь на 11 апреля манифесте регент Венгрии Хорти заявил, что Югославия после образования «независимого государства Хорватия» распалась на части, и венгры просто вынуждены защитить от превратностей войны венгерское население в Воеводине. В свою очередь, 12 апреля итальянские части заняли Люблянну, Дебар и Охрид.

В те же дни, когда правительство обсуждало вопрос о бегстве, югославская 6-я и остатки 5-й армии приняли бой на южных подступах к Белграду. В ходе

боев сербские солдаты и офицеры проявили чудеса храбрости. Батарея ПВО и последняя оставшаяся в югославской армии рота танков целые сутки сдерживали наступление танковых частей германской армии около Тополы. Свыше часа германские танки около той же Тополы задерживал пехотный взвод поручика Байтайича. Капитан Момчило Маркович со своей батареей расстрелял 11 германских танков вблизи Младеноваца. Таких примеров было много, однако, увы, все эти примеры доблести были уже бесполезны; югославская армия как целостный организм отошла в небытие — и к утру 12 апреля путь на Белград был открыт.

К полудню 12 апреля немецкие танки вошли в Белград, хотя формально город пал еще на рассвете. Столица Югославии капитулировала перед разведывательным дозором дивизии СС «Райх» в составе двух офицеров и полутора десятков солдат!

14 апреля штаб 2-й немецкой армии прибыл в Белград, и через три дня новое югославское правительство подписало перемирие. Югославская кампания закончилась за девять дней. Югославия перестала существовать как государство, ее армия — как организованная военная сила.

ЗА ДЕВЯТЬ ДНЕЙ...

* * *

И вот теперь пришел черед Греции.

Восемь пехотных и две танковые дивизии 12-й немецкой армии вовсе не имели подавляющего превосходства над англо-греческими войсками в Македонии, как это принято считать. У греков дивизий было гораздо больше!

Но 14 их дивизий крепко засели в албанских горах против итальянцев — и в предстоящих сражениях их

роль свелась к роли пассивных зрителей развернувшейся трагедии.

7 апреля левифланговые части 12-й немецкой армии прорвали «линию Метаксаса». Из-за их правого фланга немедленно выдвинулась 2-я танковая дивизия и ускоренным маршем двинулась на юг. 9 апреля ее танки заняли Салоники, отрезав от тылов все греческие войска, расположенные восточнее реки Струмы.

Войска же правого фланга 12-й армии 10 апреля, перейдя югославско-греческую границу у Монастира (Битоля), разгромили греческие части у Флорины и начали стремительное наступление на юг, в район гор Пинд, угрожая окружением всем греческим дивизионам на Албанском фронте.

13 апреля греки начали запоздалый отход из Албании — но было уже поздно. Немецкие танки к вечеру 15 апреля перерезали все дороги, по которым греки еще могли отойти на Родину.

На следующий день немецкие части 18-го корпуса (2-й танковой и 6-й горнострелковой дивизий) вступили в боевое соприкосновение с британскими частями у горы Олимп. К вечеру 18 апреля немцы сломили сопротивление 2-й новозеландской дивизии и на рассвете 19 апреля вступили в Ларису.

На этом активные боевые действия в Элладе были завершены — греки согласились со своим поражением. 18 апреля в Тати под Афинами собрался военный совет, на котором генерал Папагос сообщил, что с военной точки зрения положение Греции безнадежно. Состоявшееся в тот же день заседание совета министров выявило, что некоторые его участники поддерживали смещенных генералов армии «Эпир» (еще 8 апреля высказавшихся о бессмысленности дальнейшего военного сопротивления), другие же стояли за продолжение войны, даже если правительству придется оставить страну. В правящих кругах Греции

царило замешательство. Оно усилилось еще больше, когда вечером 18 апреля премьер-министр Коризис покончил жизнь самоубийством. Однако в это время сторонники продолжения войны одержали верх. Новый премьер-министр Цудерос и генерал Папагос потребовали от командования армии «Эпир» продолжать сопротивление. Но недавно назначенные командиры соединений отказались повиноваться, сместили командующего армией Питцикаса и поставили на его место генерала Цолакоглу. Тот выслал парламентаров к немецким войскам и вечером 20 апреля подписал с командиром дивизии СС «Адольф Гитлер» генералом З. Дитрихом соглашение о перемирии между Грецией и Германией. На следующий день генерал-фельдмаршал Лист заменил это соглашение новым — о капитуляции греческих вооруженных сил. Однако Гитлер его не утвердил — учитывая настойчивые просьбы Муссолини, он согласился, чтобы Италия была в числе сторон, подписавших соглашение о капитуляции греческой армии. Устно же Гитлер передал Листу через Браухича, что «на его месте он поступил бы точно так же». Это, третье по счету, соглашение было подписано генералом Цолакоглу 23 апреля 1941 года в Салониках. В тот же день король Георг II и правительство покинули Афины и улетели на остров Крит, из 55 тысяч британских солдат и офицеров (вообще-то они были австралийцами и новозеландцами, но какая разница?) более 12 тысяч было убито, ранено и попало в плен — но все же большую часть войск, около 43 тысяч своих солдат и офицеров, англичанам удалось эвакуировать из Аттики и Пелопоннеса.

* * *

Ну, вот и все. Балканская кампания вермахта завершилась за восемнадцать дней. Теперь немцы могли почивать на лаврах?

Ничуть не бывало.

Англичан-то они, конечно, победили, загнав две их последние дивизии на европейском континенте на корабли и отогнав их артиллерийским огнем подальше от берега.

Но вместе с тем немцы стали хозяевами осинового гнезда — территорий Югославии и Греции, на которых наряду с более-менее цивилизованными словенцами или относительно культурными хорватами жили воинственные сербы, коварные босняки, сомнительные с этнической точки зрения македонцы, откровенно нелояльные к рейху (несмотря на волю их царя) болгары. И весь этот ядовитый балканский куст полудиких народов, волею английского руководства взятый в апреле 1941 года под германскую руку, — **были СЛАВЯНЕ...**

А через два месяца немцам надо начинать вторжение в Россию. **Самую главную славянскую страну в мире.** И как поведут себя по отношению к германской администрации и германским тыловым частям, поначалу с комфортом разместившимся в живописных сербских, хорватских, боснийских, македонских и прочих деревеньках и городках, местные жители — можно предсказать практически безошибочно.

НЕДРУЖЕЛЮБНО.

Так что победа вермахта на Балканах — из тех побед, что зовут «пирровыми». Потерь-то немцы, конечно, практически не понесли, убитых и раненых у них было меньше, чем поломавших ноги в непривычных для жителя равнинной Тюрингии горах. Но что-то немцам подсказывало, что крошечные потери апреля сорок первого — это так, цветочки. И даже не цветочки, а еще только их запах.

А каковы будут ягодки — это вермахту вскоре предстоит почувствовать на собственной шкуре...

Пока немцы громили югославов, греков и примкнувших к ним новозеландцев с австралийцами — на востоке Африканского континента происходило крушение итальянской колониальной империи.

Зачем, кстати, итальянцы ее создали — не знал никто. К началу двадцатого века все более-менее приличные части Африки (которые могли бы приносить доход своим владельцам) уже разобрали сильные мира сего. Итальянскому королю (а позже — Муссолини) достались бесплодные горные плато Африканского Рога. Где, во-первых, ничего не росло, во-вторых, ничего не добывалось, и в-третьих — население этой местности было злобным и боевитым. В общем, итальянцам достался самый худший кусок Африки — и владение им приносило Италии не доходы (как нормальным колониальным державам), а исключительно расходы и хлопоты.

Но это так, лирическое отступление.

Теперь итальянцам эти бесплодные горные плато пришлось защищать вооруженной рукой. В чем они откровенно не преуспели.

Для захвата Эритреи англичане сосредоточили в Судане 5-ю индийскую дивизию. Сюда же ускоренным маршем после победы над Грациани была перебросена и 4-я индийская дивизия. Целью их наступления было захватить Массауа, единственный порт Эритреи на Красном море. 19 января индийские войска перешли в нескольких местах судано-эритрейскую границу. Правда, вскоре их наступление было остановлено близ поселка Керен, сильного укрепленного пункта в горах. Ключевой пункт обороны итальянцев в Эритрее был взят лишь 27 марта. 1 апреля пала Асмара, 6 апреля англичане достигли Массауа.

После этого Эритрея практически оказалась в их руках.

24 января англичане (1-я южноафриканская и 11-я и 12-я африканские дивизии) начали наступление из Кении на север, на Итальянское Сомали и, методически продвигаясь вперед, до 18 февраля заняли район западнее реки Джуба. После этого для захвата порта Могадишо была выделена моторизованная бригада. Стремительно пройдя 120 км, она 25 февраля заняла город, столицу Итальянского Сомали. Теперь в руках «ребят Муссолини» осталась лишь центральная Абиссиния.

В первых числах марта британцами был взят Дагабур, отстоявший на 900 километров от того места, где английские войска впервые вошли в соприкосновение с противником. 17 марта неудержимо продвигавшаяся колонна англичан захватила Джиджигу.

Хотя теперь английские коммуникации растянулись на 2500 километров, они не испытывали особых трудностей — 15 марта английской морской пехотой из Адена был взят порт Бербера, и снабжение ударных группировок пошло из этого пункта.

Целью англичан был теперь Харар, второй по величине город Абиссинии. К своему удивлению, англичане не встретили на подступах к нему почти никакого сопротивления, и 25 марта взяли Харар. С начала наступления из Могадишо ровно за четыре недели было пройдено 1500 км. Теперь англичане непрерывно продолжали двигаться к Аддис-Абебе, столице Абиссинии, в которую вступили 4 апреля.

Уцелевшие итальянские войска отступили на север и соединились в труднодоступном горном массиве Аладжи с вытесненными из Эритреи частями.

К этому времени греки оказались в крайне затруднительном положении, а в Северной Африке появился Роммель — в связи с чем британские части, действовавшие в Абиссинии, были крайне необходимы

на севере. Поэтому сопротивление остатков итальянских войск в горном массиве Аладжи имело очень важное для хода войны в Киренаике значение — четыре английские дивизии, осаждавшие герцога Аосту и его гренадеров в Аладжи, срочно требовались под Бенгази. Поэтому остатки итальянских частей должны были сражаться как можно дольше — чтобы этим оказать помощь своим товарищам в Ливии.

Итальянцам герцога Аоста удалось додержаться до 18 мая — после чего они вынуждены были капитулировать.

История Итальянской Восточной Африки закончилась.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Германия строит периметр обороны в Восточном Средиземноморье

Весна 1941 года — время активных (и успешных) действий немцев в бассейне Средиземного моря. Удивительно, но, практически не имея там флота, они умудрились захватить стратегическую инициативу в свои руки!

Впрочем, та легкость, с которой немцам удалось перебросить на Африканский континент 5-ю легкую дивизию, кажется все же подозрительной — или, вернее, «любезность» англичан была, скорее всего, задумана в лондонских кабинетах все с той же целью. А именно — втянуть немцев в войну на истощение на ливийском фронте. Где у них никаких осязаемых не то что стратегических — и тактических-то целей не было!

Командование немецким «заградительным соединением», формирование и усиление танками которого начали в начале года, было поручено генералу Роммелю. Он особенно отличился во время военных действий во Франции, столь же смело, сколь и успешно командуя 7-й танковой дивизией, в которой большинство составляли чешские легкие танки Pz-38. Но и с такими машинами Роммель умудрялся одерживать победы над более тяжело оснащенными

французскими танковыми частями — главным образом используя свое превосходство в связи и маневре. Именно это его качество оценило руководство вермахта, подыскивая военачальника на африканский фронт — ибо и там большинство бронетехники также составляли легкие танки, уступающие противнику по всем характеристикам.

* * *

6 февраля Роммель был принят Гитлером и Браухичем. Кроме 5-й легкой дивизии, уже подготовленной к отправке в Ливию («легкой», а не танковой она называлась главным образом из-за отсутствия второго пехотного полка в мотострелковой бригаде — вместо «лишней» пехоты ей придали дополнительное количество противотанковой артиллерии), ему к концу мая обещали перебросить еще 15-ю танковую дивизию. До ее прибытия он должен был препятствовать тому, чтобы итальянцы отошли с достигнутых ими позиций у залива Сидра до Триполи.

11 февраля он прибыл в Рим, где впервые встретился со своими итальянскими начальниками, с которыми у него позже было много острых разногласий, и в тот же день вылетел в штаб немецкого 10-го авиационного корпуса. Там Роммель настоятельно потребовал немедленных действий крупными силами против английской базы снабжения в Бенгази. На следующий день он прибыл в Триполи. В этом городе он встретился с итальянским генералом Гарибальди, который принял командование итальянскими войсками вместо ушедшего в отставку маршала Грациани.

Роммель увидел, что всюду царило подавленное настроение. На фронте было затишье, но итальянцы целиком находились под тяжелым впечатлением сокрушительных поражений в предыдущие месяцы.

Генерал Эрвин Роммель

Роммель решил вывести итальянцев из их летаргического состояния. Когда 14 февраля в Триполи были выгружены первые части 5-й немецкой легкой дивизии, он немедленно бросил их на фронт, сам принял командование ими и передал им свой энтузиазм. Несколько удачно выполненных немецкими частями боевых задач убедили Роммеля в том, что он имеет дело с противником, ставшим очень осторожным. Во

время беседы с Роммелем главнокомандующий итальянской сухопутной армией предостерегал его не начинать наступления на Аждабадию, куда англичане между тем отошли, раньше конца мая, когда должна будет прибыть 15-я танковая дивизия. Несмотря на это предостережение, Роммель решил уже в конце марта предпринять наступление с ограниченной целью, чтобы получить благоприятную позицию в юго-восточном углу залива Сидра. Еще даже не завершив сосредоточение в Африке, немцы организовали контрнаступление, и уже к 11 апреля достигли Бардии, Соллума и окружили Тобрук. Здесь их продвижение остановилось. Британцы в это время получили пополнение с родины — морской конвой доставил в Египет 82 крейсерских, 135 пехотных и 21 легкий танк. Они пошли на восстановление британской 7-й бронетанковой дивизии («Крысы пустыни»). Это позволило «Томми» реорганизовать свои силы и начать контрнаступление.

Надо отметить, что пополнение получили не только британцы — еще в конце января 1941 года в Африку прибыла танковая дивизия «Ариэте». В апреле ее солдаты проявляют достаточно храбрости в борьбе с британцами, достигнув Соллума и Бардии.

* * *

К моменту начала действий англичан по деблокаде Тобрука их силы были значительно меньшими, чем в начале кампании, — имеющая большой боевой опыт 6-я австралийская дивизия была переброшена в Грецию и заменена еще не обстрелянной 9-й австралийской дивизией. 7-я танковая дивизия находилась в Египте, где она отдыхала и получала пополнение. Ее место заняла 2-я танковая дивизия. Она также не была полностью готова к боям, ее танки — частично это были трофейные итальянские машины — имели большие технические недостатки.

Кроме того, серьезно изменилась обстановка и над театром боевых действий. 10-й немецкий авиационный корпус был срочно переброшен в Сицилию и сразу принес заметное облегчение немецко-итальянским союзникам. Это почувствовала в первую очередь британская эскадра в Александрии, которая до сих пор беспрепятственно оказывала с моря огневую поддержку своим войскам, уничтожала итальянские конвои на переходе морем, обстреливала транспортные колонны стран Оси, следующие по приморскому шоссе.

Немцы живо внесли свой ордунг в такое вопиющее безобразие. Порт и остров Мальта были заминированы поставленными немецкой авиацией магнитными и акустическими минами. Немецкие самолеты атаковали на бреющем полете английские военные корабли и суда, осуществлявшие снабжение войск вдоль побережья. Проводку конвоев через Средизем-

ное море пришлось прекратить после того, как при последней попытке авианосец «Илластриес» был тяжело поврежден, а крейсер «Саутгэмптон» потоплен. Суэцкий канал был так сильно заминирован, что судоходство по нему до конца марта было прекращено и смогло возобновиться лишь после того, как канал был протрален прибывшими из Южной Африки минными тральщиками. В общем и целом 10-й авиакорпус немцев показал англичанам, как надо использовать авиацию над акваторией Средиземного моря — какой опыт ими в дальнейшем и был использован уже против итало-немецких войск в Тунисе.

* * *

У англичан были крайне серьезные трудности в снабжении войск — от их баз в Египте до передовых дозоров у Эс-Салума было более тысячи километров. Вследствие отправки большого количества автотранспортных средств подвоза в Грецию предметы снабжения приходилось подвозить силами войскового транспорта. Это было очень тяжело, тем более что базой снабжения служил Тобрук, от которого войска находились на расстоянии 500 км. Дело в том, что с момента прибытия в Северную Африку вышеуказанного 10-го авиационного корпуса люфтваффе, в воздухе господствовали немцы. Поэтому от использования Бенгази, с прикрытия которого были сняты самолеты и зенитная артиллерия и направлены в Грецию, в качестве базы снабжения пришлось отказаться.

Когда в конце марта в Северную Африку прибыла 5-я немецкая легкая дивизия, 9-я австралийская дивизия без одного полка, оставленного в Тобруке, и главные силы 2-й английской бронетанковой дивизии занимали позиции восточнее Эль-Агейлы, в непосредственной близости от города. В начале марта английский главнокомандующий генерал Уэйвелл,

несмотря на отправку части сил в Грецию, еще не считал положение угрожающим. Ему было известно, что две итальянские дивизии и одно немецкое соединение, численность которого он считал равной примерно одному усиленному танковому полку, прибыли в Триполи. Этим сил, по его мнению, хватило бы самое большее на то, чтобы оттеснить англичан до Аждабаби. На продвижение противника до Бенгази он не рассчитывал. Далее, он считал, что потребуется по меньшей мере два месяца для переброски двух немецких дивизий в Триполи и что тогда возможности порта Триполи как базы снабжения будут полностью исчерпаны.

Наступление в жаркое время года казалось ему в высшей степени невероятным. Поэтому до конца лета, по мнению Уэйвелла, наступления итало-немецких войск не будет, а возможно, его удастся оттянуть еще дальше атаками на конвои противника в Средиземном море. В конце марта Уэйвелл на основании новых сведений, а также ввиду энергичных действий немецких войск оценивал положение как уже более серьезное, но надеялся на то, что численность немецких сил сильно преувеличивается и что он, хотя и с некоторым трудом, сможет продержаться в течение нескольких месяцев, а к тому времени положение в Греции улучшится или придут новые силы в Египет.

* * *

Нельзя считать, что Уэйвелл был совсем неправ в своей оценке обстановки — воевать летом в Африке невозможно по определению. Но немцы-то этого не знали! Поэтому и одержали первую победу над противником — убежденным, в свою очередь, в немыслимости боевых действий при температуре воздуха выше +50. Наступление с ограниченной целью, начатое Роммелем 31 марта против английских войск

перед Аджедабией, только благодаря неожиданно удачной местной обстановке и дерзкой смелости быстрого продвижения, на которое английский главнокомандующий не мог рассчитывать, вылилось в крупное наступление, запланированное Роммелем лишь на конец мая.

Правда, нельзя сказать, что англичане уж совсем впали в легкомысленность — в конце марта Уэйвелл ввиду энергичных действий немецких войск оценивал положение уже серьезней. Но все же надеялся на то, что численность немецких сил итальянскими пленными сильно преувеличивается (некоторые особенно впечатлительные неаполитанцы пугали англичан высадкой в Триполи немецкой танковой армии!) и что британский фронт в пустыне продержится до июля. А к тому времени либо положение в Греции улучшится, либо в Египет придут новые подкрепления. Да к тому же 29 марта английская Александрийская эскадра нанесла сокрушительное поражение итальянцам в бою у мыса Матапан — потопив тяжелые крейсера «Зара», «Пола» и «Фиуме» и изрядно повредив линкор «Витторио Венето». Так что возможности прикрывать конвои снабжения у итальянцев здорово упали — в такой обстановке английское командование не рассчитывало на какую-то активность врага на суше.

* * *

Увы, Уэйвелл здорово недооценил Роммеля.

Роммель во главе своего на скорую руку собранного оперативного объединения пошел на восток — и добился невероятных (учитывая крайнюю малочисленность своих войск) успехов!

Удар на Аджедабию оказался успешным, англичане отошли в направлении на Бенгази. Стремление англичан уклониться от решающего боя навело Ром-

меня на смелую мысль захватить также всю Киренаику. Итальянцы (их командующему Роммель был тогда подчинен) были категорически против подобной авантюры. Наплевав на прямой приказ Гарибальди (итальянского главкома в Ливии), Роммель велел своим танкистам не останавливаться.

В результате стремительного немецкого марш-маневра 4 апреля порт Бенгази был ими захвачен почти без боя. 2-я танковая дивизия англичан и 9-я австралийская дивизия начали отход на восток, постепенно превратившийся в паническое бегство от неизвестного (а потому и жуткого) противника. Слухи УТРАИВАЛИ мощь танковых сил Роммеля, а опасность оказаться отрезанными в бесплодной пустыне от источников пищи и, главное, воды — жутко нервировала австралийцев. Управление английскими войсками оказалось нарушенным, у британских танков, находившихся в районе Эль-Мекили, кончилось топливо, и поэтому большая часть танков была попросту брошена. Танкисты, пересев на грузовики (знакомая картина, не правда ли? Через год с небольшим нечто похожее произойдет в западных областях Белоруссии и Украины...), начали отступление на восток, к Тобруку; и мало-помалу это отступление превратилось в хаос. Австралийцы также начали отход, по пути постоянно ведя бои с немцами.

Вообще все приграничное сражение проходило в форме коротких стычек непрерывно маневрирующих войск — и у немцев это получалось гораздо лучше. В результате 2-я танковая дивизия англичан была разгромлена (вернее сказать — развалилась самостоятельно), английская армия (насчитывавшая, после всех изъятий, три дивизии и десятков отдельных полков, батальонов и дивизионов) была легко и непринужденно практически полностью вытеснена **одной немецкой танковой** (тогда она называлась «легкой») **дивизией** из пределов Ливии!

Теперь в распоряжении англичан имелись только отступившая к Тобруку 9-я австралийская дивизия и спешно перебрасываемая сюда же из Египта 7-я бронетанковая дивизия плюс какие-то части из тех, что стерегли границу до всего этого безобразия.

Тобрук был ключевой позицией — английские войска преграждали важное прибрежное шоссе, сковывали основные силы противника и, таким образом, препятствовали вторжению Роммеля в Египет. И к бывшей итальянской приграничной крепости спешно устремились: с запада — немецкие танки и мотопехота (имея в обозе итальянскую дивизию), с востока — 7-я бронетанковая (в будущем — самое знаменитое соединение войск Пустыни) дивизия англичан («крысы пустыни»).

Англичане оказались быстрее — 7 апреля 7-я английская бронетанковая дивизия прибыла в Тобрук, а уже 11 апреля эта крепость была окружена Роммелем. Тобрук был крайне важен для англичан — по планам Уэйвелла, он должен был быть не только удержан при всех обстоятельствах, но и стать базой для нового наступления на Триполи. Находящиеся там войска британское командование планировало пока усилить пехотой и танками, чтобы они могли постоянно беспокоить противника и вынудить его перейти к правильной осаде. В планы британцев входило вести на ливийско-египетской границе непрерывный встречный бой с врагом так, чтобы держать его постоянно в напряжении.

В этой стратегии был свой резон — итальянцам пока удавалось снабжать свои части в Африке, но постоянные бои на истощение заставят их серьезно увеличить тоннаж конвоев. А это им сделать будет крайне трудно ввиду нехватки судов и топлива для них. К февралю запасы нефти у итальянцев сократились до одного миллиона тонн, посему ее расход вместо минимально необходимых двухсот тысяч тонн в

месяц был снижен до критических пятидесяти тысяч тонн. И перспективы снабжения «кровью войны» для итальянского флота были весьма мрачными.

Поэтому, изматывая врага в Пустыне непрерывными боями, англичане рано или поздно добьются победы «по очкам».

Это стремление англичан (и не меньшая активность Роммеля) привело к ряду последовательных боев за захват инициативы, продолжавшихся до конца мая.

* * *

Роммель прилагал все силы, чтобы как можно скорее овладеть Тобруком, который являлся для него весьма большой помехой. Первая попытка внезапно захватить крепость 13 и 14 апреля не удалась. 15 апреля английским эсминцам удалось перехватить итальянский конвой и потопить несколько транспортов и три итальянских эскадренных миноносца. 21 апреля английский флот появился перед Триполи (три линкора и один крейсер), чтобы обстрелять порт и потопить стоявшие там суда.

Англичанам сказочно повезло — итальянский флот вступать в борьбу с ними не пожелал, а внимание немецкой авиации в эти дни было обращено на Грецию. Каннингхэм был против этой авантюры, но успех атаки заставил его внимательнее относиться к указаниям премьер-министра. Более того, неожиданная удача набега даже вдохновила Черчилля на новый план — затопить на фарватере старый линкор (как будто у него их была полна кладовка!) и тем вообще лишить немцев и итальянцев подвоза! К счастью для британского флота, эта идея была адмиралом Каннингхэмом отвергнута.

Тщательно подготовленная атака немцев 30 апреля не имела успеха — вследствие ожесточенного сопро-

тивления австралийцев и возросшей оборонительной мощи крепости; несмотря на воздушные налеты, минирование порта и подходов к нему, в Тобрук постоянно прибывало по морю из Александрии все необходимое. От использования транспортов англичанам пришлось отказаться, но посыльные суда и эскадренные миноносцы по-прежнему доставляли защитникам крепости все, в чем они нуждались.

Но уже очень скоро Роммель добьется колоссальных успехов — принимая во внимание, какими малыми силами он будет иметь возможность оперировать.

Но все это будет уже после 22 июня — даты, после которой все успехи Африканского корпуса (равно и его неудачи) станут для германского Генштаба откровенно вторичным вопросом...

* * *

Английские войска в Пустыне летом 1941 года получают множество изрядных тумачков от «лиса пустыни» — это правда. Но высадка ребят Роммеля в Триполи и угроза немецкого вторжения в Египет и Палестину послужат отличным поводом к принятию закона о ленд-лизе, по которому все американские поставки сражающейся Англии брались последней «в долг» или «арендовались». Март-апрель 1941 года принес не только желанное облегчение для англичан в обеспечении бесперебойных поставок военных материалов, но и помощь Соединенных Штатов, которые вплотную приблизились к активному участию в войне.

Англия, правда, еще должна будет выдержать платежный кризис, продолжавшийся несколько месяцев, а также — что для нее было особенно болезненным — перевезти в Соединенные Штаты из Южной Африки накопленный там большой запас золота. А также пережить несколько крайне неприятных

минут — капитуляцию Тобрука, отступление до Эль-Аламейна, — но в целом «заманивание» немцев в Северную Африку свою задачу выполнило. Черчилль мог торжествовать.

* * *

Самое удивительное в этом первом англо-немецком сражении на ливийско-египетском рубеже было в том, что мотивация усилий сторон была абсолютно противоположна их действиям!

Для немцев успехи в Пустыне означали, что им удалось еще дальше отогнать англичан от европейского континента и в преддверии Большой Сухопутной войны британцы не будут иметь возможность по-мелкому пакостить Германии в «мягком подбрюшье Европы», на Балканах. Цель немецкой средиземноморской стратегии была исключительно оборонительной — посему Роммель получал помощь в гомеопатических дозах. Впрочем, он умел обходиться наличными силами.

Немцы готовили вторжение в Россию — для них война в Пустыне имела значение лишь как помощь итальянскому союзнику и вынесение линии обороны рейха как можно дальше от его границ — насколько это позволит военное счастье. Никаких стратегических целей Гитлер своим войскам в Пустыне не ставил и ставить не собирался — за отсутствием реального обеспечения этих целей ресурсами. Взять Каир, штурмовать с моря (или с суши, как получится) Александрию, омыть гусеницы танков в Красном море — такие задачи немецким войскам никто из ответственных военачальников рейха не назначал. Подобные задачи роились лишь в мозгу «великого выдумщика» — Уинстона Черчилля. Какowymi он и пугал своего заокеанского союзника.

«Черчилль видел главную опасность в потере «фланговой позиции в Северной Африке», которая могла опрокинуть все английские планы ведения войны на Ближнем Востоке. **Давно запланированный захват острова Родоса, использовавшегося авиацией противника в качестве базы, пришлось отставить.** Кроме того, германо-итальянские аэрогромады теперь и на побережье Северной Африки находились уже на 1000 км восточнее своих первоначальных мест расположения.

Господство в воздухе держав Оси в восточной части Средиземного моря стало невыносимым для английского флота. По мнению англичан, для продолжения войны в этом районе имелись огромные возможности. Исходя из такой оценки обстановки, Черчилль требовал от всех действовавших там морских, сухопутных и воздушных сил величайшего напряжения. Черчилль полагал, что делом чести для английского флота является совместно с авиацией парализовать морское сообщение между Италией и Триполи и нарушить таким образом снабжение войск противника в Северной Африке».

Немцы не собирались торжественным маршем пройти по улицам Каира (во всяком случае, в 1941 году) — они **строили свой периметр обороны европейского континента. НАСТУПАТЕЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ.** Британцы же **готовили свое вторжение в Европу** — но пока, за отсутствием военного превосходства, **ОБОРОНИТЕЛЬНЫМИ МЕТОДАМИ.**

Немцы теснили британские войска подальше от европейских берегов — им надо было получить серьезную фору на то время, пока они будут разбираться с владельцами бакинской нефти, угля Донбасса и марганца Никополя. Если бы немецкое командование, как об этом неустанно пишут «демократические» историки, готовило нацистскую оккупацию всей Северной Африки — то почему в 1941 — 1942 годах у

Роммеля под командой НИКОГДА НЕ БЫЛО БОЛЬШЕ ТРЕХ НЕМЕЦКИХ ДИВИЗИЙ? Ставить какие-то стратегические задачи одному танковому корпусу (ну, плюс шесть-семь дивизий сомнительных итальянских войск) на пространстве в миллион квадратных километров — несколько необычно, вы не находите?

А англичане упорно стремились зацепиться за Тобрук или Бардию не для того, чтобы наладить должный отпор наступающим нацистским агрессорам, — как раз наоборот, опорные пункты в Ливии им нужны были, чтобы от них начать свой Большой освободительный поход в Европу (или, как писал Эйзенхауэр, «Крестовый поход в Европу»).

И именно в этом и был смысл всей деятельности Третьего рейха и Британской империи в бассейне Средиземного моря в эти весенние дни сорок первого года.

* * *

В этом же контексте мы можем рассматривать и Критскую десантную операцию немцев. Именно для того, чтобы по максимуму вынести линию обороны греческого побережья в море, германские войска и предприняли доселе беспрецедентную операцию на Крите.

«Чтобы преградить английскому флоту вход в Эгейское море и тем самым обеспечить морские проливы и морской путь из Греции в Румынию и Болгарию, а также чтобы захватить у англичан их воздушные базы, с которых они могли совершать налеты на нефтяной район Плоешти, Гитлер решил овладеть островом Крит». Заметим — не для того, чтобы, базируясь на Крит, начать захват Ближнего Востока, не для того, чтобы из гаваней этого острова направить десантный флот к Александрии — а именно для того,

чтобы построить ЛИНИЮ ОБОРОНЫ, немцы и затеяли эту операцию.

Флота у Германии в этом районе не было никакого в принципе, посему захват Крита планировалось осуществить главным образом с воздуха. Это была оригинальная, совершенно не похожая на прежние формы ведения войны операция, которая с тех пор ни разу не повторялась.

В этой ситуации немцам «шла масть». У них было *географическое* превосходство в воздухе — расстояния от Крита до немецких воздушных баз, созданных на материке и островах, колебались от 120 до 240 километров и не превышали радиуса действия немецких самолетов. Расстояния же до английских воздушных баз в Египте, на Мальте и в Мерса-Матрух составляли соответственно 700, 1000 и 500 км, и английским истребителям по техническим причинам невозможно было создать «зонтик ПВО» над Критом.

Правда, англичане могли действовать своими «галифаксами» и «ланкастерами» с египетских баз, но налеты английской авиации на немецкие аэродромы могли совершаться только ночью и небольшими силами. Действовать днем английским бомбардировщикам было очень опасно — радиус действия «харрикейнов» не позволял им сопровождать бомбардировщики.

Расположить крупные силы авиации на самом Крите англичане не могли — просто потому, что их не было в резерве; немцы продолжали налеты на Англию, нужда в истребителях все еще была высока. Небольшому же количеству самолетов на острове постоянно угрожали удары авиации противника. Таким образом, немцы обладали абсолютным господством в воздухе над районом Крита.

Тем более — когда начались налеты немецкой авиации, подготавливавшей высадку десанта, последние английские самолеты, чтобы избежать уничтожения,

перебазировались в Египет. Снабжение и переброску артиллерии по морю пришлось прекратить, так как потери транспортных судов от немецкой авиации были слишком большими.

Хотя сразу же после начала итало-греческой войны англичане (в начале ноября 1940 года) заняли этот остров и сменили греческий гарнизон, который был необходим для ведения войны на материке, — оборона Крита была подготовлена крайне плохо. Правда, английские войска усилили оборону острова от атак с моря, но вторжения с неба никто не ждал. Противовоздушная оборона острова состояла только из трех легких и двух тяжелых зенитных батарей.

Снабжение английского гарнизона осуществлялось через удобный порт и важную военно-морскую базу в заливе Суда. Но он был расположен на **северном** побережье острова и связан с аэродромами Малеме, Ретимнона и Гераклиона единственной хорошей дорогой, проходящей, опять-таки, по **северному** побережью. В остальной части острова были только тропы, пригодные исключительно для вьючного транспорта. Не было **ни одной** дороги, которая бы вела с севера на юг через горы, тянущиеся вдоль всего острова. То есть операционная связанность английской позиции на Крите была нулевой — маневр войсками в меридиональном направлении был попросту невозможен.

В мае 1941 года гарнизон Крита состоял из 27 500 британских военнослужащих и 12 000 греков под общей командой новозеландского генерала Фрейберга. Почти сорок тысяч человек! Увы, боеспособность одиннадцати греческих батальонов, состоявших в основном из новобранцев, была весьма невелика. Все части (и британские, и туземные) были легко вооружены и плохо оснащены. Полевой артиллерии они совершенно не имели. Гарнизон располагал только довольно значительным количеством

стационарных артиллерийских установок, девятью танками и примерно тридцатью бронетранспортерами. Транспортных средств не хватало, кроме того, все передвижения по дорогам вследствие господства немецкой авиации в воздухе можно было совершать только в короткие ночные часы. Гарнизон был расщеплен в четырех укрепленных пунктах в Гераклионе, Ретамноне, у залива Суда и в Малеме.

Ход боев за взятие Крита подробно и достаточно достоверно описывает Типпельскирх:

«Начиная с 12 мая английская воздушная разведка отмечала сосредоточение немецкой авиации на аэродромах, расположенных на материке и на островах, что свидетельствовало о подготовке немцами нападения с воздуха. Однако для отражения такого нападения, кроме правильной расстановки сил, нельзя было принять никаких энергичных мер. Даже сделанное Черчиллем 17 мая в палате общин заверение, что англичане будут удерживать остров до последнего человека, не могло повлиять на исход борьбы, хотя и способствовало тому, что немцы встретили крайне ожесточенное сопротивление.»

Немецкие силы, предназначенные для захвата Крита — 7-я парашютная и 5-я горно-стрелковая дивизии, — подчинялись командиру 11-го авиационного корпуса. Планировалось, что эти соединения будут сброшены на парашютах или доставлены на планерах и транспортных самолетах. Для прикрытия десанта с воздуха, подавления английского флота и поддержки на поле боя был выделен 8-й авиационный корпус в составе 280 бомбардировщиков, 150 пикирующих бомбардировщиков и 180 истребителей. Эту операцию должны были провести очень быстро и закончить еще до начала войны с Россией. Но пока парашютные войска еще были разбросаны на широком пространстве вплоть до Франции, транспортные авиационные части были заняты в Греции и не все со-

Ju-52, разбившиеся на Крите

ответствующим образом обучены для переброски парашютных войск. Наконец, нужно было еще создать сеть аэродромов в исходных районах вблизи портов.

Во время боев на самом острове парашютистов ожидали огромные трудности. У них не было специального тропического снаряжения, и войска очень страдали от сильной жары. Густая растительность облегчала противнику маскировку. Поскольку противник ожидал нападения с воздуха, он правильно расположил свои силы, и его нельзя было застигнуть врасплох. Наступающие должны были сначала обходиться только своим легким оружием. Предполагалось, что они, несомненно, встретят численно превосходящего противника.

Было сделано все возможное, чтобы тщательно подготовить операцию и добиться успеха. Нападение на остров было произведено 20 мая. Поскольку силы 8-го авиационного корпуса были недостаточно велики, чтобы поддерживать высадку парашютистов одновременно во всех четырех далеко отстоящих друг от друга местах Крита, высадка была произведена двумя волнами. Сначала в район южнее Кании и

для атаки аэродрома в Малеме было направлено по одному усиленному полку парашютистов. В обоих пунктах немцы встретили ожесточенное сопротивление. В районе Малеме один батальон, сброшенный восточнее аэродрома, попал на занятые противником позиции на командующих высотах и был почти полностью уничтожен во время приземления. Парашютисты другого батальона, приземлившись западнее аэродрома, были вынуждены с пистолетами и гранатами в руках пробиваться через пулеметные позиции противника к сброшенным контейнерам с оружием. Только резервный батальон был сброшен в район, где не было противника, смог привести себя в порядок и начать наступление против высот, господствующих над аэродромом. Полк, сброшенный в районе Кания, хотя и закрепился, но не смог соединиться с полком, высадившимся в Малеме. К исходу дня аэродром, от занятия которого зависела высадка горных стрелков и, следовательно, успех всей операции, еще оставался в руках англичан. Однако двум полкам удалось, хотя и ценой очень тяжелых потерь, закрепить ся на острове.

Напротив, действия войск второй волны против аэродромов в Ретимноне и Гераклионе не имели почти никакого успеха. И здесь в точно намеченное время стартовали сначала бомбардировщики и истребители, чтобы бомбовыми ударами и атаками пикирующих бомбардировщиков загнать оборонявшие аэродромы войска противника в укрытия и прикрыть истребителями воздушное пространство над местами высадки десантов. Но транспортные самолеты с парашютистами появлялись с большим опозданием и прибывали очень небольшими группами.

На недостаточном хорошо подготовленных взлетных площадках поднявшаяся сильная пыль замедлила отправку самолетов, что, в свою очередь, привело также к нарушению последовательности высадки.

*Когда парашютные части, сбросив предваритель-
но тяжелое оружие, приземлились, они натолкну-
лись на мощную оборону противника, который успел
оправиться после воздушного налета. Сброшенная
парашютная часть понесла очень тяжелые потери
и не сумела захватить ни одного из двух аэродро-
мов. Однако в обоих местах небольшие группы пара-
шютистов упорно оборонялись. Они сковали войска
противника, сделали в первую очередь невозможным
использование шоссе и тем самым косвенно облегчи-
ли положение своих войск, которые вели бои в районе
Малеме и Каниу.*

*К исходу первого дня еще ничто не говорило об
успехе. Пока немцы не захватили ни одного аэродро-
ма, они не могли высадить 5-ю горно-стрелковую ди-
визию, которая перебрасывалась на транспортных
самолетах. Возникал тревожный вопрос, смогут ли
два батальона в районе Малеме, один из которых
уже понес значительные потери, продержаться до
утра следующего дня, когда должны были высадить-
ся на Крите остальные части парашютной дивизии.
Это зависело главным образом от поведения про-
тивника. К счастью, последний не сумел правиль-
но оценить благоприятной для него обстановки. Он
предпринимал лишь частные контратаки, которые
стрелки были в состоянии отбить, и не вводил в бой
находившуюся поблизости бригаду, по-видимому,
опасаясь высадки морского десанта. Таким образом,
утром следующего дня удалось выбросить истреби-
тельно-противотанковый дивизион парашютной
дивизии и еще один батальон, сформированный из
остатков дивизии. С помощью этих подкреплений и
сильной поддержки с воздуха в течение всего дня уда-
лось взять штурмом сильно укрепленный населенный
пункт Малеме и настолько очистить от противника
район аэродрома, что уже в полдень там смогли вы-*

сagиться первые части горных стрелков. Это решило исход операции.

Полное господство немецкой авиации в воздухе дало возможность в последующие дни перебросить новые части горно-стрелковой дивизии, которые очистили от упорно оборонявшихся новозеландцев район вокруг аэродрома радиусом до 3,5 км.

В дополнение к атаке Крита с воздуха немецкое командование подготовило действия военно-морских сил, в результате которых на остров прежде всего должны были доставить тяжелое оружие, артиллерию и легкие зенитные пушки, поскольку их нельзя было перебросить по воздуху. Примитивный транспортный флот из многочисленных мелких судов и рыболовных катеров был переведен из порта Пирей к острову Милос, расположенному в 120 км от Крита, откуда он 22 мая должен был взять курс на Крит. Из-за неудачных действий офицера, командовавшего этим транспортным флотом, суда вышли в море так поздно, что наступившая ночь застала их еще в пути. Вскоре эти суда, не имевшие охранения с воздуха, были атакованы английскими военными кораблями. Большая часть судов пошла ко дну вместе со своим грузом, 300 человек из состава их команд погибли. Лишь немногим удалось добраться до Крита и спастись. Но и английские корабли на следующее утро понесли большие потери от непрерывных атак немецких бомбардировщиков. Два крейсера и два эскадренных миноносца были потоплены, один линкор и два крейсера тяжело повреждены. Такие потери были для англичан слишком тяжелыми. Английские корабли были отведены обратно в Александрию и, несмотря на требование из Лондона удерживать остров любой ценой и использовать даже военные корабли для перевозки туда войск, больше не выполняли подобных задач.

Теперь немцы могли подвезти по морю вооружение и организовать снабжение войск. Силы, переброшенные на транспортных самолетах в Малеме, были вполне достаточными, чтобы перейти к планомерному захвату острова. К 27 мая немецкие войска захватили Канию и очистили от противника западную часть Крита. На следующий день отряд, в который входили мотоциклетно-стрелковый батальон, разведывательный батальон горных стрелков, артиллерия и несколько танков, повернул на восток, чтобы срочно оказать помощь парашютистам, высадившимся в районе Ретимнона и Гераклиона. 29 мая его передовые подразделения соединились с западной группой, окруженной западнее Ретимнона, и достигли самого города. Сопротивление противника быстро ослабевало. На следующее утро отряд, продолжавший наступление, освободил окруженную восточнее Ретимнона группу немецких парашютистов. А во второй половине дня — и окруженные подразделения в районе Гераклиона. Уже в тот же вечер отряд вышел на южное побережье острова в район Иера-петры, предварительно установив связь с итальянскими войсками, которые 28 мая высадились с острова Скарпанто на восточном побережье Крита.

Уже 26 мая генерал Фрейберг доносил, что положение на острове безнадежно. По его словам, нервы даже самых отборных солдат не могли выдержать непрерывно продолжавшихся в течение нескольких дней воздушных налетов; средств противовоздушной обороны не хватало. Потери в войсках были велики, большая часть стационарных установок береговой артиллерии была выведена из строя. После последней попытки заставить главнокомандующего английскими войсками на Ближнем Востоке продолжать оборону Черчилль отступил перед фактами. Поздним вечером 27 мая Фрейберг получил разрешение эвакуироваться с острова и перевести свои соединения

в Египет. Еще раз корабли Александрийской эскадры с совершенно недостаточной воздушной поддержкой должны были отправиться на остров Крит. Погрузка войск началась в ночь с 28 на 29 мая на северном побережье Гераклиона. Соединение в составе трех крейсеров и шести эскадренных миноносцев потеряло при этом четыре корабля. В ту же ночь другие военные корабли смогли из 10 тыс. человек, ожидавших погрузки в Хора-Сфакион, на южном побережье Крита, за четыре часа принять на борт 7 тысяч. Когда наступил день, погрузку пришлось прекратить из-за опасности воздушных налетов. Эти корабли также понесли значительные потери. Тем не менее в ночь с 31 мая на 1 июня было эвакуировано еще 4 тыс. человек. Затем английский флот во избежание дальнейших потерь прекратил эвакуацию. Поэтому один немецкий полк горных стрелков, который 29 мая сумел совершить переход через горы, 1 июня столкнулся со значительными силами противника и взял их в плен. В общем, из английского гарнизона Крита, насчитывавшего 27 500 человек, спаслась примерно лишь половина. Потери английской эскадры были необычайно велики: 3 крейсера (тяжелый крейсер «Глостер», легкий крейсер «Фиджи» и крейсер ПВО «Калькутта»), 6 эскадренных миноносцев («Джюно», «Грейхаунд», «Келли», «Кашмир», «Хардуорд», «Империиел») и 29 мелких кораблей и судов были потоплены. 2 линкора, 4 крейсера, 6 эскадренных миноносцев и 1 авианосец требовали серьезного ремонта.

Но очень высокими были и потери немецких войск. Если война на Балканах потребовала сравнительно небольших жертв (убитых — 1206, пропавших без вести — 548, раненых — 3901), то при захвате острова Крит был убит 2071 человек, ранено 2594 и 1888 человек пропало без вести. На Гитлера эти потери произвели такое угручающее впечатление, что он запретил подобные операции воздушно-десантных войск.

Отчасти благодаря этому решению остров Мальта впоследствии не был взят.

Конечно, эта операция, как бы дорого она ни обошлась, стратегически себя оправдала. Действия английского Средиземноморского флота были еще больше стеснены, связь с островом Мальта затруднена, нефтяные районы Румынии оказались теперь вне досягаемости английских бомбардировщиков. Крит вместе с итальянским островом Родосом образовывал удобную позицию для ведения дальнейших операций в восточной части Средиземного моря».

Вообще-то не совсем понятно, для каких таких «дальнейших операций в восточной части Средиземного моря» говорит вышепротитированный генерал. 1 июня закончилась битва за Крит, и через три недели все наличные немецкие войска должны будут вторгнуться в Россию — блистательная операция вермахта, люфтваффе и кригсмарине в Восточном Средиземноморье с последними выстрелами на Крите ЗАВЕРШИЛАСЬ.

Периметр немецкой обороны здесь был создан. От того, насколько быстро теперь германские войска завоюют Россию, будет зависеть и прочность немецкой обороны в Средиземноморье. Отныне судьба рейха решалась на Востоке...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В это же время на океанском фронте...

Англо-германское военно-морское соперничество в Атлантике и в Индийском океане в период с мая 1940-го по июнь 1941 года — крайне интересный и весьма поучительный эпизод Второй мировой войны. И, если отбросить в очередной раз все мифы о жуткой агрессивности Германии и тотальной беспомощности Великобритании, — характеризующийся безусловным преобладанием на этом театре военных действий просвещенных мореплавателей.

Немцы (в соответствии со своей теорией войны на коммуникациях) поначалу стали действовать по лекалам, заготовленным еще в двадцатые годы, — чему немало поспособствовал авторитет адмирала Редера. То есть, осознавая, что их военный флот не имеет ни единого шанса в генеральном сражении, — оное генеральное сражение немецкие адмиралы исключили (поначалу) из своих планов в принципе. Но слепо полагаться на доктрину адмирала Гросса немцам было не с руки — слишком мало боевых кораблей, предназначенных для рейдерства, было у них в наличии. Потеряв «Адмирала графа фон Шпее», немецкие флотоводцы решили, что войну на коммуникациях дешевле будет вести вспомогательными крейсе-

рами — с мая 1940-го по декабрь 1943 года в морях было задействовано 9 таких кораблей, переоборудованных из гражданских судов. Их история — поучительный рассказ о том, как нарастание средств противодействия надводному рейдерству со стороны англичан постепенно сделало идею о самой возможности вести надводное пиратство абсолютным и полным анахронизмом.

* * *

В теории все поначалу выглядело логично. Великобритания могла использовать в целях войны все материальные и человеческие ресурсы своей империи только в том случае, если транспортная связанность разных частей будет достаточно крепкой. Фрагментация британских торговых путей, если бы оной смогли достичь нацисты, уже делала бы предстоящее английское вторжение в Европу делом более чем сомнительным.

Но добиться подобной фрагментации (не говоря уже — пресечь английскую морскую торговлю на корню) наличными военно-морскими силами немцам было не по плечу. Британский торговый тоннаж составлял (на 1.09.1939 г.) 31,8% мирового плюс за последующий год для обеспечения своих морских перевозок англичане смогли использовать колоссальный норвежский и немаленький голландский торговые флоты. Всего в июне 1940 года ежедневно в море находилось две с половиной тысячи кораблей под флагами всего мира, старательно подготавливающие британский реванш в Европе. Надеяться серьезно помешать такому колоссальному грузопотоку с помощью трех «дейчландов» (из которых один к тому же должен постоянно ремонтироваться) было бы просто смешно.

Посему логичным выглядело решение немцев вывести на британские торговые пути (протяженность которых составляла более 80 000 миль) не только рейдеры специальной постройки (которых было на момент начала войны до обидного мало), но и переоборудованные торговые суда, «вспомогательные крейсера» по немецкой терминологии.

* * *

Наиболее знаменитым кораблем из девятки «вспомогательных крейсеров» был, безусловно, «Пингвин», бывшее торговое судно «Кандельфельз». Под командованием капитана I ранга Эрнста-Феликса Крюдера этот пароход за десять с половиной месяцев своего рейдерства уничтожил и захватил 28 торговых судов союзников. Начав свою эпопею 22 июня 1940 года проходом через Скагеррак и Каттегат, затем вдоль берегов Норвегии, маскируясь под русский теплоход «Печора», немецкий рейдер в первых числах июля прорвался в Атлантику через Датский пролив.

Свое каперство немцы начали в Центральной Атлантике, у островов Зеленого Мыса, но затем, быстро почувствовав, что в этих широтах уж больно пахнет жареным (им удалось потопить только один пароход «Доминго де Ларринага»), убыли в Индийский океан. И немудрено — торговое судоходство в этом районе было весьма оживленным, а системы конвоев в этих водах англичане не вводили по весьма разумным причинам. А именно опасности от вражеских кораблей (тем паче — самолетов или подводных лодок, ввиду малого радиуса действий оных средств морской войны) они здесь не ждали, а конвой — это неизбежное затягивание сроков доставки грузов, простаивание тоннажа, в конце концов, просто коммерческие убытки. Поэтому «Пингвин» оказался в Индийском океане, как хорек в курятнике.

Довольно долго удача сопутствовала «Пингвину» — во многом благодаря тому, что его командир был решителен, деятелен и находчив, а также тому, что вспомогательный крейсер перед выходом на дело оснастили гидросамолетом «Хейнкель-114», ставшим незаменимым средством для разведки на необъятных просторах Индийского океана.

В числе судов, захваченных или потопленных экипажем «Пингвина», — норвежский танкер «Филефель», арендованный англичанами и везущий 10 000 тонн бензина, и шедший в балласте танкер «Бритиш Коммандер», норвежский грузовой пароход «Морвикен» в пять тысяч тонн водоизмещением, и британский сухогруз «Бенавон» с тремя тысячами тонн каучука, норвежский балкер «Нордвард», груженный австралийской пшеницей, и норвежский же танкер «Сторстад» (его восемь тысяч тонн нефти явились для оголодавшего «Пингвина» поистине манной небесной), небольшой британский пароход «Наушера», рефрижератор с австралийской бараниной «Маймоа», теплоход «Порт Брисбен», еще один рефрижератор «Порт Веллингтон» с 4000 тонн мороженой говядины, танкер «Солглимт», плавбазы китобоев «Оле Веггер» и «Пелагос» вкупе с 12 китобойными шхунами (вместе с этой китобойной флотилией немцы отняли у норвежцев двадцать тысяч тонн китового жира и десять тысяч тонн мазута), сухогруз «Эмпайр Лайт», транспорт «Клан Бьюкенен» и танкер «Бритиш Эмперор». И все это — за десять с половиной месяцев!

Мало того — на минах, поставленных «Пингином» у западных берегов Австралии, подорвались два корабля. Жертвами стали небольшой британский каботажник и американский сухогруз «Сити оф Рейвилл» водоизмещением 5800 тонн. Это был ПЕРВЫЙ

американский корабль, погибший в этой войне. Но далеко не последний...

Счастью немцев, однако, вскоре пришел конец — танкер «Бритиш Эмперор» успел предупредить об атаке рейдера английский патрульный крейсер «Корнуолл», который и поставил жирную точку в карьере вспомогательного крейсера «Пингвин». Вместе с немецким капером на дно ушли 350 его офицеров и матросов, во главе со своим капитаном. Это случилось 8 мая 1941 года.

* * *

Командование кригсмарине испытывало серьезные трудности в прорыве английской морской блокады надводными кораблями — поэтому старалось использовать для выхода своих рейдеров в открытый океан (где они до поры до времени могли безнаказанно пиратствовать) любую возможность. Так, вспомогательный крейсер «Комета», вышедший из Гдыни 3 июня 1940 года, в вожделенный район оживленного вражеского торгового судоходства немецкое командование направило по Северному морскому пути — благо, с русскими на сей счет было заранее договорено.

14 августа 1940 года «Комета» вошла в пролив Маточкин Шар (с которого, собственно, и начинается СМП), а в ночь с 5 на 6 сентября прошла Беринговым проливом, поставив рекорд скорости прохождения Северного морского пути — за 23 дня пройдя 3300 миль, из них 720 миль во льдах.

Вся эта музыка — проход по русским территориальным водам, услуги ледоколов (на разных этапах «Комету» сопровождали «Ленин», «Сталин» и «Каганович») — обошлась немцам недешево, в 950 000 рейхсмарок. Но эти затраты командование

кригсмарине вполне окупило потоплением и захватом (за 17 месяцев рейдерства) девяти судов общим водоизмещением 65 000 тонн.

* * *

К вящему сожалению для немцев, уже начиная с весны 1941 года выходы в открытое море рейдеров и особенно их возвращение (равно и прибытие во французские порты захваченных ими призов) стало все более и более проблематичным. Англичане научились отслеживать эти прорывы, и все реже и реже немецкие рейдеры могли безболезненно прорывать блокаду — а самое главное, захваченные ими призы (так в морском лексиконе называются трофейные транспортные корабли, желательно в грузу) все чаще и чаще на пути в Фатерланд перехватываются английскими крейсерами. Да и сами рейдеры чуть позже будут успешно топиться британскими моряками — 19 ноября 1941 года ими будет уничтожен «Корморан», 22 ноября — «Атлантис», 14 ноября 1942 года в Ла-Манше английские торпедные катера навечно успокоят «Комету». К 1943 году действия надводных рейдеров немцев вообще сойдут на нет.

То есть главная, базисная функция рейдеров — захват вражеских кораблей с ценными грузами с последующей отправкой их на Родину — с течением времени перестает выполняться! Рейдеры все чаще и чаще вынуждены топить захваченные призы, не используя толком и десятой доли тех ценностей, что везут трофейные пароходы. То есть все усилия командования кригсмарине — подготовка кораблей, подбор экипажей, немыслимо трудное обеспечение выхода вспомогательных крейсеров в открытый океан — пропадают попусту! Ведь просто тупо потопить вражеский транспорт может и подводная лодка —

которая и стоит намного дешевле, и вывести ее на торговые пути врага многократно проще (в благословенные для немецких подводников 1941 — 1942 годы, разумеется).

Так зачем тратить и так малые ресурсы на обеспечение рейдерства надводных кораблей, когда с этими же задачами могут справиться многократно более дешевые подводные лодки? И сторонники «неограниченной подводной войны» (во главе с адмиралом Деницем) с каждым фактом гибели вспомогательных крейсеров получали все новые и новые козыри на руки.

* * *

Но руководство кригсмарине прекрасно понимало, что полностью отказаться от действий надводных кораблей на торговых путях врага, окончательно переключиться на подводную войну — значит априори отдать противнику инициативу в ведении морской войны. И поэтому Редер и чины его штаба решили весной 1941 года совершить то, от чего их настойчиво отговаривал покойный вице-адмирал Гросс, — вывести в море линейный флот и устроить англичанам генеральное сражение.

Необходимость в подобном действе назрела более чем — в январе-феврале 1941-го «Шарнхорст» и «Гнейзенау» совершили успешный рейд в Атлантику, потопив транспортные суда водоизмещением в 115 622 тонны. Увы, немецкие линейные крейсера вынуждены были после столь удачного предприятия укрыться во французском Бресте (на «Шарнхорсте» произошла поломка машин, «Гнейзенау» вынужден был сопровождать систершип в ближайший дружественный порт). Они сделали это потому, что не имели возможности сражаться с английскими линкорами на равных — ввиду своей очевидной слабости

(главный калибр в 280-мм для 1941 года был более чем скромным), для крейсерской же войны их мощь была избыточна. Линейные крейсера нуждались в обеспечении их действий настоящим линейным кораблем (лучше — эскадрой линейных кораблей) — и в случае успешного исхода генерального сражения линейных сил они вполне могли бы установить пусть временное, но **НЕМЕЦКОЕ** господство в Северной Атлантике.

Посему для обеспечения действий **ВСЕХ** немецких надводных рейдеров немецкие адмиралы решили выставить на линию огня свой главный (и единственный на тот момент) козырь — линейный корабль «Бисмарк».

Как бы красиво на бумаге ни выглядела теория крейсерской войны — эта самая война оставалась лишь частью военно-морского соперничества; причем весьма зависимой от того, кто в данный момент «владеет морем». И события, начавшиеся 19 мая 1941 года, означали лишь то, что **немецкие адмиралы решили пойти ва-банк.**

* * *

Рейд «Бисмарка» — это и было на самом деле **ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ** линейных флотов воюющих держав; целью немцев было поколебать уверенность англичан в их владении морем, целью же просвещенных мореплавателей — окончательно и бесповоротно утвердить собственное господство в Атлантике, принудить немцев отказаться от рейдерских операций своих крейсерских сил, безоговорочно загнать оставшиеся на плаву военные корабли нацистов в базы (где со временем их добьет КВВС).

А насчет того, что генеральное сражение в исполнении **ОДНОГО** линкора с немецкой стороны выглядело несколько странно (если не сказать больше) —

то, во-первых, «Бисмарк» на тот момент и был **всеми немецкими линейными силами**, а во-вторых — генеральное сражение может быть и между двумя воинами, один на один. Главное, чтобы это сражение велось за преобладание в ключевом пункте, а состав воюющих сторон на самом деле — не столь уж важен.

«Бисмарк» вышел в Атлантику для того, чтобы в решительном сражении с британским линейным флотом утвердить в этом ключевом районе Мирового океана немецкое превосходство — на максимально возможный срок (программа-максимум), либо поколебать британское господство, бывшее доселе неизменным для этого района Мирового океана — тоже на максимально возможный срок (программа-минимум). На первый взгляд кажущаяся сущим бредом, эта мысль вполне имеет право на существование по следующим причинам.

«Бисмарк» — новейший немецкий линейный корабль, вошедший в строй в 1940 году. Его водоизмещение составляло 41 500 тонн, его броневой пояс в 320 миллиметров превосходил таковой у всех его оппонентов (кроме новейших английских линкоров типа «Кинг Джордж V» — при меньшем калибре орудий на «англичанине»), вооружение — восемь 380-мм орудий главного калибра — было идентичным лучшим английским линкорам типа «Куин Элизабет» (линкоры типа «Нельсон» с 406-мм артиллерией ГК ввиду их крайне недостаточной скорости в качестве противника можно было не учитывать). А уж максимальная скорость (31 узел) давала немцам вполне реальную надежду на успешный исход морского боя — ни один английский линкор и линейный крейсер, кроме могучего «Худа», подобной скорости развить не мог.

То есть «Бисмарк» при благоприятном стечении обстоятельств мог бы навязать бой равным ему по

силам линейным кораблям англичан, а в случае безусловного преобладания последних в численности и калибре пушек — бежать с поля боя, используя свое преимущество в скорости. Да, в конце-то концов, не так уж и много в тот момент на театре было английских линкоров! Четыре из них несли службу в Средиземном море, два — ремонтировались; де-факто в битве с «Бисмарком» приняли участие практически все исправные английские линкоры и линейные крейсера — общим числом семь единиц. Но они были разбросаны по всему пространству Северной Атлантики, и у «Бисмарка» был шанс — правда, весьма небольшой — сражаться с ними *по очереди* — что, безусловно, прибавляло возможностей германскому линкору.

Так или иначе, но «Бисмарк» должен был выйти на генеральное сражение с английским флотом — В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ...

* * *

19 мая 1941 года «Бисмарк» вышел из Гдыни. Операция «Рейнübung» — поход немецкого линейного флота для генерального сражения с британским флотом — началась.

Адмирал Редер первоначально планировал вывести в море вместе с «Бисмарком» все имеющиеся в наличии тяжелые корабли условно линейного класса — но, увы, линейные крейсера «Шарнхорст» и «Гнейзенау» завязли в предательской ловушке Бреста. «Шарнхорст» еще не починил машину, «Гнейзенау» получил повреждения от ежедневных налетов английской авиации. И «Бисмарк» сопровождал один-единственный тяжелый крейсер «Принц Ойген» — это было ВСЕ, что командование кригсмарине могло выделить для предстоящего генерального сражения.

Англичане после конфуза Норвежской операции весьма тщательно стерегли выходы с Балтики в Северное море — вспомогательные крейсера кригсмарине к этому времени уже изрядно наломали дров на британских торговых путях, посему британское адмиралтейство считало крайне необходимым отслеживать движение вдоль норвежских фиордов любого немецкого корабля водоизмещением больше портового буксира. Располагая массой агентов в Дании и Норвегии, ежедневно посылая в авиаразведку к проблемному побережью пять-шесть «галифаксов», держа в Северном море несколько патрулей эсминцев — англичане уже 10 — 15 мая получили данные о том, что немцы регулярно высылают самолеты-разведчики в район между Гренландией и островом Ян-Майен. Просто так дорогостоящими «кондорами» нацисты рисковать бы не стали — следовательно, сделали вывод в британском Адмиралтействе, готовится очередной прорыв кораблей кригсмарине в Атлантику.

Командующий Флотом Метрополии адмирал Джон Тови в середине мая приказал тяжелым крейсерам «Норфолк» и «Саффолк» патрулировать Датский пролив — широкое пространство между Исландией и Гренландией, — по которому немецкие корабли могли бы проскользнуть в кишашую конвоями Северную Атлантику и натворить там такого, что кровь у английских адмиралов застыла бы в жилах.

Кроме того, англичане усилили воздушную разведку над районом Тронхейм—Берген. И одному из разведывательных самолетов удалось утром 22 мая сфотографировать «Бисмарк» и «Принц Ойген» в гавани Корсфиорд, немного южнее Бергена. Теперь англичане точно знали, что в прорыв идут не обычные вспомогательные крейсера — немцы выставляют на линию огня лучший (и единственный) свой линкор.

По состоянию на 21 мая в Атлантике находилось 22 конвоя в составе 294 транспортных судов при 69 кораблях охранения. Наиболее важным из них был конвой WS-8В, который вез 20 000 британских солдат в Египет, на доукомплектование армии Уэйвелла. Его конвоировали 7 эсминцев, эскадру прикрытия составляли линейный крейсер «Рипалс» и новейший авианосец «Викториес». Если бы немцы «достали» этот конвой — на британском Египте можно было бы поставить жирный крест...

* * *

Англичане сделали все, что могли, чтобы не допустить прорыва «Бисмарка» в свое *mare nostrum* — каковым они считали Северную Атлантику. Навстречу немецкому соединению вышли все имеющиеся на тот момент британские линкоры — в Датский пролив отправился линейный крейсер «Худ» (водоизмещение полное 46 700 тонн, мощность четырех турбозубчатых агрегатов 144 000 лошадиных сил, максимальная скорость 32 узла, броневой пояс — от 127 до 305 мм (в зависимости от важности брониру-

Линейный корабль «Принс оф Уэльс»

емого участка), вооружение — восемь 381-мм орудий ГК, двенадцать 140-мм орудий, зенитные пушки, торпедные аппараты, 1400 человека экипажа) и новейший линейный корабль «Принц Уэльский» (полное водоизмещение 44 800 тонн, мощность машин 130 000 лошадиных сил, максимальная скорость 30 узлов, бронирование — пояс до 381 мм, палуба до 152 мм, вооружение — десять 356-мм орудий ГК, шестнадцать 133-мм универсальных орудий, зенитки. Экипаж — 1900 человек) в сопровождении четырех эсминцев.

В пролив между Фарерскими островами и Исландией (наименее вероятный путь немецкого прорыва) Тови направил легкие крейсера «Аретуза», «Бирмингем» и «Манчестер» — с задачей чисто патрульной; естественно, на то, что легкие крейсера вступят в бой с линкором, англичане и не рассчитывали.

Навстречу возможному прорыву немцев из Гибралтара вышел адмирал Соммервилл с линейным крейсером «Ринаун» (однотипным «Рипалсу»), авианосцем «Арк Ройал» и легким крейсером «Шеффилд». Также в поиск была отправлена эскадра прикрытия конвоя WS-8B — линейный крейсер «Рипалс» и авианосец «Викториес».

Сам Тови с линкором «Кинг Джордж V», четырьмя легкими крейсерами («Галатей», «Аурора», «Кения», «Гермиона») и семью эсминцами находился в Скапа-Флоу в готовности к немедленному выходу.

Казалось, все было готово к достойной встрече немецкого линкора. Как выяснилось, так англичанам действительно только казалось...

* * *

Немцы не стали разочаровывать англичан — «Бисмарк» и «Принц Ойген» пошли на прорыв в Атлантику Датским проливом. И в 22.15 23 мая не-

мецкую эскадру обнаружил английский крейсерский патруль. Немцы поняли, что обнаружены — и в 22.28 «Бисмарк» открыл огонь по тяжелому крейсеру «Норфолк» из орудий главного калибра.

БИТВА ЗА АТЛАНТИКУ НАЧАЛАСЬ.

* * *

Огневой контакт «Бисмарка» с англичанами был недолгим — но с этой минуты радары британских крейсеров взяли немецкий линкор под неусыпный контроль. Одновременно со слежкой за обнаруженными вражескими кораблями «Норфолк» непрерывно передавал курс «немца» на «Худ», который вместе с «Принцем Уэльским» устремился на перехват нацистской эскадры.

На рассвете 24 мая пути эскадр пересеклись. В 5.50 залпом «Бисмарка» сражение между линейными силами противников началось.

Бог был на стороне немцев — имея вдвое меньший вес залпа главного калибра, они могли вести огонь по англичанам всем бортом, тогда как идущие прямо на «Бисмарк» «Худ» и «Принц Уэльский» могли стрелять только из носовых башен. Что, в общем-то, серьезно уравнивало шансы сторон — во всяком случае, на первых порах.

В 5.57 командир «Худа», выполняя приказ адмирала Холланда, начал поворот своего линейного крейсера, чтобы ввести в дело кормовые башни — но второй залп «Бисмарка» уже находился в воздухе, и один из 380-мм бронебойных снарядов немецкого линкора попал в английский корабль. Немедленно вспыхнул мощный пожар, охвативший всю среднюю часть линейного крейсера.

Третий залп немецкого линкора оказался для «Худа» смертельным. С дистанции в 22 километра бронебойные снаряды «Бисмарка» точно попали в артил-

лерийский погреб «англичанина» — в 6.03 линейный крейсер «Худ» взорвался и спустя две минуты затонул, унеся с собой адмирала Холланда, 94 офицеров и 1324 матроса.

Но гибели «Худа» немцам было мало — немедленно перенесся огонь на «Принца Уэльского», они загнали в него 4 380-мм бронебойные болванки. Одна из которых попала в боевую рубку английского линкора и убила там всех, за исключением капитана «Принца Уэльского».

В 6.13 бой был окончен — уцелевший английский линейный корабль, получив тяжелейшие повреждения, бежал, укрывшись дымовой завесой, и присоединился к своим крейсерам, идущим за кормой немцев, вне зоны их огня.

Первая со времен Ютландского боя англо-немецкая битва линейных сил в Атлантике закончилась полной победой немецкого оружия. Потери — пять раненых матросов, поврежденная носовая топливная цистерна, разбитый в щепки катер правого борта и затопленное котельное отделение № 2 на «Бисмарке» («Принц Ойген» вообще отделался легким испугом) — не шли ни в какое сравнение с потерями англичан. Ведь даже оставшийся на плаву «Принц Уэльский» утратил боеспособность и не мог продолжать сражение — не говоря уже о взорвавшемся и затонувшем со всем экипажем «Худе».

* * *

Задача-минимум для немецкой эскадры за двадцать две минуты боя была выполнена — с этого момента «Бисмарк» одним фактом своего существования мог связать большую часть британского флота и заставить его обороняться. Эти стратегические преимущества были настолько велики, что далее риско-

вать бесценным кораблем, который, даже находясь в доке, будет представлять смертельную угрозу для британского судоходства, было бы сущим безумием — и адмирал Лютьенс, командир немецкой эскадры, принял решение уходить на восток. Но для этого «Бисмарк» и его верный оруженосец должны были пока двигаться на юг — дабы достичь зоны дождевых шквалов и туманов, которые обещали метеорологи.

В 8.01 Лютьенс передал в Берлин, что намерен двигаться в Сен-Назер — но лишь после того, пока, следуя прежним курсом, не подойдет к зоне плохой погоды. Там он рассчитывал оторваться от преследования английскими крейсерами и повернуть на восток. Одновременно «Принц Ойген» должен будет направиться на юг — дабы нанести удар по британскому судоходству и по возможности спутать след преследователям. Риск потерять тяжелый крейсер — теперь, после победы в Датском проливе — был для немецкого командования более чем терпимым.

* * *

Увы, надеждам немецких адмиралов на благополучный исход рейда «Бисмарка» не суждено было сбыться.

Немецкая эскадра, правда, к вечеру 24 мая смогла незаметно для преследующих их англичан разделиться — «Принц Ойген» в 18.00 отделился от «Бисмарка» и, используя дождевой шквал и очередной огневой контакт линкора с преследующими их английскими крейсерами, ушел строго на юг, чтобы затем направиться в Брест.

«Бисмарк» же через некоторое время повернул на восток и курсом 130 градусов пошел на Сен-Назер. По сути, предприняв попытку бегства с театра — который становился все более и более неудобным и враждебным немецкому линкору.

Кольцо преследующих «Бисмарк» британских кораблей сжималось.

В 150 милях к северо-востоку от «немца» на его перехват шли линкор «Дюк оф Йорк», линейный крейсер «Рипалс», авианосец «Викториес», четыре крейсера и десять эсминцев.

В 400 милях восточнее маршрута движения немецкого линкора на боевой курс вышел линейный корабль «Родней» — имея скорость всего в 22 узла, он был вооружен девятью 406-мм орудиями главного калибра, безусловно смертельными для «Бисмарка».

Южнее немецкого линкора находились английский линейный корабль «Рэмиллес» с крейсерами «Эдинбург» и «Девоншир» — на тот случай, если немцам вдруг придет фантазия прорываться в испанские порты.

На север из Гибралтара вышло соединение «Н» — линейный крейсер «Ринаун», авианосец «Арк Ройал» и легкий крейсер «Шеффилд». Ночью 25 мая соединение адмирала Соммервилла достигло широты немецкого линкора, «проскочило» оптимальное положение для атаки и к рассвету оказалось уже северо-восточнее «Бисмарка» — впрочем, учитывая, что в состав соединения «Н» входил авианосец, это отнюдь не было смертельной ошибкой.

А в общем, англичане решили ни в коем случае не выпустить из своих смертельных объятий немецкий линкор — и не имела на самом деле никакого значения цена победы над «Бисмарком». Имело значение лишь одно — немецкий линкор должен быть перехвачен и уничтожен!

Первыми «удар возмездия» нанесли английские торпедоносцы «суордфиш» с авианосца «Викториес» — девять самолетов в условиях крайне скверной

погоды, в ночном мраке атаквали «Бисмарк». И последняя торпеда с последнего торпедоносца достигла наконец желанной цели — к счастью для немцев, она попала в броневой пояс и серьезного ущерба не причинила. К тому же удача все еще была на стороне немецкого линкора — в 3.06 англичане потеряли радиолокационный контакт с «Бисмарком»! У Лютьенса появился шанс прорваться в столь желанный, сколь и недоступный еще недавно Сен-Назер...

К сожалению, поскольку приемники немецкого линкора продолжали фиксировать импульсы британских локаторов, немцы продолжали считать, что они все еще «на мушке» у английских крейсеров. Откуда им было знать, что отраженные импульсы не достигают английских операторов РЛС! И на рассвете 25 мая Лютьенс отправил в штаб группы «Запад» командования кригсмарине длинную, из 150 групп, радиограмму — чем очень серьезно помог работе английских адмиралов. Служба пеленгации британского адмиралтейства получила надежные пеленги «Бисмарка» — они немедленно были доложены адмиралу Тови.

Бог все еще был на стороне немцев — английский адмирал решил, что «Бисмарк» бежит на север, чтобы через пролив между Исландией и Фарерскими островами удрать в Норвегию. И все патрульные силы англичан были немедленно задействованы для поиска черной кошки в темной комнате — при том, что никакой кошки в этой комнате не было...

* * *

В 10 часов 30 минут 26 мая везению немцев пришел конец — одна из патрульных «каталин» британского берегового командования, совершая обычный разведывательный полет в Бискайском заливе, обнаружила наконец исчезнувший накануне немецкий линкор. Увы, теперь у англичан практически не было ни одного шанса принудить «немца» к артиллерийскому бою

со своими линкорами — ближайший из них, «Дюк оф Йорк», находился в 130 милях на северо-запад от «Бисмарка» и безнадежно опаздывал к решающей схватке. Линейный крейсер «Ринаун» соединения «Н» был ближе — в 100 милях северо-восточнее «немца», — но его боевые возможности (всего шесть 381-мм орудий ГК и очень слабая броня) были значительно ниже возможностей «Бисмарка» (даже учитывая тот факт, что у «немца» были повреждены нос и борт). Посему вся надежда была на самолеты «Арк Ройала» — только они одни могли в данной ситуации спасти положение и добиться снижения скорости немецкого линкора.

* * *

В 14.50 14 «суордфишей» стартовали с палубы «Арк Ройала» и направились на юго-запад — но, по странной случайности, первой целью, на которую вышли английские самолеты, был «Шеффилд», к этому времени взявший «Бисмарк» в устойчивый контакт своего радара. К счастью для английского крейсера, первое звено торпедоносцев от волнения (и благодаря скверной погоде) промахнулось, от атак остальных «Шеффилд» искусно уклонился.

Ничего, успокоили себя английские пилоты. «Шеффилд» надежно прихватил немецкий линкор в прицелы своих радаров, теперь его будет атаковать куда сподручнее. И вторая волна торпедоносцев из 15 машин прошла сначала над английским крейсером, получила от него надежные радиолокационные пеленги — и вышла в атаку на «Бисмарк».

Огонь немцев был страшен. Атакующие «суордфиши» взрывались в воздухе, горящими клубами огня и дыма падали в океан. Но последний (опять последний!) торпедоносец достиг столь желанного успеха — сброшенная им торпеда поразила корму немецкого линкора!

«Бисмарк» потерял ход — руль был разбит, левый винт согнут, в кормовые отсеки поступило большое количество воды. Корабль мог управляться, лишь серьезно снизив скорость, линкор теперь полз по океану, рыская из стороны в сторону, как серьезно подвыпивший матрос. Его скорость по прямой едва превышала 12 узлов — что уже давало шанс англичанам на морской артиллерийско-торпедный удар.

Каковым шансом они незамедлительно воспользовались.

* * *

В 22.30 флотилия английских эсминцев («Зулу», «Сикх», «Коссак», «Маори» и польский «Перун»), идущая строем фронта, обнаружила рыскающий «Бисмарк». Несколько часов англичане маневрировали вокруг раненого гиганта, выбирая наилучшую позицию для атаки — и на рассвете 27 мая атаковали немецкий линкор.

Две торпеды попали в «Бисмарк» — одна лишь содрала краску с броневого пояса, вторая взорвалась в носовой части корабля, вызвав пожар в носовых топливных цистернах. Удар оказался роковым — с этого момента скорость немецкого корабля не превышала 10 узлов, и ему оставалось лишь ждать, когда к нему на дальность артиллерийского выстрела приблизятся английские линейные корабли.

В 8.43 Лютъенс увидел надстройки и мачты «Кинг Джорджа V» в 20 милях по пеленгу 298 градусов. Секундой позже милей правее он узрел линкор «Родней». Девять 406-мм и десять 356-мм орудий англичан не давали ни одного шанса на победу восьми 380-мм орудиям немцев — ибо единственное преимущество «Бисмарка» в этой ситуации, скорость хода, в этот момент таковым быть перестало из-за повреждения руля, пробоин в носовых топливных цистернах и пожаре в трюме.

Линейный корабль «Родней»

В 8.47 «Родней» открыл огонь, через минуту к нему присоединился «Кинг Джордж V». Немцы ответили огнем, но полуразрушенный «Бисмарк» плохо слушался руля, рыская на курсе, чем постоянно сбивал наводку — поэтому англичане рискнули приблизиться к немецкому линкору на минимально безопасную дистанцию. С которой просто расстреляли «Бисмарк» — практически в упор.

В 10.15 последнее орудие «Бисмарка» выпустило последний снаряд. Капитан Линдемманн, командир

немецкого линкора, приказал оставшимся в живых членам экипажа покинуть гибнущий корабль. Через пятнадцать минут в горящий, изувеченный, беспомощный, но все еще не желающий тонуть «Бисмарк» подошедший английский крейсер «Дорсетшир» всадил три торпеды — две в левый и одну в правый борт. В 10.36 линейный корабль «Бисмарк» скрылся под водой, так и не спустив немецкого военно-морского флага.

Английские корабли подняли с поверхности воды 110 немецких моряков. Чуть позже подводная лодка U-74 смогла спасти еще несколько человек из состава экипажа немецкого линкора. Когда же к месту катастрофы подошел испанский крейсер «Канариас» — на воде плавали лишь трупы.

История единственного боевого похода линейного корабля «Бисмарк» трагически завершилась. **Немцы окончательно и бесповоротно проиграли «Битву за Атлантику».**

* * *

Если отбросить в сторону изыски британского военного агитпропа (впрочем, и послевоенного тоже), то что мы можем сказать о рейде «Бисмарка»?

Только одно — эта операция носила **ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ** характер; вспомогательный по сравнению с теми усилиями, что менее через месяц предпримет вермахт на просторах России. «Бисмарк» должен был на какое-то (максимально возможное) время поставить под сомнение британское господство на морях. Именно поставить под сомнение! Целью похода «Бисмарка» не было **завоевание** господства на море — это понятно; но и низводить этот рейд до примитивного рейдерства против торгового судоходства врага было бы также ошибочно. К сожалению для немецких адмиралов, эта цель — поколебать уверен-

ность англичан в их господстве на море — достигнута не была. «Бисмарк» погиб, сделав все возможное для ее осуществления — увы, бог войны был не на его стороне.

Тем не менее — поход этот все же сыграл определенную роль в англо-немецком морском противостоянии. Погибший «Бисмарк» отбросил тень своей победы в Датском проливе на все немецкие корабли — как действующие, так и стоящие на стапелях. И очень долго эта тень требовала от англичан вполне реальных затрат — на новые корабли, на обучение экипажей, на патрульные самолеты и на многое, многое другое — что в ином случае пошло бы на более логичные и разумные цели.

* * *

Немцы отлично понимали всю ничтожность своих сил на море — тем не менее, они умудрялись даже столь малыми силами держать в напряжении флот недавней «ладычицы морей», заставляли во все расчеты британского Адмиралтейства вносить потенциальную мощь своих пусть крайне немногочисленных, но весьма опасных кораблей. Опасных не своей огневой мощью — это-то как раз у немцев было постоянной головной болью — опасных своей непредсказуемостью, возможностью появления этих немногочисленных кораблей там, где они могут принести максимально возможный ущерб. А именно — на торговых путях в Северной Атлантике и, в меньшей степени, в Индийском океане.

Немцы использовали свои немногочисленные корабли максимально эффективно — в условиях тогдашней реальности. И если бы рейд «Бисмарка» закончился успешным возвращением этого корабля в континентальные порты (не важно, в Брест, Сен-Назер или Лиссабон) — вполне возможно, предсто-

ящее англо-американское вторжение в Европу произошло бы гораздо позже июня 1944 года...

Но история не терпит сослагательного наклонения. В период с сентября 1939-го по июнь 1941 года немецкий военный флот сделал все, что от него зависело, чтобы помочь своим товарищам на сухопутных фронтах, — и не его вина, что сделано было так мало; увы, для столь ничтожных сил, которыми располагало командование кригсмарине, большее было откровенно не по плечу.

Германский надводный флот выполнил свою миссию — после 22 июня 1941 года, когда все усилия германской военной машины будут направлены на покорение России, его роль станет откровенно вспомогательной — с соответствующим выделением ресурсов. Более того, ввиду усиления британского флота, а также ввиду совершенствования его разведывательной и дозорной службы во всех морях, омывающих европейский континент, тяжесть боевой работы на океанских торговых путях целиком и полностью ляжет на немецкие подводные лодки. Которые и станут в ближайшем будущем главной силой немцев в морях и океанах, их главным оружием, с помощью которого командование кригсмарине попытается в очередной раз оспорить англо-американское господство в Океане.

Но подводные лодки — ОРУЖИЕ ОБОРОНЫ. Перейдя в глухую оборону на океанском фронте после 27 мая 1941 года, немецкое руководство предоставило своему врагу свободу рук на море — чем британцы весьма успешно воспользовались. После гибели «Бисмарка» (даже несмотря на ввод в строй через год однотипного ему «Тирпица» — ибо англичане в это же время ввели в строй **четыре** линкора и **три** авианосца) господство на океанских просторах вновь утвердилось за англичанами — немцам оставалось лишь обороняться.

Увы, никакие победы немецких подводников не смогут предотвратить неизбежное — англо-американское вторжение на европейский континент, крушение «новой Европы» Адольфа Гитлера и гибель национал-социалистической Германии.

Потери немецких подводников в этой войне будут жестокими и немыслимо большими — 70% экипажей не вернутся из глубины. Из 1157 построенных лодок 789 погибнут в боях. И хотя они потопят более 3000 транспортных судов (общим водоизмещением 14,5 миллиона брутто-регистрационных тонн), 178 боевых кораблей и 11 вспомогательных крейсеров — их борьба не принесет Германии победы. ПОТОМУ ЧТО ВОЙНЫ ОБОРОНОЙ НЕ ВЫИГРЫВАЮТ!

ЭПИЛОГ

Feci, quod potui; feciant meliores potentes.

И люфтваффе в ноябре 1940-го, и кригсмарине в мае 1941-го могли бы выгравировать это изречение на своих гербах; ибо все, что было в их силах, — они совершили. И не их вина, что победа осталась за врагом — ибо враг был неизмеримо сильнее, а главное — враг не уступал немецкой авиации и флоту в решимости победить, в самоотверженности, в мужестве и героизме. А в такой ситуации добиться победы для стороны, априори слабейшей, невозможно по определению. И немцы проиграли — потому что просто не могли не проиграть.

«Битва за Англию» была первым (и ключевым) этапом гипотетической операции «Морской лев». Люфтваффе, несмотря на колоссальные потери в личном составе и технике, несмотря на максимальное напряжение всех своих сил, оказались слабее королевских военно-воздушных сил; и предполагаемая высадка немецких танковых корпусов на Британские острова превратилась в попытку с заведомо негодными средствами, практически — в самоубийство; ибо без господства в воздухе над Ла-Маншем никакое снабжение высадившихся ценой большой крови войск будет невозможно. Ценой гибели сотен экипажей немцы выстрадали простую истину — англича-

не непобедимы в воздухе; с ноября 1940 года господство в небе над западноевропейским континентом перестает быть однозначно немецким. Очень скоро англичане начнут налеты на немецкие города — и к 1944 году эти налеты превратятся в постоянный ночной кошмар германских бюргеров. Огненный шторм Гамбурга и гибель Дрездена — прямые результаты провала люфтваффе над Южной Англией летом и осенью 1940-го, прямое следствие поражения, нанесенного немецким ВВС английской авиацией в те роковые месяцы.

Немецкие летчики еще долго будут пытаться оспорить факт своего поражения — налеты немецкой авиации на английские города будут продолжаться и в 1941-м, и в 1942-м, и в 1943-м, и в 1944-м. Даже в начале 1945-го самолеты-снаряды ФАУ будут продолжать взрываться в жилых кварталах Лондона! Но это уже на самом деле не будет иметь ровным счетом никакого значения — значение будет иметь лишь тот факт, что осенью 1940-го английские ВВС сломают наступательный порыв немцев, лишат их уверенности в своей непобедимости — а все остальное дело техники. Англичане будут строить (и получать из США) намного больше самолетов, будут обучать намного больше пилотов, чем Германия, — и, в конце концов, высадутся на европейский континент, прикрываемые с воздуха десятками тысяч самолетов; но это уже совсем другая история...

* * *

В отличие от пилотов люфтваффе, в «Битве за Англию» все же надеявшихся победить английские ВВС, — немецкие моряки не питали иллюзий относительно исхода морского противостояния с англичанами; они ощущали превосходящую мощь врага почти физически. Практически все немецкие морские

офицеры прекрасно знали состав британского флота, основные характеристики его кораблей, а самое главное — чудовищную (относительно немецкой) численность Королевского Флота. Иллюзий не было — но не было и холодного отчаяния, вполне естественного для этой ситуации. Действия немецких моряков (и их командования) в период с октября 1939-го по май 1941-го — образец силы воли, крепости духа, профессионализма и неистовой жажды сделать для своей Родины все, что в их силах. ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ.

Командиры «Адмирала графа фон Шпее» и «Бисмарка», «Пингвина» и U-47 погибли вместе со своими кораблями, сделав все, что в их силах, для победы Германии. В отличие от флота кайзера кригсмарине бросило вызов английскому флоту и смело пошло навстречу врагу — и лишь невысказанное превосходство англичан в кораблях позволило британскому флоту добиться победы над маленьким, но отчаянно храбрым и беззаветно мужественным немецким флотом.

Немецкий надводный военный флот сделал для Отечества ВСЕ, что мог, — увы, после гибели «Бисмарка» непрерывно возрастающая британская военно-морская мощь уже не оставляла немецким кораблям ни единого шанса. Гибель «Шарнхорста» в новогоднем бою в первый день 1943 года от снарядов линкора «Дюк оф Йорк», постоянные атаки англичан на затаившийся в норвежских шхерах «Тирпиц» — это, опять же, всего лишь производные событий 27 мая 1941 года, роковых для кригсмарине.

Тем не менее, несмотря на поражение в Северной Атлантике — на других театрах немецкий флот и после мая 1941 года продолжал оставаться весьма опасным врагом. В Средиземном море немцы почти не имели кораблей — но действия их подводных лодок и самолетов еще не раз поставят британскую Александрийскую эскадру на грань катастрофы. Не говоря уж о черноморском театре — здесь, используя под-

ручные средства, десантные баржи и торпедные катера, немцы загонят русский Черноморский флот с его линкором и пятью крейсерами в самый дальний юго-восточный угол театра, заставят его базироваться на непригодные для этого торговые гавани Поти и Батуми, потопят крейсер, все три лидера эсминцев и почти половину эскадренных миноносцев.

Немецкий флот до конца выполнит свою задачу — задачу создания передовой линии обороны Атлантического вала. Его надводные корабли будут продолжать сражаться с врагом в условиях вопиющего превосходства последнего, его подводные лодки станут ужасным кошмаром для всех кораблей, пересекающих Атлантику, именами его адмиралов матери по обе стороны океана будут еще долго после войны пугать своих детей — Германии не в чем упрекнуть своих моряков. Они до конца выполняют свой долг — к концу войны доживут считанные единицы немецких военных кораблей, считанные десятки субмарин из тысячи ста пятидесяти семи построенных за годы войны подводных лодок.

* * *

Тем не менее — и флот, и авиация, и Немецкий Африканский корпус в преддверии 22 июня 1941 года, в преддверии нападения Германии на СССР — сделают ВСЕ, что от них зависит, чтобы создать вермахту максимально благоприятные возможности для действий на русской равнине. Немецкие генералы смогут, не оглядываясь назад, вести свои армии в глубь Советского Союза — оборонительный периметр «крепости Европа», созданный немецкими моряками, летчиками и десантниками, еще очень долго (в масштабах войны) будет выполнять свою роль.

Единственный шанс для Германии закончить эту войну, захватив неисчислимые русские ресурсы, ока-

жется нереализованным. Россия окажется крепче, чем предполагали немецкие генералы, ее правительство окажется нестигаемым и твердым, а народ — верным и стойким. И план «Барбаросса» рухнет — вместе с ним рухнет последняя надежда Гитлера избежать краха национал-социалистического немецкого государства, гибели созданного им Третьего рейха, крушения надежд немецкого народа на право быть хозяевами в своем доме.

«Блицкриг» на русских просторах завязнет и превратится в безжалостную тотальную войну на истребление, в которой у Германии уже не будет ни одного шанса. Потому что на каждую тонну нефти, добываемую в Плоешти, союзники смогут ответить сорока тоннами Баку, Абадана и Хьюстона. На каждый немецкий танк — постройкой четырех «Шерманов» и Т-34. На каждый Вф-109 — шестью «Мустангами», «Ланкастерами» и Ла-5. На каждого немецкого солдата на линии огня союзники смогут выставить трех своих бойцов.

И Германия проиграет эту битву — потому что выиграть при таком соотношении сил просто НЕВОЗМОЖНО.

* * *

Правосудие Нюрнберга — правосудие ПОБЕДИТЕЛЕЙ. И ничем иным, кроме осуждения руководителей Германии, объявления их «военными преступниками», это правосудие закончиться не могло в принципе. Но возникает вопрос: все ли виновники всемирной драмы оказались на скамье подсудимых?

Война — результат политики ДВУХ сторон; а в случае Второй мировой войны — вообще НЕСКОЛЬКИХ. В Нюрнберге же были осуждены представители лишь ОДНОЙ из сторон, участвовавших в войне, — по умолчанию предполагалось, что все остальные участ-

ники того вселенского кошмара явились безусловными жертвами неистового немецкого желания поработить весь мир, захватить «жизненное пространство», уничтожить всех евреев (впрочем, и цыган, и славян, и прочих «недочеловеков»), вообще — устроить всему человечеству хорошенький концлагерь.

Но как немцы, располагая заведомо неконкурентоспособным флотом, малочисленной авиацией, ничтожной ресурсной базой, решились затеять всемирную бойню на истребление? И не логичнее было бы руководителей Германии признать в этом случае сумасшедшими, развязавшими войну без единого шанса на победу? Ведь только сумасшедший может начать войну с островным государством, обладающим огромным военно-морским флотом, — вообще не имея оно! Только сумасшедший может начать войну, не имея на своей территории достаточных запасов не только нефти — не располагая и третью требуемых для ведения войны минеральных ресурсов! Ведь те же марганец, никель, вольфрам, кобальт, каучук, олово — для Германии были безусловно недостижимы в случае морской блокады! Но сумасшедшими руководители Третьего рейха признаны не были — наоборот, военная психиатрия признала их полноценными людьми, отвечавшими за свои действия; посему германских обер-злодеев Фемида союзников признала ответственными за все злодеяния, творившиеся на территории земного шара с 1 сентября 1939-го по 9 мая 1945-го.

А раз руководители Германии были Нюрнбергским трибуналом признаны вменяемыми и на основании этого приговорены к повешению — не следовало бы заодно вздернуть на той же виселице и мистера Черчилля вкупе с мистером Рузвельтом? А за компанию — и пана Миколайчика, и маршала Рыдз-Смиглого, и господина Даладье?

Ведь именно тщанием вышеперечисленных особ германо-польская война, начавшаяся 1 сентября 1939 года, со временем переросла во всемирную бойню — именно они любовно выпестовали зверя войны, именно их усилиями всемирный пожар охватил все уголки нашего общего дома. От их воли зависело прекратить вакханалию смерти, не дать ей разгуляться по миру — и от их же воли зависело раздуть мировой пожар до небес, вбросить в топку войны максимально возможное количество народов и государств. Они выбрали второе — посему на их плечах ответственность за развязывание Мировой войны, ответственность не меньшая, чем на Гитлере со товарищи.

А раз на скамье подсудимых в Нюрнберге оказались только немцы — мы можем сделать единственный вывод.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НЕ ЗАКОНЧИЛАСЬ — ибо до сих пор не осуждены ее главные виновники, ее зачинщики, ее творцы. Они продолжают (уже в иных ипостасях) творить зло на Земле, и вновь народы послушно исполняют их волю, вновь посылают своих сыновей на все новые и новые войны, затеваемые истинными хозяевами мира во имя сохранения их власти.

Нюрнбергский трибунал — правосудие победителей. Так это было в 1946-м.

Но времена меняются. И поэтому

НЕ ПОРА ЛИ ПРОДОЛЖИТЬ ЗАСЕДАНИЯ ЭТОГО ТРИБУНАЛА?

Приложение 1

**КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ОГРАНИЧЕНИЮ
ВООРУЖЕНИЙ, ВАШИНГТОН,
12 ноября 1921 г. — 6 февраля 1922 г.**

Соглашение между Соединенными Штатами Америки, Британской империей, Францией, Италией и Японией, подписанное в Вашингтоне 6 февраля 1922 г.

Соединенные Штаты Америки, Британская Империя, Франция, Италия и Япония:

Желая внести вклад в дело всеобщего мира и сократить бремя гонки вооружений,

решили с целью выполнения этих целей заключить соглашение, чтобы ограничить свои военно-морские вооружения, и для этого назначили полномочных представителей.

Президент Соединенных Штатов Америки:

Чарльза Эванса Хьюза,

Генри Кэбота Лоджа,

Оскара В. Андервуда,

Элиху Рута, граждан Соединенных Штатов;

Его Величество Король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии и британских заморских доминионов, император Индии:

Достопочтенного Артура Джеймса Бальфура, полномочного министра, лорда-президента Его Тайного Совета;

Достопочтенного барона Ли Фэрехэма, первого лорда Адмиралтейства;

Достопочтенного сэра Окланда Кэмпбелла Джеддеса, Его чрезвычайного и полномочного посла в Соединенных Штатах Америки;

и

от доминиона Канада:

Достопочтенного сэра Роберта Лэйрда Бордена;

от Австралийского Содружества:

Сенатора, достопочтенного Джорджа Фостера Пирса, министра двора и территорий;

от доминиона Новая Зеландия:

Почтенного сэра Джона Уильяма Салмонда, судью Верховного Суда Новой Зеландии;

от Южно-Африканского Союза:

Достопочтенного Артура Джеймса Бальфура;

от Индии:

Достопочтенного Санкаранараяна Сриниваса Састри, члена индийского Государственного Совета;

Президент Французской Республики:

г-на Альберта Сарро, депутата, министра колоний;

г-на Жюля Ж. Жюссера, чрезвычайного и полномочного посла в Соединенных Штатах Америки, кавалера Большого креста ордена Почетного легиона;

Его Величество Король Италии:

Достопочтенного Карло Шанцера, сенатора королевства;

Достопочтенного Витторио Роланди Риччи, сенатора королевства, Его чрезвычайного и полномочного посла в Вашингтоне;

Достопочтенного Луиджи Альбертини, сенатора королевства;

Его Величество Император Японии:

Барона Като Томосабуро, министра флота, кавалера ордена Восходящего Солнца первой степени;

Барона Сидехара Кидзуро, Его чрезвычайного и полномочного посла в Вашингтоне, кавалера ордена Восходящего Солнца первой степени;

г-на Ханихара Масанао, вице-министра иностранных дел, кавалера ордена Восходящего Солнца второй степени;

Которые, сообщив друг другу свои соответствующие полные полномочия, находясь в добром здравии и должной форме, согласились со следующим:

Глава I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ВОЕННО-МОРСКИХ ВООРУЖЕНИЙ

Статья I

Договаривающиеся Стороны соглашаются ограничить их военно-морские вооружения, как предусмотрено настоящим Соглашением.

Статья II

Договаривающиеся Стороны могут сохранить свои линейные корабли и линейные крейсера, перечень которых определен в ГЛАВЕ II, Часть 1. Со вступлением в силу настоящего Соглашения согласно следующим положениям этой статьи все остальные линейные корабли и линейные крейсера Соединенных Штатов, Британской Империи и Японии, построенные или находящиеся в постройке, будут утилизированы, как предписано в ГЛАВЕ II, Часть 2.

В дополнение к линейным кораблям и крейсерам, указанным в ГЛАВЕ II, Часть 1, Соединенные Штаты могут закончить и сохранить находящиеся в постройке два корабля типа «West Virginia». По завершении постройки этих двух кораблей «North Dakota» и «Delaware» будут утилизированы, как предписано в ГЛАВЕ II, Часть 2.

Британская Империя в соответствии с таблицей замены в ГЛАВЕ II, Часть 3, может построить два новых линкора или линейных крейсера стандартным водоизмещением не более 35 000 тонн (35 560 метрических тонн) каждый. По завершении постройки названных выше двух кораблей «Thunderer», «King George V», «Ajax» и «Centurion» будут утилизированы, как предписано в ГЛАВЕ II, Часть 2.

Статья III

Согласно положениям Статьи II, Договаривающиеся Стороны должны отказаться от своих программ стро-

ительства линейных кораблей и крейсеров, и никакие новые линкоры или линейные крейсера не должны быть построены или приобретены любой из Договаривающихся Сторон, за исключением тоннажа замены, в рамках которого могут быть построены или приобретены соответствующие корабли, как определено в ГЛАВЕ II, Часть 3.

Корабли, которые заменяются в соответствии с ГЛАВОЙ II, Часть 3, будут утилизированы, как предписано в части 2 той же ГЛАВЫ.

Статья IV

Общий заменяемый тоннаж линкоров и линейных крейсеров для каждой из Договаривающихся Сторон не должен превышать в стандартном водоизмещении для Соединенных Штатов 525 000 тонн (533 400 метрических тонн); для Британской Империи 525 000 тонн (533 400 метрических тонн); для Франции 175 000 тонн (177 800 метрических тонн); для Италии 175 000 тонн (177 800 метрических тонн); для Японии 315 000 тонн (320 040 метрических тонн).

Статья V

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет приобретать или строить в пределах своей юрисдикции линейные корабли или линейные крейсера, превышающие по стандартному водоизмещению 35 000 тонн (35 560 метрических тонн).

Статья VI

Ни один линкор или линейный крейсер любой из Договаривающихся Сторон не должен нести вооружение калибром более 16 дюймов (406 мм).

Статья VII^А

Общий тоннаж для авианосцев каждой из Договаривающихся Сторон не должен превышать в стандартном водоизмещении для Соединенных Штатов 135 000 тонн (137 160 метрических тонн); для Британской Империи 135 000 тонн (137 160 метрических тонн); для Франции 60 000 тонн (60 960 метрических тонн); для Ита-

ли 60 000 тонн (60 960 метрических тонн); для Японии 81 000 тонн (82 296 метрических тонн).

Статья VIII

Замена авианосцев должна производиться только как предписано в ГЛАВЕ II, Часть 3, при условии, что весь тоннаж авианосцев, существующий или находящийся в постройке на 12 ноября 1921 г., должен рассматриваться как экспериментальный и может быть заменен, в пределах общего лимита водоизмещения, определенного в Статье VII, независимо от возраста.

Статья IX

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет приобретать или строить в пределах своей юрисдикции авианосцы, превышающие по стандартному водоизмещению 27 000 тонн (27 432 метрические тонны).

Однако любая из Договаривающихся Сторон при условии, что норма общего водоизмещения авианосцев вследствие этого не превышена, может построить не более двух авианосцев стандартным водоизмещением не более 33 000 тонн (33 528 метрических тонн) каждый, и чтобы обеспечить экономию, любая из Договаривающихся Сторон может использовать для этой цели любые два корабля, построенные или находящиеся в постройке, которые иначе были бы разобраны согласно условиям Статьи II. Вооружение любых авианосцев, превышающих по стандартному водоизмещению 27 000 тонн (27 432 метрические тонны) должно находиться в соответствии с требованиями Статьи X, за исключением того, что общее количество установленных орудий в случае, если любое из них превышает по калибру 6 дюймов (152 мм), кроме зенитных орудий и орудий, не превышающих 5 дюймов (127 мм), не должно быть более восьми.

Статья X

Ни один авианосец любой из Договаривающихся Сторон не должен нести вооружение калибром более 8 дюймов (203 мм). Без ущерба условиям Статьи IX, если установленное вооружение включает орудия, пре-

вышающие по калибру 6 дюймов (152 мм), их общее количество, кроме зенитных орудий и орудий, не превышающих 5 дюймов (127 мм), не должно быть более десяти. Если, в другом случае, вооружение не содержит орудий, превышающих по калибру 6 дюймов (152 мм), их число не ограничивается. В любом случае количество зенитных орудий и орудий калибром не более 5 дюймов (127 мм) не ограничивается.

Статья XI

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет приобретать или строить в пределах своей юрисдикции военные корабли, превышающее по стандартному водоизмещению 10 000 тонн (10 160 метрических тонн), кроме линкоров, линейных крейсеров или авианосцев. Под ограничения этой Статьи не будут попадать суда, построенные не специально как боевые корабли или находящиеся в мирное время под контролем правительства для военных целей, которые используются в нуждах флота как войсковые транспорты или каким-то другим образом во вспомогательных целях для ведения боевых действий иначе, чем боевые корабли.

Статья XII

Ни одно военное судно любой из Договаривающихся Сторон, заложенное в будущем, за исключением линкоров и линейных крейсеров, не должно нести орудия калибром более 8 дюймов (203 мм).

Статья XIII

Кроме того, как предусмотрено в Статье IX, никакой корабль, предназначенный настоящим Соглашением для утилизации, не может быть снова превращен в военное судно.

Статья XIV

В мирное время на торговых судах не должны производиться никакие приготовления для установки вооружения с целью преобразования таких кораблей в военные, кроме подкрепления палуб для установки орудий калибром не более 6 дюймов (152 мм).

Статья XV

Никакое военное судно, построенное в пределах юрисдикции любой из Договаривающихся Сторон для неучаствующих в Соглашении стран не должно нарушить ограничения по водоизмещению и вооружению, описанные настоящим Соглашением для судов подобного типа, которые могут быть построены любой из Договаривающихся Сторон; при условии, что стандартное водоизмещение авианосцев, построенных для неучаствующих в Соглашении стран не будет ни в каком случае превышать 27 000 тонн (27 432 метрические тонны).

Статья XVI

Если в пределах юрисдикции любой из Договаривающихся Сторон производится постройка любого военного судна для неучаствующей в Соглашении страны, такая Сторона должна немедленно сообщить другим Договаривающимся Сторонам дату заключения контракта и дату закладки; а также должна сообщить им подробные сведения, касающиеся судна, указанные в ГЛАВЕ II, Часть 3, Секция I (b), (4) и (5).

Статья XVII

В случае, если Договаривающаяся Сторона будет вовлечена в войну, она не должна использовать как военный корабль никакой корабль, который может находиться в постройке в пределах ее юрисдикции для любой другой Стороны или который, возможно, был построен в пределах ее юрисдикции для другой Стороны и не был передан заказчику.

Статья XVIII

Каждая из Договаривающихся Сторон обязуется не дарить, продавать или передавать любым другим способом любой военный корабль таким образом, чтобы этот корабль мог войти в состав флота любой иностранной Державы.

Статья XIX

Соединенные Штаты, Британская Империя и Япония соглашаются с тем, что на их территориях и в пределах

их владений должен поддерживаться существующий на момент подписания настоящего Соглашения статус-кво в отношении укреплений и военно-морских баз, а именно:

1) островные владения в Тихом океане, которые Соединенные Штаты имеют в настоящий момент или могут приобрести в будущем, кроме (а) прилегающих к побережью Соединенных Штатов, Аляски и Зоны панамского канала, не включая Алеутские острова, и (b) Гавайские острова;

2) Гонконг и островные владения, которые Британская Империя имеет в настоящий момент или может приобрести в будущем в Тихом океане восточнее меридиана 110° восточной долготы, кроме (а) прилегающих к побережью Канады, (b) Австралийского Содружества и его Территорий, и (c) Новой Зеландии;

3) следующие островные территории и владения Японии в Тихом океане: Курильские острова, острова Бонин, Амами-Осима, Лоотоо, Формоза и Пескадорские и любые островные территории или владения в Тихом океане, которые Япония может приобрести в будущем.

Поддержание статус-кво согласно перечисленным выше условиям подразумевает, что на указанных территориях и во владениях не должны строиться новые укрепления или военно-морские базы, не должны предприниматься никакие меры для наращивания существующих средств по ремонту и обслуживанию военно-морских сил и не должна усиливаться береговая оборона указанных выше территорий и владений. Это ограничение, однако, не мешает производить общепринятый в военно-морских и военных ведомствах в мирное время ремонт и замену изношенного оружия и оборудования.

Статья XX

Правила для определения водоизмещения, приведенные в ГЛАВЕ II, Часть 4, должны применяться к кораблям каждой из Договаривающихся Сторон.

Глава II. ПОРЯДОК ВЫПОЛНЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННЫХ СОГЛАШЕНИЕМ НОРМ

Часть 1. ЛИНЕЙНЫЕ КОРАБЛИ И ЛИНЕЙНЫЕ КРЕЙСЕРА, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ СОХРАНЕНЫ ДОГОВАРИВАЮЩИМИСЯ СТОРОНАМИ

В соответствии со Статьей II каждая из Договаривающихся Сторон может сохранить корабли, указанные в этой части.

КОРАБЛИ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ СОХРАНЕНЫ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ

Название	Водоизмещение
«Maryland»	32 600
«California»	32 300
«Tennessee»	32 300
«Idaho»	32 000
«New Mexico»	32 000
«Mississippi»	32 000
«Arizona»	31 400
«Pennsylvania»	31 400
«Oklahoma»	27 500
«Nevada»	27 500
«New York»	27 000
«Texas»	27 000
«Arkansas»	26 000
«Wyoming»	26 000
«Florida»	21 825
«Utah»	21 825
«North Dakota»	20 000
«Delaware»	20 000
Общий тоннаж	500 650

По завершении двух кораблей типа «West Virginia» и утилизации «Nort Dakota» и «Delaware», как предусмотрено в Статье II, общий тоннаж, сохраняемый Соединенными Штатами, составит 525 850 тонн.

**КОРАБЛИ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ СОХРАНЕНЫ
БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ**

Название	Водоизмещение
«Royal Sovereign»	25 750
«Royal Oak»	25 750
«Revenge»	25 750
«Resolution»	25 750
«Ramilies»	25 750
«Malaya»	27 500
«Valiant»	27 500
«Barham»	27 500
«Queen Elizabeth»	27 500
«Warsprite»	27 500
«Benbow»	25 000
«Emperor of India»	25 000
«Iron Duke»	25 000
«Marlborough»	25 000
«Hood»	41 200
«Renown»	26 500
«Repulse»	26 500
«Tiger»	28 500
«Thunderer»	22 500
«King George V»	23 000
«Ajax»	23 000
«Centurion»	23 000
Общий тоннаж	580 450

По завершении двух новых кораблей, которые будут построены, и утилизации «Thunderer», «King George V», «Ajax» и «Centurion», как предусмотрено в Статье II, общий тоннаж, сохраняемый Британской Империей, составит 558 950 тонн.

**КОРАБЛИ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ СОХРАНЕНЫ
ФРАНЦИЕЙ**

Название	Водоизмещение (метрические тонны)
«Bretagne»	23 500
«Lorraine»	23 500
«Provence»	23 500
«Paris»	23 500
«France»	23 500
«Jean Bart»	23 500

Название	Водоизмещение (метрические тонны)
«Courbet»	23 500
«Condorect»	18 900
«Diderot»	18 900
«Voltaire»	18 900
Общий тоннаж	221 170

Франция может заложить новые корабли в 1927, 1929, и 1931 гг., как предусмотрено в Части 3, Секция II.

КОРАБЛИ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ СОХРАНЕНЫ ИТАЛИЕЙ

Название	Водоизмещение (метрические тонны)
«Andrea Doria»	22 700
«Caio Duilio»	22 700
«Conte Di Cavour»	22 500
«Giulio Cesare»	22 500
«Leonardo Da Vinci»	22 500
«Dante Alighieri»	19 500
«Roma»	12 600
«Napoli»	12 600
«Vittorio Emanuele»	12 600
«Regina Elena»	12 600
Общий тоннаж	182 800

Италия может заложить новые корабли в 1927, 1929, и 1931 гг., как предусмотрено в Части 3, Секция II.

КОРАБЛИ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ СОХРАНЕНЫ ЯПОНИЕЙ

Название	Водоизмещение (метрические тонны)
«Mutsu»	33 800
«Nagato»	33 800
«Hiuga»	31 260
«Ise»	31 260
«Yamashiro»	30 600
«Fuso»	30 600
«Kirishima»	27 500
«Haruna»	27 500
«Hiei»	27 500
«Kongo»	27 500
Общий тоннаж	301 320

Часть 2. ПОРЯДОК УТИЛИЗАЦИИ БОЕВЫХ КОРАБЛЕЙ

При утилизации боевых кораблей, которая предусмотрена в соответствии со Статьями II и III, должны соблюдаться следующие правила.

I. Корабль, предназначенный на утилизацию, должен быть приведен в такое состояние, которое исключило бы его использование в военных целях.

II. Этот результат должен быть в конце концов достигнут любым из следующих способов:

a. Затопление корабля.

b. Разборка корабля. В этом случае всегда должно производиться уничтожение или удаление всех машин, котлов, брони, палубных настилов и обшивки.

c. Переоборудование корабля для использования исключительно в качестве цели. В таком случае должны быть предварительно выполнены все условия параграфа III этой Части за исключением подпараграфа 6, насколько это может быть необходимо для использования корабля как подвижной цели, и за исключением подпараграфа 7. Для этих целей любая из Договаривающихся Сторон может сохранить не более одного линейного корабля или линейного крейсера.

d. Из линейных кораблей, которые были бы иначе разобраны согласно настоящему Соглашению в течение или после 1931 года, Франция и Италия могут каждая сохранять два мореходных корабля исключительно для учебных целей, то есть как артиллерийские или торпедные школы. Два корабля, сохраняемые Францией, должны относиться к типу «Jean Bart», а из двух, сохраняемых Италией, первым должен быть «Dante Alighieri», второй должен принадлежать к типу «Giulio Cesare». При сохранении этих кораблей для упомянутых выше целей Франция и Италия соответственно обязуются снять и уничтожить их боевые рубки и не использовать указанные корабли как боевые.

III.

a. За специальным исключением, содержащимся в Статье IX, если корабль должен быть утилизирован, пер-

вая стадия утилизации, которая состоит в приведении корабля в непригодное для дальнейшего военного использования состояние, должна быть проведена немедленно.

б. Корабль будет считаться непригодным для дальнейшего использования в военных целях, когда с него будут сняты и выгружены или уничтожены на корабле:

1. Все орудия и их составные части, посты управления огнем и вращающиеся части всех барбетов и башен.

2. Все механизмы для работы гидравлических или электрических установок.

3. Все приборы управления огнем и дальномеры.

4. Все боеприпасы, взрывчатые вещества и мины заграждения.

5. Все торпеды, их боевые части и торпедные аппараты.

6. Все радиотелеграфное оборудование.

7. Боевая рубка и вся бортовая броня, или, как вариант, вся главная энергетическая установка; и

8. Все посадочные и взлетные платформы и все остальное авиационное оборудование.

IV. Утилизация кораблей должна быть произведена в следующие периоды:

а. В том случае, если корабли будут утилизированы согласно первому параграфу Статьи II работы по приведению корабля в непригодное для дальнейшего военного использования состояние, в соответствии с параграфом III этой Части, должны быть закончены в течение шести месяцев с момента вступления в силу настоящего Соглашения, а утилизация должна быть полностью закончена в течение восемнадцати месяцев с момента вступления в силу.

б. В том случае, если корабли будут утилизированы согласно второму и третьему параграфам Статьи II, или согласно Статье III, работы по приведению корабля в непригодное для дальнейшего военного использования состояние в соответствии с параграфом III этой Части должны быть начаты не позднее даты ввода в строй его преемника и закончены в течение шести месяцев с момента ввода в строй нового корабля. Корабль должен быть полностью утилизирован в соответствии с параграфом II этой Части в течение восемнадцати месяцев с момента ввода в строй его преемника. Если, однако,

готовность нового корабля задерживается, то работы по приведению старого корабля в непригодное для дальнейшего военного использования состояние в соответствии с параграфом III этой Части должны быть начаты в течение четырех лет со времени закладки киля нового корабля и закончены в пределах шести месяцев с момента начала этих работ, а старый корабль должен быть в конце концов утилизирован в соответствии с параграфом II этой Части в течение восемнадцати месяцев с момента начала работ по приведению его в непригодное для дальнейшего военного использования состояние.

Часть 3. ЗАМЕНА

Замена линейных кораблей, линейных крейсеров и авианосцев должна проводиться согласно правилам Секции I и таблицам Секции II этой Части.

Секция I. Правила по замене

а. Линейные корабли, линейные крейсера и авианосцы, достигшие двадцати лет с момента ввода в строй, могут, за исключением, предусмотренным в Статье VIII и в таблицах в Секции II этой Части, быть заменены вновь построенными, но в пределах ограничений, предписанных в Статье IV и Статье VII. Кили таких вновь строящихся кораблей могут, за исключением, предусмотренным в Статье VIII и в таблицах в Секции II этой Части, быть заложены не ранее, чем через семнадцать лет со времени ввода в строй заменяемого корабля при условии, что ни один линейный корабль или линейный крейсер, замещающий, как определено в Секции II этой Части, за исключением упомянутых в третьем параграфе Статьи II кораблей, не будет заложен на протяжении десяти лет с 12 ноября 1921 г.

б. Каждая из Договаривающихся Сторон должна немедленно сообщать всем остальным Договаривающимся Сторонам следующую информацию:

1. Названия линейных кораблей, линейных крейсеров и авианосцев, заменяемых вновь строящимися.

2. Дату выделения правительством заменяемого тоннажа.

3. Дату закладки кия.

4. Стандартное водоизмещение в тоннах и метрических тоннах каждого вновь заложеного корабля и его основные размерения, а именно: длину по ватерлинии, наибольшую ширину по или ниже ватерлинии, среднюю осадку при стандартном водоизмещении.

5. Дату ввода в строй каждого нового корабля, его стандартное водоизмещение в тоннах и метрических тоннах и основные размерения, а именно: длину по ватерлинии, наибольшую ширину по или ниже ватерлинии, среднюю осадку при стандартном водоизмещении на момент ввода в строй.

с. В случае потери или гибели линейного корабля, линейного крейсера или авианосца в результате несчастного случая, он может быть немедленно заменен вновь строящимся в соответствии с лимитами водоизмещения, предписанными в Статьях IV и VII и в соответствии с другими условиями настоящего Соглашения, а программа очередной замены должна быть в должной мере расширена.

d. Никакие сохраняемые линейные корабли, линейные крейсера или авианосцы не должны проходить реконструкцию, кроме как с целью обеспечения средств защиты от атак с воздуха и из-под воды, соответствующую следующим правилам: Договаривающиеся Стороны могут для этой цели оборудовать существующие корабли булями или блистерами или дополнительным палубным бронированием от атак с воздуха таким образом, что вызванный этими действиями рост водоизмещения не превысит 3000 тонн (3048 метрических тонн) для каждого корабля. Никакие изменения в вертикальном бронировании, в калибре, числе или общем типе размещения главного вооружения не разрешаются кроме:

1. В случае Франции и Италии эти страны в пределах отведенного для булей водоизмещения могут усилить бронирование и увеличить калибр орудий на уже существующих линейных кораблях, но так, чтобы он не превысил 16 дюймов (406 мм) и

2. Британской империи будет разрешено в случае с «Repeat» закончить уже начатые, но временно приостановленные изменения в бронировании.

Секция II. Замена и утилизация линейных кораблей и линейных крейсеров

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Год	Заложе-ны	Введены в строй	Утилизируются (текущий срок службы)	Сохраняемые корабли	
				Доюгланские	Постюгланские
			«Maine» (20), «Missouri» (20), «Virginia» (17), «Nebraska» (17), «Georgia» (17), «New Jersey» (17), «Rhode Island» (17), «Connecticut» (17), «Louisiana» (17), «Vermont» (16), «Kansas» (16), «Minnesota» (16), «New Hampshire» (15), «South Carolina» (13), «Michigan» (13), «Washington» (0), «South Dakota» (0), «Indiana» (0), «Montana» (0), «North Carolina» (0), «Iowa» (0), «Massachusetts» (0), «Lexington» (0), «Constitution» (0), «Constellation» (0), «Saratoga» (0), «Ranger» (0), «United States» (0) 1	17	1
1922		A, B 2	«Delaware» (12), «North Dakota» (12)	15	3
1923				15	3
1924				15	3
1925				15	3
1926				15	3
1927				15	3

Год	Заложе-ны	Введены в строй	Утилизируются (текущий срок службы)	Сохраняемые корабли	
				Дюжотландские	Постютландские
1928				15	3
1929				15	3
1930				15	3
1931	C, D			15	3
1932	E, F			15	3
1933	G			15	3
1934	H, I	C, D	«Florida» (23), «Utah» (23), «Wyoming» (22)	12	5
1935	J	E, F	«Arkansas» (23), «Texas» (21), «New York» (21)	9	7
1936	K, L	G	«Nevada» (20), «Oklahoma» (20)	7	8
1937	M	H, I	«Arizona» (21), «Pennsylvania» (21)	5	10
1938	N, O	J	«Mississippi» (21)	4	11
1939	P, Q	K, L	«New Mexico» (21), «Idaho» (20)	2	13
1940		M	«Tennessee» (20)	1	14
1941		N, O	«California» (20), «Maryland» (20)	0	15
1942		P, Q	2 корабля типа «West Virginia»	0	15

1. После выполнения требований ЧАСТИ 2, III (b) Соединенные Штаты могут сохранить «Oregon» и «Illinois» как вспомогательные суда.
 2. Два корабля типа «West Virginia».
- Примечание: А, В, С, D и т.д. соответствуют отдельным линейным кораблям или линейным крейсерам стандартным водоизмещением 35 000 т, закладываемым и вводимым в строй в указанные годы.

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Год	Заложены	Введены в строй	Утилизируются (текущий срок службы)	Сохраняемые корабли	
				Доюгланские	Постюгланские
			«Commonwealth» (16), «Agamemnon» (13), «Dreadnought» (15), «Bellerophon» (12), «St. Vincent» (11), «Inflexible» (13), «Superb» (12), «Neptune» (10), «Hercules» (10), «Indomitable» (13), «Temeraire» (12), «New Zealand» (9), «Lion» (9), «Princess Royal» (9), «Conqueror» (9), «Monarch» (9), «Orion» (9), «Australia» (8), «Agincourt» (7), «Egin» (7), 4 корабля в постройке или запланированных. 1	21	1
1922	А, В 2			21	1
1923				21	1
1924				21	1
1925		А, В	«King George V» (13), «Ajax» (12), «Centurion» (12), «Thunderer» (13)	17	3
1926				17	3
1927				17	3
1928				17	3
1929				17	3
1930				17	3

Год	Заложены	Введены в строй	Утилизируются (текущий срок службы)	Сохраняемые корабли	
				Дююгланские	Постюгланские
1931	C, D			17	3
1932	E, F			17	3
1933	G			17	3
1934	H, I	C, D	«Iron Duke» (20), «Marlborough» (20), «Emperor of India» (20), «Benbow» (20)	13	5
1935	J	E, F	«Tiger» (21), «Queen Elizabeth» (20), «Warspite» (20), «Barham» (20)	9	7
1936	K, L	G	«Malaya» (20), «Royal Sovereign» (20)	7	8
1937	M	H, I	«Revenge» (21), «Resolution» (21)	5	10
1938	N, O	J	«Royal Oak» (22)	4	11
1939	P, Q	K, L	«Valiant» (23), «Repulse» (23)	2	13
1940		M	«Renown» (24)	1	14
1941		N, O	«Ramillies» (24), «Hood» (21)	0	15
1942		P, Q	A (17), B (17)	0	15

1. После выполнения требований ЧАСТИ 2, III (b) Британская Империя может сохранить «Colossus» и «Collingwood» как вспомогательные суда.

2. Два корабля стандартным водоизмещением 35 000 т.

Примечание: А, В, С, D и т.д. соответствуют отдельным линейным кораблям или линейным крейсерам стандартным водоизмещением 35 000 т, закладываемым и вводимым в строй в указанные годы.

ФРАНЦИЯ

Год	Заложены	Введены в строй	Утилизируются (текущий срок службы)	Сохраняемые корабли	
				Дююгланские	Постюгланские
1922				7	0
1923				7	0
1924				7	0
1925				7	0
1926				7	0
1927	35 000 т	Г		7	0
1928				7	0
1929	35 000 т			7	0
1930		35 000 т	«Jean Bart» (17), «Courbet» (17)	5	*
1931	35 000 т			5	*
1932	35 000 т	35 000 т	«France» (18)	4	*
1933	35 000 т			4	*
1934		35 000 т	«Paris» (20), «Bretagne» (20)	2	*
1935		35 000 т	«Provence» (20)	1	*
1936		35 000 т	«Lorraine» (20)	0	*
1937				0	*
1938				0	*
1939				0	*
1940				0	*
1941				0	*

Год	Заложены	Введены в строй	Утилизируются (текущий срок службы)	Сохраняемые корабли	
				Доюгланские	Постюгланские
1942				0	*

* В пределах ограничений тоннажа; количество не обозначено.

Примечание: Франция также сохраняет право использовать распределение тоннажа линейных кораблей и линейных крейсеров, как она может считать целесообразным, подчиняясь исключительно ограничению, чтобы водоизмещение отдельных кораблей не превысило 35 000 т и чтобы общий тоннаж линейных кораблей и крейсеров находился в пределах, определяемых настоящим Соглашением.

ИТАЛИЯ

Год	Заложены	Введены в строй	Утилизируются (текущий срок службы)	Сохраняемые корабли	
				Доюгланские	Постюгланские
1922				6	0
1923				6	0
1924				6	0
1925				6	0
1926				0	0
1927	35 000 т			6	0
1928				6	0
1929	35 000 т			6	0
1930				6	0
1931	35 000 т	35 000 т	«Dante Alighieri» (19)	5	*
1932	45 000 т			5	*

1933	25 000 т	35 000 т	«Leonardo da Vinci» (19)	4	•
1934				4	•
1935		35 000 т	«Giulio Cesare» (21)	3	•
1936		45 000 т	«Conte di Cavour» (21), «Duilio» (21)	1	•
1937		25 000 т	«Andrea Doria» (21)	0	•

* В пределах ограничений тоннажа; количество не обозначено.

Примечание: Италия также сохраняет право использовать распределение тоннажа линейных кораблей и линейных крейсеров, как она может считать целесообразным, подчиняясь исключительно ограничению, чтобы водоизмещение отдельных кораблей не превысило 35 000 т и чтобы общий тоннаж линейных кораблей и крейсеров находился в пределах, определяемых настоящим Соглашением.

ЯПОНИЯ

Год	Заложены	Введены в строй	Утилизируются (текущий срок службы)	Сохраняемые корабли	
				Докладские	Постыкладские
			«Hizen» (20), «Mikasa» (20), «Kashima» (16), «Katori» (16), «Satsuma» (12), «Aki» (11), «Settsu» (10), «Ikoma» (14), «Ibuki» (12), «Kurama» (11), «Amagi» (0), «Akagi» (0), «Kaga» (0), «Tosa» (0), «Takao» (0), «Atago» (0), запланированные по программе, но не заложенные 8 кораблей. 1	8	2
1922				8	2
1923				8	2
1924				8	2

Год	Заложены	Введены в строй	Утилизируются (текущий срок службы)	Сохраняемые корабли	
				Доюгланские	Постюгланские
1925				8	2
1926				8	2
1927				8	2
1928				8	2
1929				8	2
1930				8	2
1931	A			8	2
1932	B			8	2
1933	C			8	2
1934	D	A	«Kongo» (21)	7	3
1935	E	B	«Hiei» (21), «Haruna» (21)	5	4
1936	F	C	«Kirishima» (21)	4	5
1937	G	D	«Fuso» (22)	3	6
1938	H	E	«Yamashiro» (21)	2	7
1939	I	F	«Ise» (22)	1	8
1940		G	«Hiuga» (22)	0	9
1941		H	«Nagato» (21)	0	9
1942		I	«Mutsu» (21)	0	9

1. После выполнения требований ЧАСТИ 2, III (b) Япония может сохранить «Shikishima» и «Asahi» как вспомогательные суда.

Примечание: A, B, C, D и т.д. соответствуют отдельным линейным кораблям или линейным крейсерам стандартным водоизмещением 35 000 т, закладываемым и вводимым в строй в указанные годы.

ПРИМЕЧАНИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КО ВСЕМ ТАБЛИЦАМ СЕКЦИИ II

Выше описан порядок, согласно которому корабли должны быть утилизированы в соответствии с их возрастом. Под этим понимается то, что, когда начнутся работы по замене кораблей согласно приведенным выше таблицам, порядок утилизации может быть изменен каждой из Договаривающихся Сторон по своему выбору; при условии, что эта Сторона должна будет утилизировать каждый год установленное выше число кораблей.

Часть 4. ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Для целей настоящего Соглашения следующие выражения должны пониматься в смысле, определенном в этой Части.

Линейный корабль или линейный крейсер

Линейный корабль или линейный крейсер, в случае кораблей, построенных когда-либо в будущем, определяется как боевой корабль, не авианосец, стандартное водоизмещение которого превышает 10 000 тонн (10 160 метрических тонн), или который несет орудия калибром выше 8 дюймов (203 мм).

Авианосец

Авианосец определяется как боевой корабль со стандартным водоизмещением более 10 000 тонн (10 160 метрических тонн), спроектированный для специфической и исключительной задачи нести самолеты. Он должен быть так сконструирован, чтобы самолет мог с него взлетать и садиться, и не должен нести более мощное вооружение, чем разрешенное для него Статьей IX или Статьей X.

Стандартное водоизмещение

Стандартное водоизмещение корабля — это водоизмещение полностью укомплектованного и оснащенного корабля, снабженного и готового к выходу в море, включая все вооружение и боеприпасы, оборудование, продовольствие и пресную воду для команды, различные за-

пасы и принадлежности, предназначенные по условиям военного времени, но без топлива и запаса питательной воды на борту.

Слово «тонна» в настоящем Соглашении, за исключением выражения «метрическая тонна», должно пониматься как означающее тонну в 2240 фунтов (1016 килограммов).

Корабли, введенные в строй к настоящему времени, должны сохранить их существующие показатели водоизмещения в соответствии с их национальной системой измерения. Однако Стороны, выражающие водоизмещение в метрических тоннах, должны будут для применения настоящего Соглашения рассматриваться как обладатели только эквивалентным водоизмещением в тоннах в 2240 фунтов.

Корабль, законченный когда-либо в будущем, должен быть оценен по своему водоизмещению в определенных здесь стандартных условиях.

Глава III. РАЗЛИЧНЫЕ УСЛОВИЯ

Статья XXI

Если в течение срока действия настоящего Соглашения требования национальной безопасности любой из Договаривающихся Сторон относительно военно-морских сил, по мнению этой Стороны, будут существенно затронуты любым изменением обстоятельств, Договаривающиеся Стороны по просьбе такой Стороны встретятся на конференции для повторного рассмотрения условий Соглашения и внесения поправок в соответствии со взаимным соглашением.

Ввиду возможных технических и научных достижений Соединенные Штаты после консультаций с остальными Договаривающимися Сторонами должны принять меры к проведению конференции всех Договаривающихся Сторон, которая должна собраться как можно скорее после истечения восьми лет со вступления в силу настоящего Соглашения, чтобы рассмотреть, какие изменения, если они понадобятся, необходимо внести в Соглашение, учитывая подобные достижения.

Статья XXII

Всякий раз, когда любая из Договаривающихся Сторон будет вовлечена в войну, которая, по ее мнению, затрагивает военно-морскую составляющую ее национальной безопасности, такая Сторона может после уведомления других Договаривающихся Сторон приостановить на период военных действий свои обязательства согласно настоящему Соглашению, кроме Статей XIII и XVII, при условии, что эта Сторона должна будет уведомить другие Договаривающиеся Стороны, что опасность носит такой характер, который требует подобной приостановки.

Остальные Договаривающиеся Стороны должны будут в таком случае собраться вместе, чтобы рассмотреть, какие временные изменения, если таковые будут необходимы, должны быть сделаны в Соглашении между ними. Если таковые консультации не приведут к соглашению, заключенному должным образом в соответствии с конституционными методами соответствующих Сторон, любая из упомянутых Договаривающихся Сторон может, уведомив другие Договаривающиеся Стороны, приостановить на период военных действий свои обязательства согласно настоящему Соглашению, кроме Статей XIII и XVII.

После прекращения военных действий Договаривающиеся Стороны встретятся на конференции, чтобы рассмотреть, какие изменения, если они понадобятся, должны быть сделаны в условиях существующего Соглашения.

Статья XXIII

Настоящее Соглашение должно оставаться в силе до 31 декабря 1936 года и в случае, если ни одна из Договаривающихся Сторон не уведомит за два года о дате, с которой она намерена выйти из соглашения, оно должно оставаться в силе до истечения двух лет с даты, когда было получено уведомление о выходе из соглашения одной из Договаривающихся Сторон, после чего действие Соглашения должно закончиться для всех

Договаривающихся Сторон. Такое уведомление должно быть передано в письменной форме правительству Соединенных Штатов, которое должно немедленно передать заверенные копии уведомления другим Сторонам и уведомить их о дате его получения. Уведомление будет считаться переданным и вступающим в силу с этой даты. В случае, если уведомление о выходе из соглашения будет передано правительством Соединенных Штатов, оно должно быть передано дипломатическим представителям в Вашингтоне остальных Договаривающихся Сторон и будет считаться переданным и вступающим в силу с даты передачи указанным дипломатическим представителям.

В течение одного года с даты вступления в силу уведомления о выходе из соглашения, поступившего от любой из Сторон, все Договаривающиеся Стороны должны встретиться на конференции.

Статья XXIV

Настоящее Соглашение должно быть ратифицировано Договаривающимися Сторонами в согласии с их соответствующими конституционными методами и должно вступить в силу в день обмена ратификациями, который должен состояться в Вашингтоне как можно скорее. Правительство Соединенных Штатов передаст другим Договаривающимся Сторонам заверенную копию протокола обмена ратификациями.

Настоящее Соглашение, французский и английские тексты которого оба являются подлинными, должно остаться на хранении в архиве правительства Соединенных Штатов, а должным образом заверенные копии его будут переданы этим правительством другим Договаривающимся Сторонам.

В подтверждение чего вышеназванные полномочные представители подписали настоящее Соглашение.

Сделано в городе Вашингтоне в шестой день февраля тысяча девятьсот двадцать второго года.

[Подписи и печати представителей]

НОТА СЭРА САМУЭЛЯ ХОРА НА ИМЯ ФОН РИББЕНТРОПА

1. В течение последних дней представители Германского правительства и Правительства е.в. в Соединенном Королевстве вели переговоры, главной целью которых была подготовка почвы для всеобщей конференции по ограничению морских вооружений. Я могу теперь с радостью сообщить в.п. о формальной согласии правительства е.в. в Соединенном Королевстве с обсуждавшимися во время этих переговоров предложениями Германского правительства о том, чтобы будущая мощь германского флота по отношению к совокупной морской мощи членов Британского коммонвелса наций выражалось бы пропорцией 35:100. Правительство е.в. в Соединенном Королевстве рассматривает эти предложения как вклад огромнейшего значения в дело будущего морского ограничения. Оно также верит, что достигнутое им соглашение с Германским правительством, рассматриваемое им как постоянное и определенное соглашение между обоими правительствами, начиная с сегодняшнего дня, облегчит заключение всеобщего соглашения по вопросу о морском ограничении между всеми морскими державами мира.

2. Правительство е.в. в Соединенном Королевстве также согласно с пояснениями, представленными Германскими представителями во время недавнего обсуждения в Лондоне, относительно метода применения этого принципа. Эти пояснения могут быть суммированы следующим образом:

а) Пропорция 35:100 является постоянным соотношением, т.е. общий тоннаж германского флота не должен превышать 35% общего тоннажа определенных в договоре морских сил Британского коммонвелса наций, или, если в будущем не будет существовать договорных ограничений этого тоннажа, то 35% совокупности

наличного тоннажа членов Британского коммонвельса наций.

b) Если в будущем всеобщем договоре о морском ограничении не будет принят метод ограничения путем условленных пропорций между флотами различных держав, то Германское правительство не будет настаивать на включении в такой будущий всеобщий договор о пропорции, упомянутом в предшествующем пункте, подразумевая, что принятый в нем метод будущего ограничения морских вооружений будет таков, что даст Германии все гарантии возможности сохранения этой пропорции.

c) Германия будет придерживаться пропорции 35:100 при всех обстоятельствах, т.е. эта пропорция не будет зависеть от строительства других держав. Если всеобщее равновесие морских вооружений, нормально поддерживавшееся в прошлом, будет резко нарушено каким-либо аномальным и исключительным строительством других держав, то Германское правительство сохранит право пригласить Правительство е.в. в Соединенном Королевстве рассмотреть созданное этим новое положение.

d) В вопросе об ограничении морских вооружений Германское правительство является сторонником системы разделения кораблей на категории, устанавливающие максимальный тоннаж и (или) вооружение кораблей каждой категории и распределение тоннажа, предоставляемого каждой державе, по категориям кораблей. В соответствии с этим и под условием соблюдения нижеуказанного п. f) Германское правительство готово применять 35% соотношение к тоннажу каждой категории сохраняемых кораблей и ко всякому изменению этого соотношения в отдельной категории или отдельных категориях в зависимости от соглашения об этом, которого можно будет добиться в будущем всеобщем договоре о морском ограничении с тем, что такого рода соглашения будут основаны на том принципе, что всякое увеличение в одной категории будет компенсиро-

роваться соответственным сокращением других. Если не будет заключено никакого всеобщего договора о морском ограничении или если будущий всеобщий договор не будет содержать положений, устанавливающих ограничение по категориям, то способ и степень, в которых Германское правительство будет иметь право изменять 35% соотношение в одной или более категориях, явится вопросом, разрешаемым по соглашению между Германским правительством и Правительством е.в. в Соединенном Королевстве в свете того.

е) Если и на все время, пока другие значительные морские державы будут сохранять только одну категорию для крейсеров и миноносцев, Германское правительство будет пользоваться правом иметь только одну категорию для этих двух классов кораблей, хотя бы оно и предпочитало две категории для этих классов.

ф) Однако в вопросе о подводных лодках Германия, хотя и не превышая пропорции 35:100 в отношении всего тоннажа, будет иметь право обладать подводным тоннажем, равным совокупности подводного тоннажа членов Британского коммонвелса наций. Германское правительство все же обязуется, что кроме исключительных обстоятельств, указанных в непосредственно следующей ниже фразе, германский подводный тоннаж не будет превышать 45% совокупного подводного тоннажа членов Британского коммонвелса наций. Германское правительство, в случае наступления обстоятельств, делающих, по его мнению, необходимым для Германии воспользоваться своим правом иметь процент подводного тоннажа, превышающий вышеуказанные 45%, сохраняет право уведомить об этом Правительство е.в. в Соединенном Королевстве и соглашается на дружественное обсуждение этого вопроса до того, как Германское правительство осуществит данное право.

г) Ввиду малого вероятия того, что при исчислении 35% соотношения для каждой категории кораблей получатся цифры тоннажа, точно делимые на максимальный

тоннаж, дозволенный для отдельных кораблей этой категории, могут потребоваться некоторые видоизменения, чтобы не лишать Германию возможности использовать свой тоннаж полностью. В соответствии с этим было условлено, что Германское правительство и Правительство е.в. в Соединенном Королевстве установят по взаимному соглашению, какие видоизменения необходимы в этих целях, и подразумевается, что этот порядок не повлечет какого-либо существенного или постоянного отступления от пропорции 35:100 в отношении общей мощности.

3. Ссылаясь на п. с) вышеизложенных пояснений, имею честь уведомить вас, что Правительство е.в. в Соединенном Королевстве приняло к сведению эту оговорку и признает указанное в ней право под условием понимания, что при отсутствии иного соглашения между обоими правительствами пропорция в 35:100 будет сохранена.

4. Имею честь просить в.п. уведомить меня о согласии Германского правительства с тем, что предложения Германского правительства правильно изложены в предшествующих пунктах настоящей ноты.

II) Нота фон Риббентропа сэру Самуэлю Хору

Имею честь подтвердить получение ноты в.п. от сего числа, в которой вы сообразовали сообщить мне от имени Правительства е.в. в Соединенном Королевстве следующее:

[Следуют п.п. 1 – 3 британской ноты.]

Имею честь подтвердить в.п., что предложения Германского правительства изложены правильно в вышеуказанной ноте и я с удовлетворением отмечаю, что Правительство е.в. в Соединенном Королевстве принимает эти предложения.

Германское правительство со своей стороны, также полагает, что соглашение, достигнутое им ныне с Пра-

вительством е.в. в Соединенном Королевстве, которое оно считает постоянным и определенным соглашением, имеющим действие с сего числа между обоими правительствами, облегчит заключение всеобщего соглашения по этому вопросу между всеми морскими державами мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Документы внешней политики СССР. Т. IV, М., Госполитиздат, 1960.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1, 2, М.; Госполитиздат, 1948.

Иностранные военные флоты 1946 — 1947 гг. Издание третье, М.: Воениздат, 1947.

История международных отношений и внешней политики СССР. Т. II, М., 1962.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в семи томах, М., Госиздат юридической литературы, 1957 — 1961.

Провал империалистических планов в отношении Польши в годы Второй мировой войны. Госполитиздат, 1952.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Док. и материалы. М., 1947. Т. 1 — 3.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. М., 1948. Т. 1. Ноябрь 1937 го — 1938 г. Т. 2.

Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. 1-е изд. М., 1958. Т. 1—2; 2-е изд. М., 1976. Т. 1 — 2.

Алафузов В. А. Доктрины германского флота. М.: Воениздат, 1956.

Андреев В. И. Борьба на океанских коммуникациях. М.: Воениздат, 1961.

Исаков И. С., Еремеев Л. М. Транспортная деятельность подводных лодок. М.: Воениздат, 1959.

Исраэлян В. Л. Антигитлеровская коалиция 1941 — 1945. М., 1964.

Лан В. И. США в военные и послевоенные годы. 1940 — 1960. М., издательство «Наука», 1964.

Прозктор Д. М. Война в Европе 1939 — 1941. М.: Воениздат, 1963.

Стрельников В. С., Ш. Война без риска. М.: Воениздат, 1965.

Севостьянов Г. Н. Подготовка войны на Тихом океане 1939 — 1941. М.; Издательство АН СССР, 1962.

Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии в период Второй мировой войны (1939 — 1945). М.: Наука, 1965.

Батлер Д. Большая стратегия, сентябрь 1939-го — июль 1941. М.: Изд-во иностранная литература, 1959.

Беккер К. Немецкие морские диверсанты во Второй мировой войне. Перевод с немецкого. М.: Изд-во иностранная литература, 1958.

Бело Р. Роль моря в будущей войне. М.: Воениздат, 1961.

Боргезе В. Десятая флотилия МАС. Перевод с итальянского. Изд-во иностранной литературы, 1957.

Гарт Л. Стратегия непрямых действий. Перевод с английского. М.: Изд-во иностранная литература, 1957.

Гейвин Д. Воздушно-десантная война. Перевод с английского. М.: Воениздат, 1957.

Гове А. Внимание, парашютисты. М.: Изд-во иностранная литература, 1957.

Де Голь Ш. Военные мемуары. Т. 1 — 2. М.: Изд-во иностранная литература, 1957 — 1960.

Дивайн Д. Девять дней Дюнкерка. М.: Воениздат, 1965.

- Клаузевиц К.* О войне. М.: Воениздат, 1987.
- Меллентин Ф. В.* Танковые сражения 1939 – 1945 гг. М.: Изд-во иностранная литература, 1957.
- Морисон С.* Битва за Атлантику. М.: Воениздат, 1956.
- Морисон С.* Битва за Атлантику выиграна. Перевод с английского. М.: Воениздат, 1959.
- Мэтлофф М., Снем Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941 – 1942 гг. М.: Изд-во иностранная литература, 1955.
- Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933 – 1945 гг. Т. 1, 2. М.: Изд-во иностранная литература, 1956.
- Нимиц Ч., Поттер Э.* Война на море 1939 – 1945 гг. Перевод с английского. М.: Воениздат, 1965.
- Погью Ф. С.* Верховное командование. Перевод с английского. М.: Воениздат, 1959.
- Ричардс Д., Сондерс Х.* Военно-воздушные силы Великобритании во Второй мировой войне (1939 – 1945). Перевод с английского. М.: Воениздат, 1963.
- Роковые решения. Сборник статей. М.: Воениздат, 1958.
- Руге Ф.* Война на море 1939 – 1945 гг. Перевод с немецкого. М.: Воениздат, 1957.
- Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. Перевод с немецкого. М.: Изд-во иностранная литература, 1956.
- Тирпиц А.* Воспоминания. М.: Воениздат, 1957.
- Фойхтер Г.* История воздушной войны в ее прошлом, настоящем и будущем. М.: Воениздат, 1956.
- Фуллер Дж.* Вторая мировая война 1939 – 1945 гг. Перевод с английского. М.: Воениздат, 1956.
- Кулиш В. М.* История второго фронта. М., 1971.
- Безыменский Л.* Особая папка «Барбаросса». М., 1972.
- Носков А. М.* Норвегия во Второй мировой войне. М., 1973.

- Филатов Г. С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973.
- Серова О. В.* Италия и антигитлеровская коалиция. М., 1973.
- Овсяный И. Д.* Тайна, в которой война рождалась. М., 1975.
- Орлов А. С.* Секретное оружие Третьего рейха. М., 1975.
- Кугрина Ю. В.* Дания в годы Второй мировой войны. М., 1975.
- Носков А. М.* Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М., 1977.
- Лолухов Б. Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977.
- Фомин В. Т.* Фашистская Германия во Второй мировой войне. Сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. М., 1978.
- Гальдер Ф.* Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939 — 1942 гг.: Пер. с нем. М., 1968. Т. 1. М., 1969. Т. 2; М., 1971. Т. 3.
- Влейер В., Дрехслер К., Ферстер Г., Хасс Г.* Германия во Второй мировой войне: Пер. с нем. М., 1971.
- Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война: Сокр. пер. с англ. М., 1972.
- Йорген А.* Так делаются войны. О закулисной стороне и технике агрессии: Пер. с нем. М., 1972.
- Финкер К.* Заговор 20 июля 1944 г. Дело полковника Штауффенберга: Пер. с нем. М., 1975.
- Карбышев Д. М.* Линия Мажино и позиция Зигфрида — 1939. Военная мысль № 11.
- Уинстон Черчилль.* Вторая мировая война. М., 1954.
- Буше Ж.* Бронетанковое оружие в войне. М., 1956.
- Яковлев Н.Н.* США и Англия во Второй мировой войне — М., 1961.
- Воронов Н.Н.* На службе военной. М., 1963.

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Лондон, 1964.

Иванова С. П. Начальный период войны. М., 1974.

Кобьельски С. Польское вооружение. Варшава, 1975.

Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939 – 1941. М., 1992.

Тейлор А. Дж. П. Вторая мировая война: Два взгляда — М., 1995.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Военный флот Веймарской республики. . .	8
ГЛАВА ВТОРАЯ. Морские планы национал-социалистической Германии	29
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. 3 сентября 1939-го. Начало конца кригсмарине	55
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Апрель — май 1940-го. Иллюзия победы	75
ГЛАВА ПЯТАЯ. Блестяще организованный тупик	114
ГЛАВА ШЕСТАЯ. «Морской лев» — большой блеф Гитлера	138
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Средиземноморские «забавы» дуче . .	152
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Вермахт идет на юго-восток. Ненадолго... ..	179
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Германия строит периметр обороны в Восточном Средиземноморье	226
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. В это же время на океанском фронте... ..	250
Эпилог	275
Приложения	282
Список использованной литературы	314

Научно-популярное издание

СЕКРЕТНЫЕ ПРОТОКОЛЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Усовский Александр Валерьевич

КТО НАТРАВИЛ ГИТЛЕРА НА СССР

Подстрекатели «Барбароссы»

Ответственный редактор *С. Соколова*

Художественный редактор *П. Волков*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *Г. Ражикова*

Корректор *С. Горшкова*

«ООО «Яуза-пресс»

109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.

Тел.: (495) 745-58-23, факс: 411-68-86-2253.

Подписано в печать 24.10.2012.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Балтика».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 3000. Заказ № 6523/12.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-9955-0488-7

9 785995 504887 >

Кто натравил Гитлера на СССР

ПОДСТРЕКАТЕЛИ «БАРБАРОССЫ»

ISBN 978-5-9955-0488-7

9 785995 504887 >

Новая книга от автора бестселлеров «Как Черчилль развязал Вторую Мировую» и «Военные преступники Черчилль и Рузвельт»! Запретная правда о главных виновниках и тайных причинах самой кровавой трагедии в истории. Убийственные улики против истинных «поджигателей войны». Расследуя величайшее преступление против человечества, автор неопровержимо доказывает: **зачинщиком всемирной бойни был отнюдь не Гитлер!**

Кто натравил его на СССР, поставив перед необходимостью напасть на Сталина? Врал ли фюрер, объявив вторжение в Советский Союз вынужденной мерой и утверждая, что ведет оборонительную войну? Как его заманили на Восток, вместо десанта на Британские острова заставив подписать самоубийственный план «Барбаросса»? И на ком львиная доля вины за гибель десятков миллионов русских и немцев – на Гитлере со Сталиным или на тех, кто подстрекал и провоцировал столкновение двух социалистических государств на радость глобальной финансовой олигархии и всеми силами раздувал мировой пожар, чтобы таскать каштаны из огня чужими руками?..

Вы не знаете подлинной истории Второй Мировой, если не читали книг Александра Усовского, раскрывающих глаза на ее подноготную, скрытые мотивы, секретные протоколы и самые опасные тайны!